

Теодор Драйзер
**ТРАГИЧЕСКАЯ
АМЕРИКА**

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ТРАГИЧЕСКАЯ АМЕРИКА

Государственное

издательство

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1952

СОКРАЩЕННЫЙ
ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Е. КАЛАШНИКОВОЙ
И
О. ХОЛМСКОЙ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И. АНИСИМОВА

*Обложка художника
Е. Бургункера*

ОБЛИЧИТЕЛЬ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Произведения американского писателя Теодора Драйзера приобрели мировую известность. Борьба против социальной несправедливости, которую он вел с таким воодушевлением и энергией, сделала его имя особенно близким американскому народу и всему прогрессивному человечеству.

Сегодня лучшие люди США, объединяющие свои силы для отпора фашизму и войне, находят неоценимую моральную поддержку в богатом творческом наследии Драйзера, в прекрасном примере его жизни.

Свой писательский путь Драйзер сам называет «длительной борьбой». Начиная с «Сестры Керри» — первого романа, опубликованного в 1900 году, — замечательному писателю вплоть до последнего дня его жизни пришлось преодолевать тяжелые препятствия. Он никогда не отступал от правды, и это неизменно вызвало ненависть к нему со стороны «разбойничьего класса», как называл Драйзер американских империалистов.

Уже на склоне лет, вспоминая прошлое, Драйзер говорил, что с самого начала его сознательной жизни у него сложилось убеждение, что американская действительность представляет собою нечто «жестокое и несправедливое», — «процесс опустошения, когда счастье может быть только иллюзией». «Начав работать репортером в Нью-Йорке, — продолжает Драйзер, — я проникся отвращением к уродливой жизни богатых, которой главным образом и интересовались газеты. Когда я пробовал заговорить о страданиях и притеснениях бедного люда, меня осмеяли. Я бросил журналистику и начал писать книги о социальной несправедливости».

С каждым новым произведением он все более глубоко проникал в сущность классовых противоречий современной Америки, все чаще и решительнее подчеркивал, что между теми, которые «имеют все», и теми, которые «ничего не имеют», лежит непроходимая пропасть. Стремление к правдивому изображению жизни с самого начала определило основную идейно-политическую линию творчества Драйзера.

Ленин писал в историческом «Письме к американским рабочим»: США являются «одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой»¹.

Именно эта жгучая, первостепенной важности тема с огромной силой и полнотой раскрывается в произведениях крупнейшего писателя Соединенных Штатов.

В трилогии — «Финансист», «Титан», «Стоик», — над которой писатель работал долгие годы, обнажен каннибальский характер американского империализма. Мы видим воочию, что под вывеской «американского образа жизни» скрывается звериная ненависть буржуазии к человеку и ко всему человеческому. С возмущением изображал Драйзер продажность государственного аппарата в США и пошлый фарс «демократии», разыгрываемый двумя партиями американской буржуазии, одинаково подвластными Уолл-стриту.

Огромной заслугой писателя было то, что он увидел и показал все признаки разложения капитализма, свидетельствующие о его близкой гибели. В последней части трилогии, подводящей итог реалистическому изображению американского капитализма, эти признаки выявлены с исключительной убедительностью.

Ярким разоблачением капиталистической Америки является роман Драйзера «Американская трагедия», вышедший в 1925 году и принесший автору широчайшую известность. В этом произведении показано, как власть доллара коверкает человека, лишает его чести и совести, доводит до преступления. Преступление гнездится в каждой клеточке американского государства, находящегося во власти «олигархии Уолл-стрита».

Весьма обязывающим заголовком этого романа автор подчеркивает типичность, общераспространенность описанных в нем явлений. Недаром американские мракобесы, задетые разоблачениями, сделанными в романе, так ополчились против звучащего как набат заголовка. Драйзер отстоял его буквально с боем.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 45.

В самом конце своей жизни, в романе «Оплот», Драйзер еще раз вернулся к зловещей проблематике «Американской трагедии» и еще раз показал, что «американский образ жизни» неотвратимо порождает самые отвратительные преступления.

Кроме романов, Драйзер создал несколько томов рассказов. На большом количестве ярких и наглядных примеров он показал, что условия жизни в Америке, находящейся под властью империалистических хищников, приводят к тому, что множество честных и талантливых людей не могут найти применения своим силам и способностям.

В своих рассказах Драйзер с сочувствием и искренней симпатией изображает людей труда. Именно в этих людях — в народе — писатель видел будущее своей страны, видел силу, которая победит человеконенавистническое господство «разбойничьего класса».

Драйзер написал свое первое крупное произведение еще в самом начале века, расцвет же его творчества падает на годы после Великой Октябрьской социалистической революции, которая раскрыла перед человечеством перспективу спасения от капиталистического рабства; оказала на Драйзера глубочайшее воздействие, осветив путь его дальнейшего творчества. После посещения советской России в 1927 году особенно возросли симпатии Драйзера к нашей стране, преданным другом которой он оставался всю свою жизнь.

В приветствии Съезду советских писателей Драйзер с волнением писал о том, что Советская страна была для него «источником света», что в ее великих делах он неизменно «находил поддержку и вдохновение для творческой работы...»

По признанию Драйзера, «строительство коммунизма в России осветило ослепительным светом социальное неравенство, господствующее в Америке», что оказало глубочайшее влияние на всю прогрессивную литературу в США.

С каждым годом автор «Американской трагедии» все более тесно связывал свою жизнь и деятельность с борьбой трудящихся. Во время экономического кризиса, разразившегося в США в 1929 году, Драйзер выступает на массовых собраниях, соприкасается с забастовочным движением, достигшим тогда в Америке широкого размаха. Он становится трибуном, другом трудящихся, защитником интересов рабочего класса.

Его творчество, проникаясь духом борьбы, поднимается на новую, высшую ступень. Он ощущает в себе силы поднять самые существенные вопросы действительности и дать на них простой

и ясный ответ, которого ожидают от писателя и мыслителя народные массы.

В 1931 году появляется замечательная книга Драйзера «Трагическая Америка» — грозный обвинительный акт против «олигархии Уолл-стрита».

Эта книга настолько напугала империалистических заправил, что была запрещена через месяц после ее выхода¹. Несколько тысяч экземпляров успели, однако, разойтись, и народ узнал об этом важнейшем выступлении писателя-трибуна.

«Трагическая Америка» — это книга фактов и документов, уличающих капиталистическую систему в чудовищных преступлениях против народа. С глубоким волнением повествует Драйзер о жизни масс, обреченных на прозябание. Миллионы людей в Америке «живут и умирают, так ничего и не испытав, ради чего стоило бы жить». На основании убедительных данных Драйзер свидетельствует, что капиталистическая Америка является тюрьмой для простого человека. С любовью говорит он о миллионах честных тружеников, попираемых «железной пятою» империализма.

В «типичном американском промышленном городе» Пассаике и в других подобных местах, которые Драйзер посетил, собирая материал для своей книги, он обнаружил одинаково «безотрадную картину» унижения и бесправия народных масс. С огромным удовлетворением отмечает он рост возмущения среди народа.

«В настоящее время в Америке кучка захвативших власть магнатов стремится обратить в рабство наш великий народ — и в этик целях она, прежде всего, старается духовно растлить его. Именно это, и только это, побудило меня вмешаться в происходящую 'борьбу', — так пишет Драйзер в начале своей книги, обращенной к массам, к простым людям Америки и ставящей своей целью «разобраться в том, что происходит сейчас в Америке и куда она идет».

Драйзер разоблачает лживую болтовню об американской демократии — болтовню, которой пытается прикрыть свои преступления «олигархия Уолл-стрита». Он клеймит виновников и вдохновителей чудовищного преследования негров в США. Разоблачения, сделанные Драйзером, касаются всех областей американской действительности. Повсюду раскрывается одно и то же зрелище кро-

¹ Об этом возмутительном факте Драйзер напоминает в письме к редактору журнала «Эдитор энд пাবлишер» от 18 сентября 1940 года, приводя его как наглядный пример, разоблачающий лжедемократию в США.

вавого разгула обнаглевших монополий и «всесильных банков», которые прибрали к рукам американское государство и цинично «попирают закон».

Чтобы скрыть от народа свои преступления, хищники-миллиардеры со всех сторон ведут «наступление на сознание масс», стараясь обмануть простых людей, сбить их с толку, сделать их покорными слугами монополий.

«Нет такого обмана, таких махинаций, перед которыми остановилась бы власть доллара!»—воскликает Драйзер. Он приводит вопиющие доказательства «самоутверждения и самообожествления власти доллара, грубость, жестокость и истинно нероновский деспотизм которой ни с чем нельзя сравнить».

Драйзер раскрывает те приемы политического надувательства и шантажа, которыми пользуются правители Америки, ту «необузданную тиранию монополий», которым дана неограниченная возможность грабить народ. Он клеймит презрением верховный суд Соединенных Штатов, специальностью которого стало «превращать жульничество в закон» и защищать разбойничью власть Уолл-стрита от «взрывов народного недовольства». Он доказывает, что американская конституция давно превратилась в простой «кусочек бумаги», что враги американского народа прикрываются этой истрепанной ширмой, чтобы надругаться «над правами рядового американца, будь то черный или белый», чтобы усиливать с каждым днем «чудовищное притеснение рабочих», чтобы обеспечивать огромные прибыли кровососам-миллиардерам.

Разоблачив издевательскую комедию выборов в США, разыгрываемую с целью создать некую видимость демократии, Драйзер обращается к своим читателям с вопросом: «Стоит ли голосовать» после всего сказанного? Стоит ли честному американцу «отдавать свои голоса кучке подлецов и бандитов»?

Приводя многочисленные факты и наблюдения, Драйзер показывает, что США являют собой полицейское государство, чудовищно раздувшийся аппарат насилия и угнетения, внедряющий при помощи резиновых дубинок и огнестрельного оружия «новую форму американского капиталистического рабства», обрушивающий на головы простых людей «все прелести террора, прочно вошедшего в состав американского образа жизни».

Драйзер обнажает кричащие социальные контрасты Америки, где всеми благами пользуется ненасытный мистер Рокфеллер, — а «наряду с ним тысячи голодных гранят мостовую в поисках работы». Нищета масс и богатство немногих — это типичная картина американской лжедемократии, где «простой народ (99%

всего населения) никогда не знает процветания, тогда как банки и корпорации процветают постоянно».

«Можно ли представить себе более безумную экономическую систему?» — спрашивает с возмущением автор «Трагической Америки». Он развернул перед читателем «удручающую панораму бесчеловечности», как он сам называет то правдивое изображение типичнейших явлений американской жизни, которое он дал в своей книге, рассеявшей ядовитый туман лжи, распространяемой империалистами.

Драйзер обвиняет американских империалистов в том, что они насаждают преступность, что «экономическое неравенство, которое само по себе есть тягчайшее преступление», порождает в Америке ежедневно и ежечасно самые отвратительные преступления, по количеству которых США занимает первое место в мире. Драйзер разоблачает гангстерский, разбойничий характер господства капиталистических воротил в Америке.

Кажущаяся, внешняя прочность здания капитализма несколько не обманывает Драйзера. Сквозь всю «Трагическую Америку» красной нитью проходит мысль о том, что капитализм катится к своему неотвратимому концу. Это — «капитализм на пороге смерти». В главе, разоблачающей верховный суд США, как наемника и прислужника монополий, Драйзер подчеркивает в качестве итога своих наблюдений, что «чем более реакционной и подавляющей становится судебная власть, тем скорее достигнет своей последней черты распад одряхлевшего американского капитализма».

Исключительное значение имеют те страницы книги, в которых Драйзер рассказывает о захватнических происках США. Еще в 1931 году он говорил о наглых претензиях американских империалистов на мировое господство. «Нет, кажется, такого уголка на свете, где ни поблескивал бы американский доллар», — пишет он с едкой иронией, приводя многочисленные данные, свидетельствующие о разбойничьих замыслах, которые вынашивает «империализм Уолл-стрита». С негодованием он высмеивает повадки империалистов, их «нестерпимое чванство, стремление главенствовать во что бы то ни стало».

Еще в 1931 году Драйзер предупреждал американский народ, что заправилы американских монополий стремятся разжечь новую мировую войну, из которой они надеются извлечь крупные барыши.

Американские империалисты, воротилы «большого бизнеса», замышляют чудовищную авантюру, скрывая свои преступные замыслы и приготовления от народа, который поставлен ими «под угрозу войны, разрушения и смерти».

Драйзер показывает, что означает та «культурная и экономическая помощь отсталым странам», флагом которой американские империалисты прикрывали свои грабежи и захваты. «Я вижу в этом типичные манипуляции реакционнейшего империалистического правительства», — пишет автор «Трагической Америки» и приводит многочисленные данные, свидетельствующие о тяжелой участи «стран, которые попадают в кабальную зависимость к империалистическим хищникам». Обращая внимание простых людей Америки на то, что «военные прибыли чудовищно растут», что война открывает магнатам капитала «неограниченные возможности для наживы», Драйзер обнажает чудовищную подоплеку готовящегося кровавого преступления.

«Если не считать представителей большого бизнеса; всюду преследующего своя захватнические цели и всегда готового попирать ногами народные массы ради возвышения немногих, то много ли найдется людей, которые хотели бы войны, и много ли у нас настоящих врагов? Думаю, что да тех, ни других нет вовсе. Их сейчас, как и всегда, приходится искусственно создавать,— и для этого есть средства: политика насилий и самоуправства за рубежом и военная пропаганда у себя дома».

Все это звучит так, как если бы было написано сегодня.

Драйзер бичует врагов народа и мира. Он с негодованием отвергает мысль о том, что в Америке кто-либо хочет войны, кроме представителей «разбойничьего класса».

«Я ни за что не поверю, что народ Соединенных Штатов хочет теперь войны», — восклицает Драйзер, глубоко убежденный в том, что народ Америки хочет «жить в дружбе со всеми» и только презренные американские империалисты стремятся «господствовать во всем мире».

«Пора обуздать и призвать к порядку» захвативших власть господ, которые только могут впутать великую нацию в войну, несущую разорение. Надо сказать им наконец, «кто их настоящий хозяин». «Это — сам народ!»

Вера в народ, в «прозревшие повсюду массы» придает книге Драйзера особую силу. Перспектива будущего представляется автору как грандиозная «всемирная встряска» и «полное духовное обновление» Америки, как «очищение от империалистической скверны». Свое надлежащее место должны занять простые люди, трудящиеся, ибо «лишь трудовые массы — люди, идущие за плугом, стоящие у станка, прилавка, распределительного щита,— могут сделать общество таким, каким оно должно быть», ибо «они-то и

есть настоящие творцы того, что мы называем организованной жизнью».

Во имя этого будущего написал Драйзер свою вдохновенную книгу, зовущую каждого честного американца защищать жизнь, культуру и мир от посягательств кровавой «олигархии Уолл-стрита».

В «Трагической Америке» писатель разоблачает предательские махинации поджигателей войны и призывает народ взять в свои руки судьбы страны и своего будущего.

После «Трагической Америки» политическая активность Драйзера возрастала с каждым годом. Когда испанский народ поднялся на защиту своей свободы и независимости, мы видим Драйзера в Барселоне. Борьба против фашизма стала делом его жизни. Проявляя исключительную энергию, он стремится сплотить честных людей Америки, призывая их отстоять мир и демократию.

Накануне второй мировой войны Драйзер с особой настойчивостью раскрывал преступные действия американских и английских империалистов, стремившихся разжечь новую войну, направлявших Гитлера к агрессии против Советского Союза.

Реакционный лагерь встретил мужественное выступление Драйзера новым потоком лжи и клеветы на писателя. Ему пришлось самому издавать и распространять в качестве листовок многие свои речи и статьи, так как реакция старалась лишить его возможности пользоваться страницами газет. Отдавая все свои силы борьбе, Драйзер на время откладывает работу над романами. Он говорил: «Мир переживает сейчас столь катастрофическое время, что я не могу засесть за роман. Я должен писать публицистику».

Драйзер находил опору и поддержку в народе. В эти годы он стремится и в своем художественном творчестве изобразить новых героев, людей из низов. В этом отношении значительный интерес представляют его очерки о деятеле рабочего движения Бриджесе, которого и в наше время преследует американская реакция, а также киносценарий «Восстание», в котором Драйзер воспроизводит один из эпизодов борьбы американских трудящихся против разбойничьего произвола трестов.

В январе 1941 года вышла книга Драйзера «Америку стоит спасать», являющаяся как бы продолжением и дополнением к «Трагической Америке». В новой книге писатель убедительно доказывает, что не существует никакой единой Америки, а что есть разделенные пропастью Америка Уолл-стрита и Америка трудящихся. Первой задачей Драйзера было сорвать покров тайны с кровавых захватнических планов американских империалистов.

О том, насколько сокрушителен был удар, который нанесла

эта книга по «врагам народа повсюду — в Америке и за ее пределами», хорошо написала в свое время газета «Нью-Дилер»: «Здесь названы по именам и представлены со всеми их преступными и коварными махинациями ворочающие миллионами, развращенные паразиты Англии, Франции, Германии и Америки».

К «другой Америке» — Америке трудящихся — Драйзер обращается с призывом сплотиться и подняться на защиту своего достоинства и своей жизни. Он зовет народ обуздать зарвавшихся империалистических хищников. Он стремится пробудить в американском народе веру в свои силы. Он обращается с вдохновенным словом к массам «неведомых, невзрачных, не принимаемых в расчет...» С глубоким удовлетворением он констатирует, что «многие уже поднялись, и их поднимается все больше».

Если все творчество Драйзера имеет сегодня исключительную злободневность, то книги «Трагическая Америка» и «Америку стоит спасти» особенно актуальны. И вывод, что «только массы могут вытащить Америку из беды», и глубокая уверенность Драйзера в том, что американский народ в конце концов сбросит с себя путы, которыми связала его разбойничья власть монополий, непосредственно обращены к тем, «кто сегодня мужественно борется в Америке против фашизма и войны».

В обеих книгах Драйзера раскрывается величественный образ Советского Союза — оплота мира, творчества и справедливости, страны счастья и подлинной свободы. Сюда обращены взоры всего прогрессивного человечества.

Господствующему в США империалистическому варварству Драйзер противопоставляет советскую действительность для того, чтобы согреть пламенем великой надежды сердца простых людей своей страны и приподнять перед миром завесу будущего.

Сегодня обличающий голос Драйзера, его призывы к американскому народу звучат с особой силой. Это голос мира и социальной справедливости, который не заглушат своим воем империалистические хищники.

Драйзер — с американскими коммунистами, в ряды которых он вступил, ибо видел в них надежду своей страны; Драйзер — со всеми честными людьми Америки, возмущенными разгулом уолл-стритовского мракобесия; Драйзер — с всенародным движением защитников мира, охватывающим все страны и континенты.

И. Анисимов

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Спешка и гонка — вот что определяет темп жизни в этой обширной стране.

Пусть как можно больше будет скорость автомобилей, мощность машин, высота небоскребов, сооружаемых в рекордные сроки, как можно головокружительней бег поездов по туннелям подземки! Побольше городов, побольше бизнеса, побольше дел и забот,— как будто именно мы, из всех народов, призваны не только механизировать, но и заселить весь мир! Но зачем все это делается? Для какой-то определенной цели? Ради создания каких-то высших духовных ценностей? Мне кажется, что наоборот, в такой обстановке человек неизбежно «выдыхается» и физически и морально; и с миллионами людей это либо уже произошло, либо должно произойти в ближайшем будущем. Они живут и умирают, так ничего и не испытав, ради чего стоило бы жить. Жизнь среднего человека превратилась в сплошную муку: так она ничтожна и бессмысленна, до такой степени сам он сбит с толку и заранее обречен «а поражение!

Короче говоря, самые условия жизни в наших промышленных городах и поселках таковы, что не только отнимают у человека покой, но и вконец разрушают его нервную систему, а людей более впечатлительных, случается, даже доводят до самоубийства. Число тех, кто в смерти видит единственное избавление, не только не уменьшается, но неуклонно растет.

Больше того: теперь уже совершенно ясно, что на Америку и на страны, связанные с ней в финансовом

отношении, надвигается катастрофа. Во время нынешнего¹ мирового кризиса Англия вынуждена была отказаться от золотого стандарта и временно закрыть лондонскую биржу. Аналогичные явления происходят и в других странах: Норвегии, Швеции, Дании и Египту тоже пришлось отказаться от золотого стандарта. Мировой кризис все углубляется.

Катастрофа в сущности уже разразилась в Америке; и первый ее признак—безработица, охватившая сейчас миллионы людей. Те, кто потерял работу, терпят жестокую нужду и страдают от голода. А те, кто работу еще сохранил, живут под постоянной угрозой снижения заработной платы. Когда компания «Юнайтед Стейтс стал» снизила зарплату своим рабочим, в газете «Нью-Йорк таймс» на первой странице появился жирный заголовок такого содержания: «Снижение зарплаты продолжается — акции поднялись на четырнадцать пунктов». Это уже прямой сигнал бедствия. В настоящей книге я ставлю себе задачей выяснить причины нынешнего экономического положения. Что привело нашу экономику к тому состоянию, и мотором она находится сейчас?

В настоящее время в Америке ясно ощущается все растущее недовольство рабочих масс и близость кровавых классовых боев.

«Нью-Йорк таймс» выражает опасение, что в некоторых округах штата Кентукки борьба труда и капитала может перерасти в гражданскую войну. В округе Харлан крупные угольные компании, контролируемые Морганом, Инсуллами, Фордом, Меллоном и пр., создали для своих шахтеров совершенно нечеловеческие условия существования. Полиция шахтовладельцев применяет против стачечников незаконные террористические меры, попирая все права, гарантированные им конституцией и законами штата. Шахтеров арестовывают сотнями—исключительно для того, чтобы их запугать. Родственники окружного судьи сами являются владельцами шахт. Выборы фальсифицируются. И все это, включая такие действия полиции, как взрыв бесплатной столовой для бастующих или автомобиля, развозящего им продовольствие, незаконное вторжение в квартиры стачечников и безза-

¹ Имеется в виду мировой кризис 1929—1953 гг.

конное их избие, а также расстрел безоружных шахтеров из пулемета, — все это говорит о крайнем обострении борьбы труда и капитала, причем теперь рабочим приходится бороться уже за самое свое существование.

Этот звериный индивидуализм, эти типично капиталистические формы борьбы и делают нашу жизнь столь мрачной; это-то и лишает нас всякой уверенности в завтрашнем дне. Под словами: «На господа уповаем», выбитыми на нашем долларе, следовало бы написать: «И к чорту тех, кто остается позади», — то есть в данном случае рабочих. А правительство, не считаясь более с общественным мнением, уже не находит нужным заботиться обо всех и опекает только самых сильных (предоставляя им, если на то будет их добрая воля, позаботиться, в свою очередь, об остальных). Миллионы людей в Америке живут сейчас в постоянной тревоге — как добыть себе на завтра пищу и кров. И бороться за это они обречены до своего последнего дня, пока смерть не положит конец этой борьбе. Ибо как может рабочий и даже мелкий предприниматель — по существу жертва крупных трестов и банков — обеспечить свое будущее?

Один предприниматель борется против другого, одна группа против другой группы, один трест против других трестов, — а страдает везде «маленький человек»; и вся наша жизнь служит подтверждением научной теории, гласящей, что там, где мельчайшие частицы энергии находятся в движении и сталкиваются между собой, суть процесса сводится к тому, что одна частица теряет некоторую долю своей силы, а то и всю, а другая ее присваивает. Но откуда это неистовство, эта глухота ко всем доводам рассудка, из-за которой миллионы мужчин и женщин вынуждены работать так много и получать так мало? Какие особенности американской жизни породили свирепствующую ныне борьбу между трудом и капиталом, отдельной личностью и трестом, правительством и народом?

Что собственно происходит сейчас в Америке?.. Корпорации, банки, держательские компании¹ и тому по-

¹ Корпорации — монополистические объединения, контролирующие всю политическую и экономическую жизнь страны. Держательские компании — акционерные общества, владеющие ценными бумагами других обществ и контролирующие их.

добные организации становятся все сильнее, а отдельный человек все слабее — и экономически и духовно. В школе его учат салютовать американскому флагу и хвалиться стопроцентным патриотизмом, которого он, может быть, в себе вовсе и не чувствует; за ним шпионят, проверяя его нравственность; ему силой навязывают определенные взгляды на воспитание и определенные политические воззрения — и даже способы развлекаться. Еще во время войны представители некоторых влиятельных группировок, да и просто люди радикальных взглядов, предсказывали, что весь этот военный бум в промышленности приведет лишь к мнимому «процветанию», от которого «маленькому человеку» станет только хуже; что он обогатит тресты, но обеднит и оглупит среднего американца. Так оно и получилось. «Маленький человек» находится в полной зависимости от корпораций, которым нет никакого дела до его будущего. Да и его настоящее обеспечено не лучше: его в любую минуту могут уволить, — и чем дальше, тем эта угроза становится неотвратимее. Каждый лишний седой волос, каждый год *его* жизни, проведенной на службе компании, приближает роковую развязку. И на помощь государства ему нечего рассчитывать: помощь получает только эксплуатирующая его компания. Короче говоря, ни крупные тресты, ни мощные финансовые объединения, ни само правительство, которое так любовно их пестует, не имеют никаких обязательств перед отдельным человеком. Его предают в руки демона нищеты.

К началу первой мировой войны из 117 000 000 населения Соединенных Штатов, 14 000 000 составляли лица, родившиеся за пределами США, а 21 000 000 — родившиеся в Америке, но от родителей-иммигрантов. Война нарушила их благополучное, или по крайней мере заполненное мирным трудом существование; на них тяжело отразился тот факт, что немцы начали истреблять бельгийцев, русские, французы и англичане драться с немцами, австрийцы, итальянцы и балканские народы уничтожать друг друга и так далее. Но позвольте, ведь в Америке столько говорилось о том, что нужно американизировать иммигрантов путем предоставления им равных возможностей с коренным населением, равных прав и свобод; о том, что Америка — это гигантский плавиль-

ный котел, в котором все национальности сплавляются в единый американский народ. Да, а война всему этому положила конец. Плавильный котел? Глупая, сентиментальная выдумка, о которой давно пора забыть. Свобода? Никаких свобод, кроме тех, что вашей новой родине будет благоугодно вам дать. Военные законы, направленные против свободы слова, подавляют общественное мнение. Дальнейшей иммиграции чинятся такие препятствия, что муж не может вызвать свою жену с детьми в Америку. Так лопнула вся наша хваленая американизация. Погоня за наживой и черствое деячество, согласно моральному шаблону, изготовленному Уолл-стритом, вот что выставляется сейчас как идеал, а банки и корпорации заботятся о его осуществлении. Наша новейшая американская философия, которая, кстати сказать, есть не что иное, как идейное отражение этого новоявленного господства банков и трестов, занимается главным образом тем, что восхваляет и проповедует предпринимательство грандиозных масштабов. Побольше денег и поменьше свободы, побольше деспотизма и поменьше образования для масс! Такая идеология всегда сопутствует режиму, утверждающему абсолютную власть немногих лиц над большинством народа. Олигархия!

Но против этой кучки власть имущих теперь поднимаются миллионы рабочих, вынужденных работать за гроши, питаться кое-как, терпеть подчас грубое обращение и вечно тревожиться о своем завтрашнем дне. Сюда же относятся те, о ком я уже упоминал, — люди, встающие против капиталистических войн; и те американские граждане иностранного происхождения, которых война заставила почувствовать себя иностранцами и которые теперь невольно обращаются мыслью к своей старой родине: они начинают задумываться над тем, как правительство разрешает там экономические проблемы, — например, как их разрешает Советское правительство в России, — и соображать, нельзя ли использовать этот опыт в Америке для борьбы против алчных и эгоистических корпораций. Да и вообще рабочие сейчас уже начинают понимать, что войны ведутся ради выгоды капиталистов. Это слишком уж очевидно. А облик тех господ, которые устами своих правительств объявляют

войну для того, чтобы предотвратить падение своих прибылей или выжать новые прибыли (и какие!) из чужих стран, а также из своей собственной, все яснее вырисовывается как облик самых доподлинных грабителей, международных пиратов. (Достаточно вспомнить наши собственные, американские войны, начиная с войны 1812 года.) Короче говоря, в настоящее время и рабочий и фермер начинают понимать, что им самим война и подготовка к войне не сулит никаких благ, а только кровавые жертвы и еще большую нищету, и поэтому объединяются для совместной борьбы против капиталиста.

Зато банки и тресты Соединенных Штатов всегда готовы финансировать и даже разжечь войну в любой стране, где интересы капиталистов оказываются под угрозой. Так, многочисленные перевороты в странах Южной и Центральной Америки несомненно субсидировались капиталом Соединенных Штатов. И такие банки, как, например, «Дж. П. Морган энд Компани», орудуют сейчас во всех частях света — от Азии до Южной Америки. Когда требуется защитить свои капиталовложения или капиталовложения своих наиболее крупных акционеров, они имеют полную возможность расправиться с населением почти что любой страны либо косвенным путем, действуя через свое собственное правительство, либо подкупая солидной ссудой капиталистическое правительство или диктатора этой же страны, ибо те и сами непрочь учинить подобную расправу. Как пример могу привести хотя бы Кубу и ее диктатора Мачадо, которому американские финансисты и промышленники оказывают всяческую поддержку в его стараниях поработить 3 000 000 кубинских граждан, влачащих голодное существование в своих жалких хижинах. Эти несчастные восстали — и единственно по той причине, что подобную нищету никакой человек не в силах вынести. Но наши финансисты и промышленники не только взяли в свои руки таможни Кубы, но и диктуют свою волю правительству этого независимого государства, превращая его, таким образом, в настоящий протекторат. А не то они посылают свои ультиматумы через наш государственный департамент, — ультиматумы тем более веские, что они вручаются под прицелом пушек американских военных кораблей. Это уже доподлинный империализм" — того же

сорта, что и английский или германский — яркий пример мы недавно видели в Панаме. Такая политика глубоко противна всем американцам, любого круга и слоя общества, кроме капиталистов, но именно эту политику проповедуют консерваторы известного типа, всегда готовые кричать о необходимости вооружаться и защищать наших граждан за границей. А тем временем тут же, у нас под боком, растет и крепнет империализм Уолл-стрита.

Беда в том, что у нас в Америке существует неограниченная свобода действий для хитрых и сильных, которые, прикрываясь, как щитом, лозунгом «равных для всех возможностей», стремятся установить лично для себя особые, или, иначе сказать, неограниченные, права и привилегии и захватить проистекающие отсюда власть и богатство, тогда как остальные девяносто или девяносто пять процентов американских граждан живут в нужде. Именно к этому мы и пришли в конце концов: хитрые и сильные сумели ловко расправиться со страной «равных для всех возможностей», — с самого начала они захватили ее огромные богатства и присвоили их (я говорю сейчас не только о тех миллионах акров земли, которые правительство раздавало влиятельным лицам, но главным образом о природных ее ресурсах — лесах, рудных богатствах, нефти, а также о различных привилегиях и концессиях — на железные дороги, на пересылку грузов, на телеграф, на освещение и так далее, — которые они ухитрились получить или украсть). А теперь, пользуясь своим богатством и экономической силой, которую дает богатство, и властью, которая им сопутствует, они уже начинают диктовать свою волю правительству, — тому самому правительству, которое, исходя из принципа «равных для всех возможностей», позволило им приобрести эту власть.

Но это такой процесс, который не может нарастать бесконечно. Высшая точка уже почти достигнута. Ибо из начальной стадии, когда отдельный человек мог наживать миллионы и сотни миллионов долларов, снова вкладывать их в дело и единолично ими управлять, мы уже перешли в следующую стадию, когда такой капиталист неизбежно объединяется с другими, и они сообща учреждают и контролируют банки, тресты, корпорации, через посредство которых (и тратя на это гораздо меньше тру-

да, чем раньше) они уже могут оказывать давление на государственную власть. В самом деле, кто решает все дела в конгрессе и вне конгресса, в отдельных штатах и городах, как не тресты и банки? Тресты и корпорации, пуская в ход все подвластные им орудия — политиков, суды, полицию, адвокатов, — могут теперь не только охранять и умножать свои миллионы или миллиарды, но еще и подавлять всякую конкуренцию, как законными, так и незаконными способами, — но всегда, заметьте, с согласия правительства; они даже ухитряются теперь заставлять правительство и народ, на чьих глазах и благодаря чьему попустительству или недомыслию, или тому и другому вместе, они приобрели столь большую силу, помогать им в их действиях. Взять хотя бы такие объединения, как «Стандард ойл Компани», или «Юнайтед Стейтс стил Компани», или большие железнодорожные компании, банки и корпорации предприятий общественных услуг, — все они сейчас облагают данью, грабят и обсчитывают то самое правительство и тот самый народ, который в свое время — возможно, и не предвидя, что из этого получится, — позволил этим хищникам отрастить себе зубы!

Но мало того, что у нас всем верховодят денежные мешки (и это под благосклонным взором правительства, которое было поставлено вовсе не для того, чтобы это терпеть); сейчас у нас существует вдобавок господство целых семейств, настоящая династическая власть князей капитала — Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов; их наследники и преемники, их дети, которые сами ничего не создали и не усовершенствовали, а только получили от отцов имя и капитал, претендуют, однако, на этом основании, на право решать, кому быть первым и кому последним в общественной и финансовой иерархии. Одновременно протекают два процесса: семья капиталиста возносится на недостижимую высоту, а семья рабочего, под давлением безработицы и нищенской зарплаты, скатывается все ниже и ниже. Это характерная черта загнивающего капитализма. Короче говоря, сейчас в Америке идет спор между богатыми и бедными, спор о том, сохранит ли рядовой американец свое достоинство и жизнь, как бы мал и беден он ни был, или же коммерческая олигархия окончательно заберет власть в свои ру-

ки и будет диктовать остальным ста двадцати пяти миллионам что им делать, и что им думать, и на какую минимальную (*непрерывно минимальную!*) сумму им жить, пока горсточка других (сильных и хитрых) делает, что им нравится, и живет в полное свое удовольствие. Вот из-за чего разгорается борьба!

Но посмотрим теперь, какими методами действуют эти олигархи, а также их корпорации, которые так хорошо окопались с помощью закона и теперь уже норовят указывать всему народу, во что ему верить, за кого голосовать, на кого работать, сколько получать за свою работу, что думать и так далее. Мне кажется, не стоит — ибо это слишком уже не ново! — подробно рассказывать о том, как организуются предвыборные кампании с целью провести в президенты угодного трестам и банкам кандидата; как государственная политика определяется интересами финансовых объединений и стоящих за ними крупных промышленных корпораций; как просвещение, печать, религия, публичные выступления — все подчиняется выгоде тех, у кого в руках власть и кто постоянно стремится эту власть расширить и укрепить.

В настоящее время в Америке кучка захвативших власть магнатов стремится обратить в рабство наш великий народ — и в этих целях она, прежде всего, старается духовно его растлить. Именно это, и только это, побудило меня вмешаться в происходящую борьбу.

Любопытно проследить, какие для этого употребляются средства. Одно время считалось, что религия (да здравствует потребность человеческого сердца в вере!) будет покорно склоняться перед любой формой господства и власти. Оказалось, что это не совсем так. Ибо в Америке поборники и служители религии, священники, епископы и кардиналы, сами стремятся приобрести власть наряду с денежными магнатами и даже подчинить себе денежного магната, его правительство и его рабов. Они сумели завладеть прессой и заставляют ее служить себе. В тысячах американских газет и журналов вы найдете статьи и передовицы, прославляющие пользу и утешительность религии, — и немалое их количество писано католиками или по крайней мере инспирировано католической церковью и представляет собой плод ее ловкой пропаганды. А эта церковь, самая могущественная, самая

хитрая и самая вредоносная из всех, никогда не оставляла мечты о верховной власти для себя, и только для себя. Но об этом после.

В нынешней войне капитала против народа, правительства против народа, церкви против народа — образование и общественное мнение поставлены на службу интересам трестов и церкви. И от этого образование, разумеется, чахнет и хиреет. Да и как ему не хиреть, когда люди лишены возможности говорить правду и, как неизбежное следствие, перестают даже ее искать.

А тем временем наши нынешние господа и повелители — капиталисты — изобретают разные бессовестные и хищнические способы повышения прибылей и совместно с банками наживаются на спекуляциях своими акциями и облигациями, обесценивая тем другие ценные бумаги. Дивиденды в сорок или пятьдесят на сто! И, стало быть, прибыли в несколько тысяч процентов на основной капитал. Но к чему все это нас приведет? Если не к финансовой диктатуре одного лица — так сказать финансового Цезаря, то единственная другая возможность — это антитеза первой: центральный комитет народа, как в России, полновластно руководящий всеми начинаниями и их осуществлением и ставящий себе первой и единственной целью благо всего народа, а не какой-нибудь отдельной группы. Либо то, либо другое будет непременно результатом нынешней борьбы масс против олигархов. К такому выходу нас неуклонно толкают действующие ныне силы борьбы и разрушения, которые необходимо изучить и понять.

Все связанное с этим вопросом и составляет тему данной книги, написанной исключительно для тех, у кого есть достаточно терпения и желания разобраться в том, что происходит сейчас в Америке и куда она идет.

¹ Доля прибыли (процент), которая выдается на каждую акцию.

СОВРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ МАСС

Условия жизни рабочих в Америке давно уже были предметом моего изучения. Я многое узнал из печати и понаслышке, но мне хотелось своими глазами посмотреть, как живет рабочий при нашем нынешнем экономическом строе. Поэтому в июне 1931 года я посетил угольный район в западной части штата Пенсильвании, где в то время происходила стачка. Я увидел там невероятную нищету. Заработная плата шахтера составляла от четырнадцати до двадцати четырех долларов за две недели, а за жалкий домишко из четырех комнат ему приходилось платить двадцать пять долларов в месяц; продукты он забирал в лавке компании, где с него драли непомерную цену. Все это вычиталось из его зарплаты, а на руки ему выдавался остаток, если таковой был. Многие шахтеры поэтому годами не вылезали из долгов. Питались они очень плохо; я сам видел, из чего состоял у них обед: главной их пищей в то время был салат из цикория.

Но что происходит, когда люди возмущаются против таких немыслимых условий и объявляют забастовку? Шахтовладельцам принадлежат не только шахты, но и весь город — школы, и церкви, и тюрьмы; они выпускают свои деньги и держат свою полицию. Они находятся в дружеских отношениях с судьями. Так, например, во время стачки на угольных шахтах компании «Бэтлер консолидетид» питсбургский судья Х. Х. Роулэнд издал судебное постановление против пикетирования, и на этом основании полиция стреляла в шахтеров, убила одного, ранила девятнадцать человек и арестовала тридцать во-

семь. А до того же было арестовано пятьсот пятьдесят человек, двое убито и девятнадцать ранено, — хотя шахтеры за все время стачки ни разу не прибегали к оружию. Больше того, свыше двух тысяч бастующих в этом районе было отравлено слезоточивым газом, смято лошадьми, избито дубинками, причем орудовала тут не только частная полиция, но и полиция штата.

Таких промышленных городков и поселков, в которых бесконтрольно хозяйничают владеющие ими компании, в Америке наберется не одна сотня.

Затем, продолжая изучать условия жизни рабочего класса, я посетил Пассаик в штате Нью-Джерси. Я выбрал Пассаик, ибо мне казалось, что он типичен как небольшой индустриальный городок, что условия жизни в нем таковы же, как в других подобных городках, — не лучше и не хуже. Действительно, десятки городов похожат на этот как две капли воды. Тем не менее один знакомый мне банкир, которого я там встретил, утверждал в разговоре со мной, что условия здесь так плохи и недовольство так велико, что мне следует воздержаться от всякой пропаганды, иначе могут произойти беспорядки и даже бунт. Я ответил, что правдивое изложение фактов не считаю пропагандой.

Приехав в Пассаик в апреле 1931 года, я пошел по Дейтон-авеню в тот ее конец, где находится фабрика, принадлежащая компании «Ботэни уорстид миллз». Впоследствии я узнал, что эта фабрика владеет участком земли в двадцать пять акров, на котором выстроено множество небольших домов, в которых сдаются квартиры рабочим, и что шерстяная фабрика Форстмана и Гафмена также сдает рабочим шестьдесят четыре дома. Я осмотрел этот поселок. Дома эти все совершенно одинаковы, по большей части закоптелые и крайне неприглядного вида; поставлены они так тесно, что между ними не остается проезда для машины; места для гаража тоже нет. Позже я узнал, что для большинства рабочих этой фабрики свой автомобиль вообще недоступная роскошь и что все заводское «начальство» живет не здесь, а в более фешенебельном квартале — Монклер. В те дни, о которых я говорю, многие дома стояли пустые, на некоторых виднелись дощечки с надписью: «Сдается внаем. «Нью-Джерси дресс мэньюфэкчуринг Компани». Пустых до-

мов было особенно много в восточной части города и в четвертом районе, к востоку от железнодорожной ветки на Эри; тут сотни рабочих семей были выселены за неплатеж. Местный священник рассказал мне, что в одной-двух комнатах часто ютятся восемь или десять человек. То же самое я слышал от одного коммуниста, с которым случайно познакомился. Священник сообщил мне также, что многие рабочие уже больше года ходят без работы; в частности, он рассказал об одной женщине, муж которой давно уже был без работы, и она пыталась содержать семью тем, что делала искусственные цветы — по пятнадцать центов за две дюжины цветов, — но не могла выработать больше, чем девяносто центов в день. Коммунист, о котором я упоминал, утверждал, что безработные хронически недоедают, и после того, как я прошелся по Третьей улице, у меня не осталось в этом никаких сомнений.

Приведу несколько из тех многочисленных случаев, о которых мне рассказывали:

Франк Тома, маляр по профессии, проживающий в доме № 2 по Бельмонт-авеню в Гарфилде, пригороде Пас-саика, уже пять месяцев был без работы. Он обратился в больницу за медицинской помощью для своего сына, которому нужна была операция. Так как денег у него не было, — он уже задолжал триста долларов в лавку за продукты, — он предложил расплатиться за операцию работой на больницу. Его предложение, к счастью, было принято. Но то, что Красный Крест не может обслужить всех нуждающихся в медицинской помощи, само по себе характеризует положение. Многие члены профсоюзов долгое время оставались без работы или работали неполную неделю и не могли даже платить членские взносы. Бывает, однако, и еще хуже: 3 января 1931 года Джон Голден, 50 лет, безработный жестяник, зашел в булочную в доме № 247 по Монро-стрит и попросил чего-нибудь поесть. Владелец булочной, Розенберг, взял с прилавка булку и уже хотел ему подать, как вдруг Голден упал и тут же скончался. Представители местной полиции показали, что ему несколько раз позволяли ночевать на койке в камере для арестованных при полицейском управлении, но никакой другой помощи не оказывали. А Джон Питак, 48 лет, проживавший в доме № 183 на Хай-

авеню, покончил с собой, оставив жену и троих детей; причина самоубийства — невозможность найти работу.

В общем в Пассаике, городе с населением в 63 000 человек, числилось в это время, по сведениям Американской федерации труда, 7000 безработных, а по сведениям компартии — 10 000. Если даже считать число лиц наемного труда по переписи 1920 года, то есть 18 000 (хотя с тех пор население города уменьшилось на 5000 человек), то и тогда окажется, что больше чем треть потеряло работу. И единственный способ достать теперь работу в Пассаике — это согласиться работать за гораздо меньшую плату, чем получал только что уволенный с завода рабочий.

В день моего приезда я долго бродил по улицам, потом отправился по адресу, которым меня снабдили знакомые, — в меблированные комнаты миссис О. С. Эта добродушная немка сдала мне комнату со всеми принадлежностями домашнего уюта, включая жиденькую перину, застланную розовым покрывалом. Комната эта была в сущности ее гостиной, но, как она мне объяснила, приходилось сдавать каждый угол, иначе не сведешь концы с концами. Сама она с мужем спала в чердачной каморке, которую они домашними средствами отгородили от остальной квартиры. Она рассказала, что сдавать комнаты стала потому, что муж ее, проработавший тридцать один год на фабрике компании «Ботэни уорстид миллз», в прошлом году был уволен. Это был крепкий старик, — я сам его видел, — и хотя в свои шестьдесят два года он сохранял полную работоспособность, ему все-таки заявили, что теперь он уже слишком стар, и уволили, даже без пенсии.

Миссис О. С. говорила мне, что даже при этих условиях — сдавая внаем каждый угол и лично обслуживая квартирантов, — они не могут покрыть все расходы; одних налогов приходится уплачивать 225 долларов в год. Получается, что если мастер, после многих лет неустанного труда, и может обзавестись собственным домом (хотя бы таким скромным, как этот), то из долгов ему уже никак не удастся вылезть, настолько высоким налогом его облагает город и штат — 4 доллара 73 цента на каждые 100 долларов (из суммы, в которую оценен дом).

Одним из самых ярких доказательств полной необеспеченности рабочих служит, по-моему, их постоянное, стихийно возникающее стремление объединяться и создавать своего рода маленькие общества взаимопомощи на случай болезни. Они знают, что в трудную минуту от государства они не получают никакой помощи, а от фабрики — самую ничтожную, хотя некоторые фабрики и ввели у себя страхование рабочих на небольшую сумму. Миссис О. С. рассказала мне, что уже двадцать лет состоит членом такого общества. И весьма активным членом, как я могу засвидетельствовать, ибо она ставила себе в вину то обстоятельство, что за первые пять лет сумела завербовать в свое общество лишь небольшое количество новых членов и, стало быть, мало способствовала его росту. Большинство рабочих объединяется в такие кружки или клубы — иногда отдельно мужчины и отдельно женщины, иногда по национальному признаку; есть немецкие клубы, венгерские, польские, русские, итальянские; число членов доходит иногда до 300 человек; а цель всех этих кружков — накопить из ежемесячных членских взносов в 65 центов и из случайных поступлений от организации вечеринок, танцев или игр достаточную сумму для того, чтобы можно было каждому захворавшему члену клуба выплачивать по 10 долларов в неделю за первый месяц болезни, по 5 долларов в неделю за второй, а далее по 2 доллара 50 центов; в случае смерти больного его семья получает единовременное пособие в 100 долларов.

Кроме того, некоторые рабочие страхуются у себя на фабрике. Фабрика выпускает страховые полисы на известную сумму. Но сумма эта, как правило, совершенно недостаточна для тех нужд, которые она призвана удовлетворить. При этом у застрахованного рабочего в течение длительного срока производятся вычеты из заработной платы. Компания «Ботэни уорстид миллз» выплачивает заболевшему рабочему от 7 долларов 50 центов до 12 долларов 50 центов в неделю, а семье умершего рабочего (даже если смерть последовала от несчастного случая на производстве) от 750 до 1250. Другая шерстяная фабрика, Форстмана и Гафмена, ничего не платит в случае болезни, но в случае смерти рабочего его вдова получает некоторую сумму помесечно в течение года, пока не найдет себе работу или не устроится как-нибудь иначе.

Красильная фабрика «Юнайтед пис дай уоркз» в Лоди, пригороде Пассаика, страхует рабочих на случай смерти в 1000 долларов. Шелковая фабрика Догерти, находящаяся там же, невзирая на дороговизну жизни в этом поселке, платит в аналогичных случаях всего 500 долларов. На резиновой фабрике «Манхэттен раббер Компани» имеется организованное рабочими общество вспомоществования на случай болезни, а на фабрике «Юнайтед Стейтс раббер» семья умершего получает 1000 долларов. Вот и все, на что, в смысле денежного обеспечения, может рассчитывать рабочий и его семья, — судите сами, может ли он спокойно взирать на будущее!

Желая изучить гигиенические условия на производстве, я побывал в городской больнице, и там мне сказали, что к ним часто доставляют пострадавших от свинцового отравления. Такие случаи нередко оканчиваются смертью, и вскрытия показали, что свинцовое отравление почти всегда является если не прямой, то во всяком случае косвенной причиной смертельного исхода. Красильное дело также дает некоторый процент отравлений: открытые ранки от соприкосновения с краской инфицируются; впрочем, такие случаи не часты. Особенно велика опасность свинцового отравления на больших резиновых фабриках, а также при изготовлении лака для печей и других изделий, например на фабрике «А. Л. Прескотт энд Компани», где работают 500 человек. Однако фабричный врач отказался дать мне сведения о таких больных, хотя в городской больнице мне сказали, что к ним они поступают очень часто. Доктор Райан, возглавляющий отдел здравоохранения в Пассаике, заявил, что не получал никаких сведений о случаях свинцового отравления в городе. Полагаю, что компании скрывают такие случаи, да и не только такие, ибо, когда я заговорил о туберкулезе, доктор Райан ответил: «Могу вам сказать одно — с туберкулезом в Пассаике благополучнее, чем где-либо в районе». А меж тем работа на здешних фабриках вредно действует на легкие, это всем известно. На еженедельные приемы, устраиваемые туберкулезной кликой в пригородах, является множество больных, и в одном только Пассаике насчитывается до 300 больных с открытой формой туберкулеза.

Но все, что я сейчас рассказал об условиях жизни в

Пассаике, станет понятно лишь в том случае, если мы коснемся причины такого положения вещей — низкой заработной платы. Вот что здесь получают рабочие, когда они работают. Это точные цифры. «Ботэни уорстид миллз», на которой занято 3000 человек, в том числе 60% женщин, платит своим опытным рабочим по следующим расценкам: прядильщикам 35 долларов в неделю, ткачам 25 долларов, аппретурщикам и красильщикам 21 доллар 60 центов, подсобным рабочим 19 долларов 20 центов. Так оплачивается труд опытных рабочих, а неопытные, которых большинство, получают еще меньше.

На фабрике Сэмюэля Хирда с рабочим контингентом в 1000 человек (где заигрывания хозяев с рабочими привели к тому, что фабрика не присоединилась к большой забастовке, происходившей шесть лет тому назад) заработная плата примерно такая же, как на «Ботэни уорстид миллз». У Форстмана и Гафмена, где работает 1000 женщин и 15 000 мужчин, квалифицированный труд оплачивается так: ткачи — 40 долларов в неделю, прядильщики — 35 долларов, аппретурщики и подсобные рабочие — 24 доллара. Шелковая фабрика Догерти (300 рабочих) платит ткачам 30 долларов в неделю, сновальщикам — 35, наладчикам — 45, мотальщицам и сортировщицам — 16. Красильная фабрика «Юнайтед пис дай уоркз» (4500 рабочих) платит механикам 35 долларов в месяц, а рабочим красильного цеха и подсобным рабочим от 21 доллара 16 центов до 31 доллара 20 центов. Такие же расценки приняты на резиновых фабриках «Юнайтед Стейтс раббер» (3000 рабочих) и «Манхэттен раббер» (1500 рабочих): 35 долларов в неделю для квалифицированных рабочих и 21 доллар 60 центов для подсобных. И не следует забывать, что зарплата неуклонно снижается. На всех этих фабриках и заводах рабочая неделя в то время была 48 часов; позже, в августе 1931 года, некоторые смены на «Ботэни уорстид миллз» стали работать 9 часов 40 минут в день. При низком уровне зарплаты работать приходится всем членам семьи, а это разрушает семью, снижает ее жизненный уровень и закрывает перед детьми всякую возможность дальнейшего образования и развития.

В 1920 году в Пассаике из 729 детей, работавших по найму, 512 были заняты в промышленности. Теперь при-

мерно 700 подростков в возрасте от 14 до 18 лет одновременно посещают дополнительную школу и работают на фабриках за 10, а то и меньше, долларов в неделю. Мне известно несколько случаев, когда дети промышленных рабочих учились в университете, но все они продолжали работать, для того чтобы оплатить свое учение; это поощряется местным отделением Союза христианской молодежи. Вот еще одна иллюстрация крайней неравномерности в распределении национальных доходов — масса населения вообще ничего не достается. Одним словом, здесь мы имеем дело с таким использованием рабочей силы и человеческих стремлений, которое только усиливает нищету, и хроническую безработицу, и, что всего хуже, эксплуатацию детского труда.

В 1925 году в Пассаике вспыхнула забастовка; в ней участвовало 16 000 рабочих. Но что они могли сделать? У рабочих не было ни денег, ни честных и дееспособных профсоюзов, которые сумели бы отстаивать их интересы; в обществе они не нашли ни понимания, ни сочувствия, ни поддержки, — ибо таково обычное отношение к рабочим в нашей стране, где господствует индивидуализм и погоня за личным интересом. Но как же, значит, тяжело было положение рабочих, если оно толкнуло их на столь безнадежное предприятие! И подумать только, что это происходило в 1925 году, на высшей точке нашего пресловутого «процветания»! Все шерстяные фабрики, кроме только фабрики Сэмюэля Хирда, примкнули к стачке. Непосредственным поводом было снижение зарплаты на 10%, проведенное на «Ботэни уорстид миллз». Стачка продолжалась четырнадцать месяцев, причинила много страданий рабочим и, как говорят, обошлась компании «Ботэни уорстид миллз» в 5 000 000 долларов. Насколько разумнее было бы израсходовать эту сумму на повышение заработной платы! Несмотря на героическое поведение бастующих, стачка провалилась. Долгие месяцы лишений, насилия со стороны полиции, которая разгоняла митинги, пуская в ход пожарные шланги и слезоточивый газ, и громила продовольственный фонд бастующих, — все это сломило, наконец, рабочих.

Злоупотребления и насилия над личностью граждан, в частности рабочих, совершаемые наемной полицией компаний, слишком грубы и очевидны. Эта полиция дейст-

вует по приказу частных лиц и, однако, пользуется полной безнаказанностью, так как суды покрывают и оправдывают все ее преступления; поэтому столкновения полиции с забастовщиками превращаются в настоящую бойню; рабочих подвергают зверским избиениям и даже убивают. Это ни для кого не секрет! Однажды, проходя мимо этой самой фабрики «Ботэни уорстид миллз», я заметил у ворот человека в форме. На фуражке у него были металлические буквы «БУМ». Это, конечно, означало «Ботэни уорстид миллз». Мне хотелось удостовериться в том, что это полицейский, и это мне легко удалось. У следующих ворот я увидел другого человека в такой же фуражке и с бляхой на груди; на бляхе было выбито: «Полиция». Но я считаю, — и самые авторитетные юристы со мной согласны, — что этих специальных полицейских, если им платит компания, надо привлечь к суду за то, что они выступают в роли блюстителей закона, находясь на жалованье у частных лиц, а если им платит штат, — за то, что они обслуживают интересы частных лиц, находясь на государственном жалованье.

Здесь, в Пассаике, как и повсюду в Америке, газеты выражают взгляды промышленных тузов — и только их взгляды. Так, местная газета «Дэйли геральд» каждую неделю рассылает листок объявлений размером в три четверти полосы и, кроме того, дает широковегательную статью об успехах местной промышленности. И каждую неделю, — как сообщил мне один из сотрудников газеты, — этот номер в количестве пятнадцати тысяч экземпляров рассылается за счет редакции в торговые палаты и деловые клубы по всей Америке. Но кто платит за это газете? Предприниматели, вечно воюющие со своими конкурентами, которые помещают в ней свои объявления? Или широкая публика, которая читает газету и покупает то, что она рекламирует? Или и те и другие? Надо полагать, что и те и другие. Но больше, конечно, широкая публика, из кармана которой газета черпает свою прибыль и деньги на свои расходы. Впрочем, такие услуги предпринимателям оказывают не только газеты, но и торговая палата, которая, как мне стало известно во время моего пребывания в Пассаике, настаивала на том, чтобы в Клифтоне, пригороде Пассаика, был приглашен на службу специалист по вопросам рекламы. Местные

газеты, «Дэйли геральд» и «Дэйли ньюз» (контролируемые одними и теми же лицами во избежание конкуренции), принадлежат: одна Джонсу Х. Уолдону, который нажил свой капитал продажей текстильных машин, а другая Дау Х. Дреккеру, бывшему члену конгресса, члену правления «Пиплз бэнк энд траст» и крупному строительному подрядчику; его фирма носит название «Юнион билдинг энд констрэкшен Компани». К рабочему классу, к неимущим слоям населения, ни тот, ни другой не имеет никакого отношения. И то же самое можно сказать почти обо всех владельцах газет.

Таким образом, мы видим, что те, кто управляет здесь общественным мнением через посредство прессы, принадлежат к тому же классу, что и владельцы фабрик; но к нему же принадлежат и все, кто занимает какие-либо посты в городском самоуправлении и администрации штата.

Из всего, что я наблюдал тогда и продолжаю наблюдать сейчас, я вынес убеждение, что в городе Пассаике, как и во всех прочих городах штата Нью-Джерси, а также и во всех остальных штатах Америки, местная печать есть не что иное, как рупор крупного капитала. Одна из пассаикских газет в своей передовице предавалась восторгам по поводу заявления сенатора Рига, что «Америка — это страна миллиардеров», — и это в то самое время, когда рабочие в Пассаике чуть не умирали с голода!

В те дни, когда я был в Пассаике, все местные газеты с энтузиазмом перепечатывали из иногородней прессы передовицы, восхвалявшие президента Гувера за то, что он наложил вето на билль о сохранении гидростанции «Мосл Шоалс» в руках государства. В одной говорилось: «Он достоин всяческой похвалы за то, что проводит политику, согласную с американскими идеалами». А в другой: «Правительство проморгало выгодное предложение, когда Генри Форд выражал готовность взять эту гидростанцию в аренду и эксплуатацию».

И такому же примирению с существующим порядком учит церковь в лице своих многочисленных и влиятельных пастырей. Один священник во время моего пребывания в Пассаике произнес проповедь на тему «Вера», другой на тему «Послушание». Только один, молодой и образованный, осмелился критиковать капиталистическую

систему: он вздумал с амвона обличать неравномерное распределение прибылей, за что ему основательно досталось от некоторых его прихожан.

Напоследок не откажите уделить капельку внимания полковнику Джонсону, президенту компании «Ботэни уорстид миллз», и его деятельности в Пассаике, ибо тесная связь между корпорациями и органами власти сказывается и на делах местного масштаба, а не только в высокой политике. Полковник Джонсон, промышленный консультант Федерального управления сельского хозяйства по отделу шерсти и козьего пуха, не так давно заявил, что если раньше компании приходилось держать на своих складах запас шерсти по крайней мере на 8 000 000 долларов, то теперь Управление сельского хозяйства регулирует цены на шерстяное сырье с такой точностью, что компания может запастись шерстью всего на три недели вперед. Иными словами, крупным фабрикантам уже незачем вести между собой борьбу из-за цен, поскольку правительство избавило их от этой неприятной обязанности. Что же касается последнего тарифного билля, то по этому поводу полковник Джонсон, говоря о переоборудовании фабрик «Ботэни уорстид миллз», выразился так: «После того, как этот билль, полностью охраняющий наши интересы, был принят, мы уже могли спокойно проводить свой план». Огражденный стеной таможенных тарифов, американский промышленник мог уже не беспокоиться за свои прибыли, и у него, видите ли, отлегло от сердца. Он — любимое детище правительства, предмет его неусыпных забот. А вот кто заботится о фермерах, которые за последние пятьдесят лет немало пострадали от этих самых тарифов? Или о рабочих на пассаикских фабриках, чье положение я только что описал? Даже городского управления они не могут добиться такого, которое хоть чуточку думало бы об их нуждах, — так что уж говорить о правительстве штата или всего государства!

Город Патерсон в штате Нью-Джерси во многом схож с Пассаиком, поэтому я тогда же посетил и его и сейчас хочу рассказать вкратце о недавних событиях в нем; они явились результатом таких же экономических условий, как в Пассаике. (Все это относится к июлю 1931 года.) В это время там происходила стачка в шел-

ковой промышленности; бастовало 150 фабрик и цехов. Среди бастующих было 6873 члена Американской федерации труда, а 5000 выступали под руководством коммунистов. Часть рабочих, вероятно, состояла и в той и другой организации одновременно. Коммунисты выставляли следующие требования:

1. Установить восьмичасовой рабочий день.
2. Прекратить снижение заработной платы.
3. Повысить существующую зарплату.
4. Установить минимум заработной платы.
5. Ликвидировать потогонную систему.
6. Освободить женщин от работы в ночных сменах.
7. Отменить все судебные постановления, запрещающие стачку.
8. Одинаковая плата за одинаковый труд.
9. Никакой дискриминации по признаку расы или пола.
10. Право на объединение в союз и на стачки.

В июле 1931 года на самой крупной в Патерсоне фабрике, принадлежащей Генри Догерти, 33 рабочих были арестованы за пикетирование. Газета «Уимен уэр дэйли» — орган текстильных промышленников, сообщила в июле, что в Патерсон направлено двадцать агентов федеральной полиции с поручением выявить иностранцев среди забастовщиков и выслать их из пределов США. Иначе говоря, наше правительство немедленно выступило на защиту своих любимцев, текстильных фабрикантов, и принялось помогать им сорвать стачку. Таков в наши дни его обычай. И для того, чтобы арестовать стачечника, все предлоги хороши. Можно придрасться к чему угодно, лишь бы запугать его законом и помешать ему успешно проводить забастовку. Так, например, в начале августа были арестованы 54 бастующих за то, что при пикетировании красильной фабрики Колта (где было проведено снижение зарплаты на 20%) они держались друг от друга на расстоянии меньше десяти шагов. Другие были арестованы за то, что «околачивались без дела» и раздавали листовки. На красильной фабрике Стренга 67 пикетчиков были задержаны за «нарушение общественного спокойствия». А теперь «Союз налогоплательщиков (и «Союз предпринимателей», вероятно, тоже) негодует по поводу того, что эта полицейская

расправа с бастующими была заснята для кинохроники и может создать городу дурную славу. Как видите, их негодование вызвано не тем, что в городе попираются права рабочих, нет, — а только тем, что город может приобрести «дурную славу»!

Во время большой стачки 1926 года впервые в Пассаике был выдвинут русский лозунг: «Солидарность всех наций». Этот лозунг увлек бастующих, среди которых имелись представители шести или семи разных национальностей.

Сейчас коммунисты создали в Пассаике свой небольшой профсоюз, численностью в 100 человек; называется он Национальный союз рабочих текстильной промышленности. Но теперь членов этого союза, так же как и прочих коммунистов, сажают в тюрьму за распространение коммунистической литературы, хотя держать ее у себя не считается, насколько я понял, наказуемым деянием.

Вот вам картина того, что происходит в Пассаике, типичном американском промышленном городке. И это, по-моему, яркая иллюстрация полного банкротства нашей государственной системы. Ибо где тут справедливость, гуманность, социальная гармония и мир? Укажите, в чем они проявляются? Нет, только деньги, деньги, и сила, которую дают деньги! И какова же надменность, каково высокомерие этой силы! Как вам нравится хотя бы то, что во время местной стачки правительство — наше национальное правительство! — направляет сюда двадцать федеральных агентов, чтобы выяснить, нет ли среди бастующих лиц иностранного происхождения, и потом этих лиц выслать? Вот уж подлинно правление «народа, от имени народа, в интересах народа»!

Сорок лет продолжают попытки правительства регулировать деятельность монополий, но что это дало рабочим массам Пассаика? Положение в этом городе может служить наглядным доказательством провала всех таких попыток. И пока наше правительство будет действовать так, как сейчас, повсюду в Америке, мы будем наблюдать ту же безотрадную картину!

БАНКИ И КОРПОРАЦИИ - НАШЕ ФАКТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Тяжелую руку трестов и держательских компаний чувствует на себе каждый американец. Эта рука давит так сильно, что рядовой американский обыватель — любитель бейэбола и кино, мелкий предприниматель или труженик — временами осознает, под каким экономическим, политическим и юридическим гнетом ему приходится жить. Он начинает корчиться и извиваться, стремясь высвободиться, даже иногда пробует поднять голос протеста, но в результате лишь убеждается, насколько сильна и несокрушима власть банков и корпораций и какими хитроумными методами она осуществляется. Впрочем, всей полноты этой власти он до сих пор не в состоянии понять. А если даже и поймет в какой-то мере, то побоится протестовать, чтобы не навлечь на себя еще худшие бедствия, — так уж, видно, повелось в нашей стране!

Двадцать лет назад трудящиеся мечтали о золотом веке техники, когда рабочий день не будет превышать шести-семи часов. Сейчас техника уже на грани совершенства — и что же? Они — нищие, живут подачками, а 40 000 миллионеров являются фактическими хозяевами страны. Даже до экономической катастрофы, разразившейся ныне, в лето от р. х. тысяча девятьсот тридцать первое, американским рабочим уже было ясно, что все-сильные банки и корпорации покупают закон, а должностных лиц подбирают по своему усмотрению. Таким образом, на страже капиталистических интересов стоят

люди, которые обладают и временем, и возможностями, и соответственным «лоском» для того, чтобы общаться с сенаторами и судьями, вступать с ними в споры и убеждать их. А средний американец, некогда мнивший себя столь свободным и независимым, теперь, по существу говоря, лишь каторжник в кандалной роте, покорно гнуший спину на потребу той или иной корпорации.

Но если есть люди, которые это понимают, то гораздо больше таких, которые не понимают ничего. Надо сказать, что американцы, весьма способные и сообразительные там, где дело касается техники или спорта, в экономических вопросах являются поистине непревзойденными тупицами. Они не понимают самых элементарных вещей и, пока их не возьмут за горло, — как, например, сейчас, — не желают понимать. («А, пойдём-ка лучше на футбол!») Сейчас, однако, положение таково, — особенно в некоторых областях хозяйственной жизни, — что, пожалуй, на футбол уже не пойдёшь, и те же самые обыватели начинают смутно, а подчас и довольно ясно сознавать, что их законное правительство целиком находится в руках вышеназванных банков и трестов. Мало того, они начинают бороться против этих банков и трестов. Правда, из дальнейшего будет видно, что борьбу эту никак нельзя назвать успешной, но все же во время выборов в таких штатах, как Орегон, Вашингтон, Массачусетс, Пенсильвания и Нью-Йорк, население широко поддержало проект передачи в государственную собственность предприятий общественных услуг. Конечно, это довольно мягкая форма протеста, но я надеюсь, что в глубине души у каждого протест гораздо сильнее. Однако, как будет видно из дальнейшего, народное самоуправление в Америке в большинстве случаев уже стало фикцией. Народ привык к тому, что его погоняют, и боится протестовать вслух. И сомневаюсь, можно ли будет вернуть все утраченные свободы без многих и бурных столкновений.

Наши корпорации разрослись до гигантских размеров — 130 из них в общей сложности контролируют капитал в 55 000 000 000 долларов! Это цифра не только неслыханная в истории бизнеса, но вообще с трудом поддающаяся человеческому восприятию. А банки, которые

представляют, а во многих случаях и контролируют эти корпорации, получают такие небывалые прибыли и тем самым достигли такого могущества, что смешно и думать о возможности регулировать их деятельность правительственными мерами. О каком правительственном регулировании может быть речь, когда в сущности сами банки и корпорации и есть наше правительство?

Коммерческий размах корпораций трудно себе представить. Для них ничего не стоит выписать чек на семьдесят пять, а то и на сто миллионов долларов или скупить сотни предприятий, в которые вложены сбережения тысяч людей. Я не в силах не то что изобразить, но даже охватить мыслью грандиозность этих масштабов. Как-то раз я взглянул на карту дорог Пенсильванской железнодорожной компании. С востока на запад, через Пенсильванию, Огайо, Индиану и другие штаты, тянутся во многих местах по четыре-пять параллельных линий на расстоянии какой-нибудь сотни миль одна от другой, и все это контролируется Пенсильванской железнодорожной компанией. Она уже проглотила не только сотни коротких, местных, дорог, но и более длинные линии, тянущиеся на север к таким отдаленным пунктам, как Луисвиль, Винсенн, Содэс Пойнт, Макино-сити, а на востоке пересекающие полуостров, которым ограничен Чизапикский залив. Три линии ведут в Цинциннати, две в Чикаго, три проходят вдоль Лонг-Айленда. Если один поезд Пенсильванской компании или даже только один паровоз сойдет с рельс, убытки в связи с повреждением полотна, хотя бы на коротком участке пути, исчисляются в несколько тысяч долларов. Это маленькая иллюстрация того, что представляет собой в финансовом отношении только одна американская железная дорога; а ведь их много.

Обратимся теперь к страховым обществам, попробуем прикинуть, какова общая стоимость всех выпущенных ими страховых полисов. Впрочем, наглядно представить себе эту сумму, достигающую сотен миллиардов долларов, не могут, вероятно, даже те, в чьих руках находится контроль над страховыми обществами. Это словно гигантская динамомашинa, которую пускают и останавливают простым нажатием кнопки. Надо думать, контролирующие банкиры только эту кнопку и знают. Что же

до капитала страховых обществ, то одна лишь Нью-Йоркская компания страхования жизни имеет около 700 000 000 долларов в облигациях, а также в акциях предприятий общественных услуг и других промышленных предприятий, и около 600 000 000 в недвижимой собственности—не знаю, в состоянии ли ваш разум вместить подобные цифры!

Так необъятны масштабы корпораций, так велика мощь банков, которые их финансируют и контролируют, что, пытаясь вникнуть во все это, поистине переносишься в какой-то фантастический мир. За счет чего же растут их капиталы? Дело тут не только в огромных доходах с оборота. В Соединенных Штатах существует особая система, позволяющая банкирам хищнически наживать-ся на займах, которые они предоставляли сотням муниципалитетов: огромные размеры этих займов фактически лишают население возможности когда-либо покрыть их, и, используя свое финансовое могущество, банкиры навязывают муниципалитетам выгодные для себя законы. В конечном же счете карман рабочего, вынужденного покупать продукцию промышленных фирм и в форме налогов оплачивать банковские ссуды,— вот тот источник, откуда текут доллары и центы, наполняющие эти гигантские денежные резервуары. В настоящее время активы нью-йоркской «Бэнкерс траст Компани» составляет 800 000 000 долларов; еще больше активы «Гаранти траст компани» — 1 800 000 000, но и она уступает нью-йоркскому «Нэйшнл сити бэнк»; впрочем и «Нэйшнл сити» еще не на первом месте, так как он «беднее», чем «Чейз нэйшнл бэнк», считающийся после слияния с «Эквитейбл траст Компани» крупнейшим банком в мире. Я не решаюсь больше обременять читателя этими недоступными человеческому восприятию цифрами.

Крупные капиталисты ведут жестокую идеологическую борьбу против любых теорий или общественных движений, связанных с иными целями, нежели личное благополучие этой группы людей. Так, наш американский капиталист, движимый алчностью, или стремлением к власти и к славе, или просто в силу своего положения человека, принадлежащего к денежной «верхушке», яростно и даже с увлечением ополчается на рабочее

движение, на коммунизм и т. д., — короче говоря, на любую теорию и любую организацию, стремящуюся подорвать его могущество или разоблачить корыстную основу его побуждений. А потому он охотно тратит баснословные суммы на то, чтобы через политические мероприятия, печать, радио и все мыслимые формы «циркулярной» пропаганды распространять и по возможности внедрять воззрения, способные снискать ему популярность у людей, которым чужды его методы и его интересы и с которыми сам он поэтому отнюдь не склонен считаться. Пропаганда в области финансов не так уж сильно отличается от пропаганды политической или религиозной. Пусть рядовой обыватель не всегда разбирается в сущности дела, но всем известно, какой верной и надежной опорой он может служить, и лучше всех это известно тем, кто ныне с помощью доллара правит Америкой.

Вся эта идеологическая борьба ведется при посредстве сотен высокооплачиваемых консультантов и специалистов по обработке общественного мнения; они пишут книги и брошюры, они снабжают материалами прессу. Без таких специалистов не обходится сейчас в Америке ни одна корпорация, ни одно крупное промышленное предприятие; есть они и у Рокфеллера, и у «Стандард ойл», и у Пенсильванской железной дороги, и у предприятий общественных услуг. И деятельность их, само собой разумеется, направлена к тому, чтобы расположить общественное мнение в пользу капиталистов.

В 1927 году концерны «Нэйшнл электрик лайт ассошиэйшен» и «Америкен газ ассошиэйшен» образовали «Нэйшнл ютилити ассошиэйшен» — ассоциацию крупных компаний, владеющих предприятиями общественных услуг, призванную бороться против передачи дела коммунального обслуживания в руки государства. Фактически — это крупнейшее в истории бюро пропаганды, агитирующее за частный контроль над народным богатством и естественными ресурсами страны. Ассоциация имеет во всех районах США своих ловких и высокооплачиваемых представителей. Она ежегодно тратит 28 000 000 долларов на мелкие объявления в разных газетах страны, с тем расчетом (обычно вполне оправды-

вающимся), что эти газеты будут помещать под видом объективной информации специально написанные по заданию ассоциации заметки, в которых компрометируется идея государственных предприятий общественных услуг и превозносятся преимущества частного контроля.

Бернард Дж. Маллинс, представитель ассоциации в Иллинойсе, сказал: «Необходимо время от времени освежать редакторскую память легоньким дружеским пинком». Представитель в Нью-Йорке заметил, что если от отдельного объявления или заметки особенно много ждать не приходится, то систематически получаемый и печатаемый материал безусловно влияет на общественное мнение. С. Е. Баури, представитель в Северной и Южной Каролинах, являвшийся в то же время сотрудником «Ассошиэтед пресс», рассылал рекламные материалы компаний общественных услуг по каналам «Ассошиэтед пресс»! Ему же удалось уговорить губернатора Маклеода, сенатора Стюарта и полковника Доусона подписать своими именами статьи, которые почти целиком были написаны им самим. А потом он обратился к редакторам различных газет, рекомендуя им прокомментировать от редакции авторитетные суждения столь выдающихся лиц!

Нет такого обмана, таких интриг, перед которыми остановилась бы плутократия для достижения своих отдаленных и в общем довольно нелепых и бесплодных целей. Власть и внешний блеск для немногих! И это в то время, когда народные массы прозябают в нищете! Щедрой финансовой поддержкой компании пользуются также агентства такого типа, как фирма «Гоффер и сыновья», которая снабжала 14 000 сельских газет во всех 48 штатах заметками, агитирующими за сохранение предприятий общественных услуг в частных руках.

Чтобы обеспечить солидным материалом всю эту литературную деятельность, направленную против государственной собственности на предприятия общественных услуг, компании стараются за солидную плату привлечь к этому делу авторитетных лиц. Группа промышленников уплатила 7500 долларов Ричарду Уошберну Чайлду, бывшему послу США в Италии, за брошюру, в которой доказывается нецелесообразность эксплуатации государством гидроэлектростанции Болдер-Дам. Адво-

каты Мичем и Веллакот из Альбукерка, штат Нью-Мексико, выступили в печати с отчетом о совещании губернаторов по вопросам, связанным с Болдер-Дам; на этом совещании Меррит Мичем официально представлял интересы штата Нью-Мексико, что не помешало ему за 500 долларов составить отчет в том духе, как это было желательно владельцам предприятий общественных услуг. Другой образчик пропаганды такого рода, выпущенный издательством Харпера под названием «Аладдин, США», обошелся компаниям в 5000 долларов — гонорар, уплаченный Эрнесту Гринвуду, бывшему американскому представителю в Бюро труда при Лиге Наций. Так оно велось, так ведется и поныне!

Не могу не коснуться здесь мероприятий в области просвещения, иначе говоря — денежных сумм от 50 до 15 000 долларов, которые шли на то, чтобы завербовать, все в тех же целях, ряд школьных учителей и университетских профессоров. Когда же среди преподавательского состава некоторых учебных заведений штата Иллинойс нашлись сторонники передачи дела коммунального обслуживания в руки государства, иллинойский комитет ассоциации добился их увольнения с работы, — и, надо сказать, это не стоило особого труда.

Зато если среди педагогов находились более здравомыслящие — то есть такие, которые если и не стремились, то во всяком случае соглашались встать на точку зрения, угодную корпорациям, — в их распоряжение предоставляли материалы для написания книг, направленных против государственного предпринимательства, а об «здании этих книг заботились уже сами компании. В Уортоновской финансовой школе при Пенсильванском университете в Филадельфии читал лекции некий профессор Грэйсон, состоявший на жалованье у «Нэйшнл электрик лайт ассошиэйшен». В университете штата Огайо декан одного из факультетов, по фамилии Регби, получал от той же фирмы 15 000 долларов в год за созыв педагогических конференций, на которых обсуждался вопрос о включении в университетские программы курса по организации предприятий общественных услуг! А в целях надлежащего воздействия на студенчество особый комитет, избранный на одной из этих конференций, закупил сотни книг, написанных в благоприятном

для частных компаний духе, и преподнес их в дар университетским библиотекам!

Гарвардский университет в течение трех лет получал от ассоциации ежегодную субсидию в 90 000 долларов «на нужды исследовательской работы», — из тех соображений, что учебник по организации предприятий общественных услуг, вышедший под академической маркой, будет выглядеть солиднее, чем издание «Нэйшнл электрик лайт ассошиэйшен». Речь идет также о создании в Северо-западном университете «фонда для изучения вопроса о государственном предпринимательстве». Впрочем, это, разумеется, только слова: компании уж позаботятся о том, чтобы выводы были в их пользу. Прежде чем предоставить стипендию из этого фонда, комиссия подвергает каждого кандидата тщательному опросу, чтобы «определить его природные склонности».

Но погодите, это еще не все! Комитеты ассоциации в Иллинойсе и Миссури организовали просмотр всех учебников для средних школ и колледжей. Те из них, которые безоговорочно прославляли капитализм, получили одобрение, а те, в которых хотя бы мельком осуждалось господство монополий, политическая коррупция или такие приемы, как «разводнение» акционерного капитала, были признаны «негодными». (Вероятно, настоящая книга тоже будет причислена к разряду «негодных»!) В списке забаллотированной литературы оказались: «Американское гражданство» Бирдов; «Наше правительство» Джеймса, «Город, штат и государство» Найды. У вас на полках имеются названные книги? Смотрите, как бы об этом не узнали корпорации! Но дело не ограничилось попытками изъять эти книги из школьного обихода, — стали добиваться от авторов и издателей переработки их в определенном духе. Вот что пишет управляющий «Сент-Джозеф газ Компани» представителю ассоциации в Миссури: «Подтверждаю получение вашего письма от 8 сентября с. г. по вопросу о пересмотре учебников по экономике, гражданскому управлению и курсу «права и обязанности граждан», с учетом интересов предприятий общественных услуг. Мне это представляется очень полезной работой, но не следует заходить слишком далеко, потому что если публика почувствует, что учебники используются для пропаганды

в пользу компаний, это повредит нам больше, чем прежняя дезинформация».

Короче говоря, банки и корпорации не только расходуют огромные суммы на то, чтобы тормозить правительственные начинания, направленные на благо народа в целом, но готовы применить любую, самую грубую форму политического и финансового воздействия, или, попросту говоря, насилия, чтобы подавить такое начинание, если оно где-либо возникает.

Наши корпорации и их финансовые руководители распоряжаются всей деловой жизнью страны с деспотизмом, которому правительство, видимо, сейчас беспротестно противостоят.

В нынешнем кризисном, 1931 году предприниматели, издатели газет и вся придворная клика капитализма из кожи вон лезут, стараясь всячески прикрасить действительное положение рабочих, стараясь изобразить дело так, будто у них бывают свои периоды благополучной, даже зажиточной жизни. Коварнейший вид лжи! Так на глаза общества накидывают пелену за пеленой, скрывая от него не только истину, но даже и просто божий свет. А люди, которые изматывают силы рабочего и морят его голодом, сами тем временем выжидают лучших времен, припрятав нажитое в карман.

Не буду голословным. В американских газетах нередко можно встретить заголовки, гласящие, что «75000 рабочих автомобильной промышленности прекратили стачку» (имеются в виду фордовские заводы на Ривер-Руж). Или что та или иная гигантская корпорация набирает рабочих, или по крайней мере не снижает заработной платы. Но так ли все это на самом деле? Стоит дочитать заметку до конца (что редко кто делает), и оказывается, что у Форда, например, большинство вновь нанятых или вернувшихся на предприятие рабочих заняты только три дня в неделю, а не шесть, как раньше. И в Юнгстауне, штат Огайо, да и почти везде, тысячи людей работают по этой же полуголодной, или, как ее называют, «спотыкающейся» системе. Однако полковник Вудс, советник по вопросам промышленности при президенте, считающийся спасителем и избавителем безработного человечества, совсем недавно разослал 65 000 фабрикантам циркуляры, в которых опи-

сываются и рекомендуются еще более жестокие варианты «спотыкающейся» системы!

Зато те, у кого есть деньги, преуспевают всегда. 1930 год, год глубочайшего кризиса, дал американским капиталистам возможность прибавить еще 1 000 000 000 к 14 000 000 000, уже вложенным в различные предприятия за границы. И за первую половину того же 1930 года общая сумма дивидендов (куш, загребаемый богачами) выросла на 350 000 000 по сравнению с 1929 годом, тогда как общая сумма зарплаты (крохи, достающиеся беднякам) снизилась на 700 000 000. Горсточка людей, обогащающаяся с каждым из тех мощных приливов и отливов, которые уже десятки лет колеблют почву американских финансов, оказывается неизмеримо сильнее правительства. Ведь правительство неоднократно пыталось вмешаться в это чередование подъемов и спадов в экономической жизни страны, задержать, остановить его, но сейчас, убедившись в бесплодности таких попыток, склонно, видимо, удовлетвориться наблюдением со стороны. И оно вполне откровенно заявило о своем бессилии что-либо сделать. «Пусть рядовые американцы сами помогают друг другу», — сказал Гувер. Недаром любое усилие, любое движение, любой законопроект, направленный к урегулированию этого процесса, встречает противодействие налаженного механизма банков и корпораций.

Впрочем, кто в наши дни не понимает, что даже самые высокие американские сановники являются не более чем толкачами корпораций, машинками, штампующими удобные последние решения? Моргану или Рокфеллеру нужен Кальвин Кулидж или Герберт Гувер для руководства псевдомократическим церемониалом одобрения их действий. Если вы сомневаетесь, ознакомьтесь с любой из крупных сделок, которые затрагивают интересы миллионов американцев, но приносят деньги и могущество лишь немногим. Двое братьев Сверинген из Кливленда, штат Огайо; Дэниель Уиллард из Балтимора; некто Кроули и некто Эттербери из Нью-Йорка и Пенсильвании — эти пятеро, и только эти пятеро, имеют власть решать, кому будет передана та или иная железная дорога, и они, решив, предписывают свое решение правительству. Правда, ни один из них не занимает государственного поста, но зато все пятеро —

Железнодорожные магнаты. А какой-нибудь Герберт Гувер, получив предписание, уведомляет членов Комиссии по торговле между штатами (им назначенных и его волей держащихся), что он — за одобрение такого-то соглашения. То есть, попросту говоря, указывает комиссии, что она должна делать. А ведь эта комиссия именно для того и была создана, чтобы контролировать (!) слияние отдельных железнодорожных компаний, выпуск ценных бумаг и т. п.

Мероприятия, в которых заинтересованы финансовые тузы, обычно проводятся руками правительственных чиновников.

Короче говоря, правительство ни одного существенного шага не делает иначе, как с одобрения какого-нибудь Джона Д. Рокфеллера-младшего, Уолтера Тигла, Чарльза Шваба, Оуэна Д. Янга, Уильяма Леба, или же какого-нибудь Уолтера С. Гиффорда, или его хозяев и патронов. И не правительство, а именно эти люди фактически правят страной. Что же удивляться, если всякие попытки регулирования капитализма ни к чему не ведут? И если банки и корпорации не желают и не собираются «регулировать» или обуздывать в чем-либо самих себя? Один из их деятелей недавно так прямо и сказал мне: «Кто нам помешает?»

И я обращаю к вам этот вопрос: «Кто им помешает?»

Итак, вот положение: банки и корпорации в Америке фактически выполняют функции правительства. Как же утвердился и окреп этот союз правительства и предпринимателей? Приведем пример: еще первый Вандербильт, в самом расцвете своей карьеры (1870 г.), добился — разумеется, подкупом и взятками — от штата Нью-Йорк постановления, согласно которому город Нью-Йорк принимал на себя половину расходов по переукладке путей трамвайной линии, принадлежавшей Вандербильту. Мало того — в постановление включен был пункт, обеспечивавший Вандербильту бессрочное пользование концессией на эксплуатацию трамвая, а также бессрочное освобождение от налогов. (Жаль, что нельзя было заодно обеспечить ему бессрочное продление жизни!) Но еще в 1868 году Вандербильт и Гулд,

борясь за контроль над железнодорожной линией «Эри», старались перещеголять друг друга размерами взяток, которые один давал, чтобы провести билль, узаконивающий новый выпуск акций его предприятия, другой — чтобы помешать проведению такого билля. Комиссия, расследовавшая потом это дело, установила, что некий сенатор получил даже не одну, а две взятки: 75 000 долларов от Вандербильта и 100 000 долларов от Гулда. И хотя так дорого ценивший свои услуги сенатор предусмотрительно принял обе взятки, голосовал он все же в пользу Гулда, — проблеск добропорядочности, для меня поистине необъяснимый, хотя подозреваю, что ныне уже почивший с миром доктор Гулд мог бы найти этому объяснение. В дальнейшем ходе этой борьбы Гулд лично свез в Олбэви полмиллиона долларов и тем закончил дело в свою пользу. Такова беззаконная власть денег!

Посмотрим теперь, как вели себя эти самые магнаты по отношению к рабочему классу. Один маленький факт. Примерно в то же время некий федеральный судья в Милвоки вынес постановление, по смыслу которого всякий, кто хотя бы родному сыну посоветовал бросить работу на железной дороге «Норсерн пасифик», подлежал тюремному заключению. Судебное постановление против забастовок является сейчас самым сильным оружием в борьбе со стачечным движением и постоянно применяется на деле; но надо сказать, что это юридическое ухищрение, наводя страх, тем самым способствует зарождению протеста в рабочей среде.

Банкиры и руководители корпораций фактически правят страной, потому что путем тайного подкупа они подчинили себе официальное правительство и через это подкупленное правительство издают законы *именем народа*. Моя цель — показать, что система действий корпораций, как она сложилась на сегодня, опирается главным образом на пристрастный закон и несправедливый суд.

В подкрепление оказанного позвольте указать вам на некоторые законодательные акты и практические результаты, ч которым они привели, а затем позвольте спросить вас, заслуживают ли эти акты и эти результаты элементарного уважения? Разумеется, сейчас уже не представляется возможным ликвидировать все эти паразитические объединения, созданные финансовыми магна-

тами. Тут один только путь — чтобы правительство взяло их в свои руки и поставило на службу интересам всего народа, иначе их пагубная деятельность будет все усиливаться. Но уважать эти объединения, уважать тех, кто их создает и кто от них выигрывает, равно как и те суды и законы, на которые они опираются, — невозможно. Вспомним такой случай. Корнелиус Вандербильт-первый ради осуществления своих дорогостоящих проектов, связанных с постройкой Нью-Йоркской центральной железной дороги, протасил в Олбэни целый ряд специальных законопроектов. Принятые под его воздействием правительственные акты предоставили ему немалые привилегии: так, например, дали ему право разводнить свой капитал и установить на принадлежащих ему железных дорогах непомерно высокую плату за проезд и провоз грузов. А между тем он был избавлен от необходимости нести пропорциональную его богатству долю налогового бремени (вандербильтовские предприятия облагались ничтожно малыми суммами). Официально засвидетельствовано казначеем Нью-Йоркской центральной железной дороги, что за этот период, с 1853 по 1867 год, давление на законодательные органы, которое понадобилось для того, чтобы провести эти несправедливые законы, обошлось дороге в сотни тысяч долларов. И все же не только вандербильтовские законы продолжали преспокойно действовать, но 20 мая 1869 года в Олбэни было принято новое постановление, предоставлявшее Вандербильту все концессии безвозмездно, а кроме того, позволявшее ему производить любые слияния железнодорожных компаний, и — что еще существеннее — расширявшее приобретенное им нечестными путями право на неограниченное разводнение капитала. После чего он тут же и выпустил на 44 000 000 долларов разводненных акций — настолько разводненных, что в 1879 году адвокат Саймон Стерн заявил комиссии Хепберна, заседавшей в Вашингтоне, что все эти 44 000 000 — чистая вода, или, иначе говоря, чистая прибыль для мистера Вандербильта! В сущности вся система предприятий Вандербильта строилась по этому принципу: так, основной капитал железной дороги Лэйк-Шор — Мичиган еще в 1871 году наполовину состоял из воды!

Но, разумеется, нельзя сказать, что над созданием нашей американской олигархии трудился один Вандер-бильт. Те же методы применялись повсюду, по всей стране. Это подтверждается, например, особым мнением меньшинства Комиссии по обследованию дорог Тихоокеанского побережья, в котором там, где речь идет о взаимоотношениях Гулда с западными дорогами, прямо сказано: «Сотни тысяч долларов тратились ими и в Вашингтоне и в столицах отдельных штатов на то, чтобы утвердить свое влияние в законодательных органах». За спиной Рокфеллера, «Стандард ойл», Гулда, Сэйджа и всех прочих стоял пристрастный закон, и дело здесь было не только в подкупе и взяточничестве, — нет, тут сказывались те пристрастия во всех вопросах, связанных с преуспеванием в этом мире, от которых в ту пору не была свободна, кажется, ни одна категория интеллигенции или политических деятелей в Америке.

Но говоря о бешеном натиске предпринимателей на правительство, вспомним — для контраста! — о тех, кто падает жертвой этого натиска, прислушаемся к воплям разоряемых, посмотрим, как они пытаются обороняться. В Америке тарифная политика всегда охраняла интересы промышленника или его нынешнего хозяина — корпорации, банка, а интересы «маленького человека» не учитывались никогда. В восточных штатах тарифная политика, в сочетании с конкуренцией западных фермеров, за последние годы привела к тому, что фермеры Новой Англии, Нью-Йорка и Пенсильвании оказались совершенно разоренными. Им уже не оправиться. И в этом повинна промышленность, противопоставившая себя фермерству, — промышленность, выигрывавшая от тех самых тарифов, которые фермеров обрекали на голодную смерть! Но если американский фермер слишком слаб или политически неразвит, чтобы осознать свое положение и бороться, а потому плывет по течению, — то за границей, надо сказать, эта же тарифная политика вызывает повсеместное возмущение ввиду того ущерба, который она наносит экономике других стран. Я уже раньше говорил об американском империализме. Так вот, эти факты лишний раз свидетельствуют об его реальности, а главное — об яростном стремлении других стран ему противодействовать. Короче говоря, тира-

ния такой подлинно империалистической тарифной политики ведет к обострению международного соперничества и военной опасности, тем самым усиливая гнет над американским — и не только американским — обывателем, который и так уже достаточно угнетен.

Для народа Америки положение усугубляется тем, что наши тресты и монополии уже достаточно мощны, чтобы диктовать свои цены и устанавливать свои нормы прибыли, не уступая при этом в алчности, корысти и беспощадности самым жестоким самодержцам и тиранам. Взгляните хотя бы на «Американ телеграф энд телефон Компани»; этот концерн, господствующий сейчас в своей отрасли не только в США, но и во всем мире, за последние двадцать лет втрое, вчетверо повысил плату за пользование его услугами и в конце концов догнал ее до таких цифр, что телефон для американского потребителя сделался не дешевле освещения или отопления, а в некоторых случаях и того и другого вместе. Причем тут даже нет надежды на улучшение условий, потому что суды, законодательные собрания, всевозможные бюро, комиссии и тому подобные органы пляшут под дудку этой откровенно разбойничьей корпорации. Даже железные дороги, и те, кажется, не столь бессовестны и беспардонны в своих методах. Впрочем, и наглость и успех этих методов объясняются ошибками, допущенными в прошлом, — ведь с самого начала можно было не сомневаться, что в американском обществе, основанном на индивидуализме, монополии неминуемо приобретут истинно королевскую власть и могущество.

- Вопреки закону и справедливости, методами грубого, неприкрытого насилия достигается та власть, которая позволяет сегодня любой американской монополии диктовать свою волю покорному и безропотному правительству. А народ — чорт с ним! До него никому дела нет. Не верите? Спросите любого государственного чиновника, который еще не успел продаться той или иной из наших могущественных корпораций.

Но, может быть, если уж говорить о дани, которою корпорации, благодаря своей политике цен, облагают население, — словно они и в самом деле официальное правительство страны, — может быть, вы склонны видеть в этом случайное явление? Приглашаю ознако-

миться с методами правления «Стандард ойл». Вот маленький факт, нечаянно сделавшийся достоянием гласности. Речь идет о крупнейшей фигуре прошлых дней, знаменитом финансовом разбойнике Джоне А. Арчболде, одном из руководителей «Стандард ойл». Кое-что из его подвигов уже известно широкой публике, а кое-что заслуживает дополнительного освещения. Арчболд был человек умный, жестокосердый, циник и дипломат, притом отлично владел пером, и его поступки, слова и письма могут служить неплохой иллюстрацией той политики силы (силы денег), которая продолжает действовать и поныне. Повидимому, именно через Арчболда осуществлялась система краткосрочных «ссуд» различным политическим деятелям того времени; ссуды эти брались из средств «Стандард ойл», по свидетельству сотрудников фирмы никогда не погашались (да, видимо, и не должны были погашаться) и в конце концов списывались со счета. Установлено, например, что Дж. У. Бэйли, в свое время уважаемый сенатор от штата Техас, уже на закате своей карьеры получил несколько тысяч долларов за то, что охранял «Стандард ойл оф Тексас» от преследований по суду. Для этого пришлось закрыть глаза на кое-какие погрешности против истины; кроме того, суммы, взятые почтенным сенатором в долг у «Стандард ойл», разумеется, возвращены не были. Другой сенатор, Дж. У. Форэйкер от Огайо, славившийся некогда своим умом и примерной честностью, в январе 1902 года получил «взаймы» от «Стандард ойл» 50 000 долларов. Впоследствии сенатор утверждал, что он возвратил компании эту крупную сумму, но не все этому поверили. Тогда же, или несколько позднее, Арчболд широко финансировал предвыборную компанию Джона Лаундеса Мак-Лорина, сенатора не то от Южной, не то от Северной Каролины. Какие услуги оказал за это уважаемый сенатор, мне точно неизвестно, — но уж какие-нибудь да оказал. Когда, однако, Арчболд внес 100 000 долларов в фонд предвыборной кампании Теодора Рузвельта, он тут же потребовал, чтобы Рузвельт был об этом поставлен в известность. Арчболд до тонкости изучил тех политических деятелей, которым он рассчитывал внушить идею управления страной не по формуле «власть народа», а по формуле «власть «Стан-

дард ойл». Изучил он и способы такого внушения. Так, в письмах к Мак-Лорину Арчболд рассыпался в лести, превознося мудрость своего адресата, а его политическо-го противника Бена Тилмена (являвшегося также про-тивником «Стандард ойл» и ее методов) объявлял низ-копробным демагогом. Демагогом Тилмен действительно был, но взяточничеством не занимался.

А вот письмо, написанное двадцать лет назад одним из руководителей «Стандард ойл» к губернатору штата (я лично считаю это письмо непревзойденным в своем роде):

«Надеюсь, вы не сочтете чрезмерно самонадеянным с моей стороны, что я обращаюсь к вам по вопросу, чрезвычайно меня интересующему — и лично и как представителя компании. Речь идет о назначении судьи Моррисона из Мак-Кина членом верховного суда на место скончавшегося Митчелла. Личные качества судьи Моррисона, его опытность и честность не нуждаются в моей рекомендации, но, помимо этих весьма существен-ных обстоятельств, следует также учесть, что его хоро-шая осведомленность в делах нефтяной и газовой про-мышленности, теснейшим и насущнейшим образом свя-занной с интересами западных районов штата, делает его особенно желательным кандидатом в члены верхов-ного суда от этих районов». (Цитирую по «Ливинг эйдж» от 20 мая 1911 года.)

Действуя так же умно и так же умело используя силу денег, как и в отношениях с политическими деяте-лями, Арчболд обрабатывал прессу в интересах «Стан-дард ойл». Вплоть до 1902 года им основательно субси-дировались такие издания, как «Саузерн фарм мэгэ-зин», «Мэньюфэкчурерс рекорд» и питсбургский «Таймс». (Кстати, если в современной Америке есть еще хоть один не «купленный» город, то это, безусловно, не Питс-бург!) А в годы ожесточенной борьбы Рокфеллера с независимыми нефтепромышленниками многие сельские и городские газеты всеми правдами и неправдами боро-лись против строительства нефтепроводов, которые мог-ли бы снизить потребительские цены на нефтепродукты и тем подорвать мощь компании «Стандард ойл».

Покровительством Арчболда пользовался также «Журнал профессора Гантона» — на редкость сухой и

скучный ежемесячник, который в конце девяностых годов можно было увидеть во всех газетных киосках. Это издание занималось экономическими вопросами, трактуя их в желательном для монополий духе, и «Стандард ойл» оказывала ему материальную поддержку в размере 15 000 долларов в месяц, — на мой взгляд, совершенно впустую. Едва ли найдется хоть один человек, которого этот журнал сумел в чем-либо убедить. Скука невыносимая! Гантон получил от компании еще около 250 000 долларов на организацию лекций по экономике, — и можно себе представить, что это были за лекции!

Сотрудничала «Стандард ойл» и с такими прославленными политическими агентами корпораций, как Марк Ханна и Стивен Элькинс, — люди, чья биография говорит за себя; не стоит добавлять, что шепетильностью они не отличались. Естественно, что Дж. П. Морган, о котором много говорилось выше, обеспечивал себе любую политическую поддержку любых союзников, действуя силой или деньгами, — что, впрочем, в данном контексте одно и то же. Так, между прочим, он дал 150 000 долларов Джорджу Кортелью, организатору предвыборной кампании Кливленда, которая привела к избранию Кливленда президентом и назначению Кортелью министром финансов, как это и было задумано. Это именовалось — именуется и теперь, — *взносом в избирательный фонд*. А впоследствии Кортелью, в качестве министра финансов, разрешил Моргану получить в казначействе заем на 25 000 000 долларов золотом из двух процентов, каковую сумму Морган уже от себя ссудил разным банкам и конторам, нуждавшимся в наличном золоте, — но из шести процентов! Ну, что ж, разве в этом есть что-либо противозаконное? Тот же Морган своей финансовой поддержкой провел на государственные посты некоторых деятелей республиканских партий, чьи голоса потом обеспечили его паровозными линиями десятилетний контракт на перевозку почты.

Вот так банкиры и директора корпораций вертят нашим правительством. Но чтобы дополнить картину, посмотрим, как те же магнаты поступают с людьми, работающими на них и на их корпорации. Я хочу сказать несколько слов о так называемых «Контрактах трусли-

вой собаки». Это измышление какого-то дошлого крючкотвора, несомненно состоявшего на жалованье у корпорации, и поныне применяется всеми американскими корпорациями, — разумеется, с санкции верховного суда, — для запугивания рабочего класса. Речь идет о соглашении, которое вынужден подписывать каждый рабочий, ищущий места на предприятиях любой крупной корпорации (иначе он этого места не получит), и по которому он обязуется не вступать ни в какие профсоюзы, кроме организуемых и контролируемых самой компанией. «Контракты трусливой собаки» неправомерны по самой своей природе, что должно быть понятно и без специальных постановлений конгресса, потому что, во-первых, они не предусматривают материальной компенсации: то есть рабочий не получает ни денег, ни иных благ за обязательство не вступать в профсоюз по своему выбору; во-вторых, они заключаются по принуждению: рабочему вовсе не хочется отказываться от своего права быть членом профсоюза, но он должен это сделать, чтобы не умереть с голоду; и, наконец, в-третьих, эти контракты противоречат общественному благу, так как право свободы договора есть личное право каждого, и лишение этого права без должной судебной процедуры противоречит конституции.

Но сегодня у американских рабочих перед глазами пример России, где, как им известно, богатства страны принадлежат всем и трудящийся получает свою справедливую долю дохода от этих богатств. Они видят, как в процессе выполнения пятилетки в России создаются для рабочих новые, современного типа, города с чистыми, светлыми жилищами, с детскими яслями и общественными столовыми, избавляющими женщин от черной домашней работы. Они видят все это и мечтают о такой жизни.

Мы знаем, каково приходится среднему американцу, твердо верящему в капитализм и его титанов, когда он попадает в лапы к этим самым титанам, или, лучше сказать, великанам-людоедам. Они его попросту проглатывают живьем.

Между тем я уверен, что ни один руководитель корпорации не согласился бы признать факт существования

капиталистической олигархии. Все они стали бы доказывать, что капитал каждой корпорации принадлежит тысячам акционеров. Но это лишь для отвода глаз, потому что многие акционеры не пользуются правом голоса, а контрольный пакет акций, как правило, находится в руках олигархической верхушки.

Окиньте взглядом все те области экономической жизни Америки, в которых укоренилась «цепная» система, и вам станет ясно, как ничтожны для рядового американского обывателя шансы стать чем-либо побольше конторщика или продавца в магазине. В самом деле — заправочные станции, гостиницы, гаражи, газеты, парикмахерские, универмаги, аптеки, банки, пекарни, молочные, магазины готового платья, галантерейные лавки, рестораны, автобусные и таксомоторные парки — все это, и еще многое другое, уже включено в «цепную» систему. Уже все телефонные станции в стране принадлежат одной частной компании, которая по своему усмотрению устанавливает плату за пользование телефоном. То же относится к «Вестерн юнион», к «Пост энд телеграф Компани» и к новой корпорации «Интернэйшнл рэдио». Таким образом, всякому ясно, что собственно остается на долю «маленького человека»: место конторщика или, в лучшем случае, управляющего — и то еще отнюдь не постоянное! Конторщиком или коммивояжером родится он, конторщиком или коммивояжером и умрет — хоть он все еще надеется, простофиля, стать со временем в ряды титанов бизнеса и искренне верит, что у него имеется на это шанс. Что ж, шанс и в самом деле имеется — один на сто двадцать пять миллионов!

В этой главе я изложил те важнейшие факты современной американской действительности, которые, на мой взгляд, достаточно ярко характеризуют и в экономическом, и в социологическом плане крушение капитализма — как результат чересчур свободной и неограниченной конкуренции сильного со слабыми. Я показал, что это привело во всех областях к монопольному хозяйничанью немногих и для блага немногих, и постарался выяснить первопричину такого положения. В дальнейшем я прослежу судьбу реформ в условиях существующего экономического порядка и покажу всю их несостоятельность. Факты и опыт, которыми я располагаю,

убеждают меня не только в том, что капитализм сейчас находится в периоде упадка, но и в том, что никакими реформами положения не изменишь. Время для реформ в рамках капитализма и господства банков и корпораций уже упущено. На смену должно прийти нечто совершенно новое, некий синтез всех видов человеческих усилий, но не ради укрепления могущества отдельной личности и уж во всяком случае не ради того, чтобы обеспечить ей нелепую, избыточную роскошь существования за счет тех миллионов, чьими трудами эта крикливая роскошь создается. Наши богачи слишком богаты, а бедняки слишком бедны. И настало время не только задуматься над какими-то формами равного распределения средств к существованию, но и найти разумные и действенные способы их внедрения в жизнь.

ВЕРХОВНЫЙ СУД США НА СЛУЖБЕ КОРПОРАЦИИ

Верховный суд Соединенных Штатов! Наш высоко-
чтимый верховный суд! Какова его роль в деле превра-
щения американской демократии в американскую оли-
гархию?

Для того чтобы лучше разобраться в достоинствах и пороках этого учреждения, я хочу сделать обзор его деятельности, как прошлой, так и настоящей. Но нельзя толковать о суде, не говоря о судьях, о том, какие круги общества они представляют и что это за люди сами по себе; а потому давайте сперва познакомимся с судьями — не только с теми, кто занимает этот пост ныне, но и с их многочисленными предшественниками.

Начнем с судьи Кертиса, который в 1857 году вышел в отставку, подобно многим своим коллегам, по той простой причине, что барыши, доставляемые частной практикой, прельщали его больше, нежели почетное и ответственное положение верховного истолкователя законов. Достаточно сказать, что, как поверенный корпораций, Кертис составил себе довольно круглое по тем временам состояние в 700 000 долларов. Легко представить себе, как такому судье были близки интересы трудящегося народа! Впрочем, коллеги судьи Кертиса мало чем отличались от него.

Следующий на очереди Салмон П. Чейз (1808—1873), председатель верховного суда США. До своего назначения в верховный суд он был адвокатом, поверенным банкиров. В то время из фондов Банка Соединенных Штатов исчезли неведомо куда 76 000 000 долларов

да на 30 000 000 было роздано ссуд всяким конгрессменам, журналистам, политикам. Председатель правления банка, Николас Бидл из Филадельфии, выплатил из банковской кассы более миллиона долларов без всяких оправдательных документов. 130 000 долларов пошли на взятки членам законодательного собрания Пенсильвании за проведение благоприятствующих банкам законов. Вот каких проходимцев выгораживал в суде Чейз. Но столь тесное общение с миром коррупции ни для кого не может пройти бесследно. Яд низкопоклонства легко проникает в душу, и не удивительно, что Салмон П. Чейз молился на своих хозяев и в этих сеятелях коррупции видел чуть ли не воплощение творческих сил Америки, имеющих полное право на поддержку закона.

Наших судей всегда связывали с корпорациями нерасторжимые и нерушимые узы взаимопонимания и общности интересов. Вот, например, Брэдли (1813—1892): прежде чем стать членом верховного суда, он провел, в качестве адвоката, ряд дел, которые дали возможность нескольким железнодорожным компаниям штата Нью-Джерси объединиться и ввести непомерно высокие железнодорожные тарифы. Я считаю, что человек с подобными устремлениями едва ли способен войти в положение рабочего, гнущего спину по двенадцать—пятнадцать часов в сутки за каких-нибудь полтора-два доллара. Люди типа Брэдли всегда были и будут слепы и глухи к нуждам трудового люда.

Уэйт (1816—1880) до своего назначения председателем верховного суда долго состоял поверенным Южно-Мичиганской железной дороги. Вот один из образчиков характерного для него крючкотворства. На железной дороге, интересы которой он защищал, произошел следующий случай. Поезд, шедший через Толедо со скоростью более двадцати пяти миль в час и не давший у переезда обычного свистка — двойное нарушение правил! — задавил некую Веронику Муль. В первой судебной инстанции ее ребенку было присуждено единовременное пособие в пять тысяч долларов. Как же повел это дело Уэйт при апелляции в высшую инстанцию? Он потребовал доказательств того, что ребенок рожден

потерпевшей в законном браке! Полагаю, что комментарии не требуется.

Как относился судья Грей (1828—1902) к трудовому люду, явствует из его обращения к свидетелю, который осмелился явиться в суд без пиджака: «Ступайте домой и оденьтесь так, как приличествует человеку, который предстает перед этим высоким трибуналом в такой скромной роли!» Разве не естественно предположить, что юрист, способный увидеть в рабочем лишь представителя общественных низов, всегда постарается обратить закон в пользу того, кто, по его понятиям, стоит неизмеримо выше? Я лично в этом не сомневаюсь. А ведь Грей тоже был одним из наших верховных судей.

А вот дружеская услуга, которую другой член верховного суда, некий Филд (1816—1899), оказал своему приятелю, западному железнодорожному магнату Леланду Стенфорду: особым постановлением он признал за ним право не отвечать на вопросы по поводу суммы в 4 000 000 долларов, которая, по утверждению Комиссии по обследованию железных дорог Тихоокеанского побережья, была израсходована на подкуп законодательных властей. Таков порядок вещей в стране, где классовые противоречия ничуть не менее остры, чем некогда в феодальной Европе между дворянской знатью и угнетенным крестьянством. Приятельские связи, возникнув в стенах привилегированной школы, крепнут в колледже; позднее же, когда стремление бывших одноклассников утвердиться на высоких общественных постах становится наиболее прочным залогом близости и взаимопонимания, эти узы создают глухую стену, которую не в силах пробить не только интересы трудового народа, но и требования простой справедливости. Случай с судьей Филдом — характерная иллюстрация.

Приведу еще пример в доказательство того, что этот случай не единичен. Председатель верховного суда Фуллер (1833—1910) служил в свое время в железнодорожной компании юрисконсультom, с годовым окладом в 20 000 долларов. Выступая против некоего Сэмюэля Уорнера, лишившегося руки из-за небрежности железнодорожной администрации, Фуллер добился прекращения дела без выплаты компенсации за увечье на том основании, что потеря руки будто бы не причинила

истцу физических страданий. Вот вам и новое открытие в физиологии — по особому заказу корпораций!

А судья Пекхэм (1838—1909)! Еще не будучи членом верховного суда, а всего лишь членом правления страхового общества «Мьючуэл лайф иншуренс Компани», он оказался замешан в одной весьма неблагоприятной операции. Несколько страховых компаний выделили специальный фонд в 20 000 000 долларов для подкупа нью-йоркских законодателей, в том числе и на содержание «веселого дома», где упомянутых законодателей ждал радушный прием, а при желании даже бесплатный стол и квартира. Участие в подобных мероприятиях не помешало назначению Пекхэма в верховный суд! Вы спросите, как мог человек, потворствовавший таким незаконным и грязным делам, получить столь ответственный пост? Очевидно, расчет был на то, что при подобной неразборчивости в средствах он и на своем новом поприще ничем не будет брезговать ради пользы той или иной из всемогущих корпораций.

Теперь обратимся к современному нам суду и к современным судьям. Начнем с председателя верховного суда Хьюза. Это, можно сказать, оплот корпораций. Каковы его взгляды? Хьюз — сторонник достопримечательной теории о том, что чем крупнее трест, тем большей он должен пользоваться властью. Если развивать эту мысль, напрашивается вывод, что чувства, нужды и тяготы широких масс попросту не стоят внимания. Для человека таких взглядов рабочие — это, в лучшем случае, тягловый скот.

Здесь нам не мешает поразмыслить над тем обстоятельством, что ни разу в кресло члена верховного суда не сажился юрист, которому случалось с успехом защищать в суде интересы рабочих (кстати сказать, такие случаи весьма редки, что само по себе достаточно характеризует американское правосудие). Мне могут возразить, что это почетное место должны занимать не представители рабочих или корпораций, а люди беспристрастные, с чем я вполне согласен. Но факты говорят за себя: логика вещей в современной, управляемой корпорациями Америке такова, что в роли «беспристрастных» судей выступают главным образом адвокаты корпораций. Так, Хьюз до своего назначения председа-

телем верховного суда служил юрисконсультom таких организаций, как железная дорога «Уобэш», железная дорога «Пьедмонт энд норсерн», компании «Дженерал электрик», «Анаконда коппер», «Стандард асфальт энд раббер», страховые общества «Этна иншуренс Компани», «Бенефит лайф иншуренс Компани», «Гановер файр иншуренс Компани» и железнодорожная компания «Солт лэйк рейлрод».

Как же относятся вот такие судьи к расхищению земель, к захвату железных дорог, к мошенническим уловкам трестов и т. д.? А непрестанные домогательства железнодорожных компаний и предприятий общественных услуг, их бесконечная погоня за деньгами и властью, — как смотрят на них наши верховные судьи, особенно в тех случаях, когда это самым непосредственным образом ущемляет интересы рядового американца? В какой мере верховный суд повинен в крушении американской демократии? Как далеко заходит он в поддержке утвердившейся у нас олигархической системы? И к чему это нас приведет?

На протяжении многих лет железнодорожные компании систематически грабят государство. Однако это лишь потому всегда сходило им с рук, что верховный суд, словно мановением волшебной палочки, превращал жульнические увертки в закон. Для начала упомянем, что на постройку трансконтинентальной железной дороги «Юнион пасифик» компании удалось с помощью подкупа исхлопотать через конгресс 12 000 000 акров земли и ссуду в 27 000 000 долларов. Хотя строительство дороги обошлось в 50 000 000 долларов, однако созданная для его финансирования «Кредит мобилайзер Компани» собрала 93 000 000. Верховный суд впоследствии разъяснил, что конгресс руководствовался правильным стремлением — содействовать развитию железнодорожного транспорта. Казалось бы, 43-миллионная (то есть чуть ли не стопроцентная) прибыль — да еще при льготных условиях займа и безвозмездной передаче земли — должна была, по тем временам, показаться людям чудовищной. Но всякий, кому памятна или сколько-нибудь знакома эта эра лихорадочного предпринимательства, не найдет в этом ничего удивительного, ибо, по господствовавшим тогда представлениям,, молодое еще желез-

нодорожное строительство было вправе рассчитывать на всякие поощрения и поблажки; и на этой точке зрения стояли даже те юристы, которые не были подкуплены компаниями и не участвовали в их игре. Снисходительное отношение общества ко всему этому объясняется тем, что сами предприниматели и политические деятели, владевшие крупными пакетами железнодорожных акций, вели энергичную обработку общественного мнения в соответственном духе. А между тем уже тогда железные дороги обладали капиталом в 15 000 000 долларов, а их средний годовой доход составлял 600 000 000 долларов. При этом от железнодорожных катастроф ежегодно погибало до 10 000 человек и до 100 000 получали тяжелые увечья. Так, кучка капиталистических воротил умело — чтобы не сказать больше! — использовала к своей выгоде благожелательную снисходительность американского народа.

А вот как железные дороги с благословения верховного суда разделяются с многочисленными исками потерпевших. Чонси А. Диксон, кочегар дополнительного поезда, погиб при столкновении поездов, происшедшем по оплошности телеграфиста, позабывшего отправить служебную депешу. Железная дорога «Норсерн пасифик» отвела иск на том основании, что телеграфист был сослуживцем убитого кочегара, и, стало быть, компания не несет никакой ответственности. Суд признал правильность этого довода, а верховный суд подтвердил его решение. Ссылка на «совместную службу» была, таким образом, узаконена и на долгие годы сделалась орудием притеснения рабочего класса страны.

По мере усиления экономической мощи железнодорожных компаний и роста их влияния верховный суд все больше становился орудием в их руках. В описываемое мною время из девяти членов верховного суда семеро были в прошлом либо юрисконсультами железнодорожных компаний, либо директорами или крупными акционерами, либо, наконец, лоббистами¹, проталкивавшими законодательные мероприятия, выгодные желез-

¹ Л о б б и с т ы — так называются в США агенты крупных банков и монополий, ведущие закулисную обработку депутатов конгресса.

ным дорогам. Фуллер, Дэй (1849—1923) и Шайрес (1832—1924), как в бытность свою поверенными компаний, так и в качестве членов верховного суда, только и делали, что выворачивали наизнанку американские законы в угоду своим клиентам, железнодорожным магнатам. Последние даже домогались через руководящих политических деятелей расширения состава верховного суда, для того чтобы посадить туда угодных им кандидатов. И им это удавалось несколько раз!

В азарте погони за прибылью железнодорожные магнаты сливали и укрепляли свои предприятия, создавая гигантские разветвленные системы. Повсюду возникали пулы¹, синдикаты, тресты! Как плохо даже тогда понимали избиратели, что творится вокруг. Уже в 1870 году создавались пулы для распределения грузооборота и поддержания высоких тарифов; такими пулами были Южная ассоциация железных дорог и Западная транспортная ассоциация. И в то же время быстро крепнущие корпорации все больше грабили, надували и эксплуатировали все те более мелкие железнодорожные компании, а также смежные предприятия, которые им удавалось захватить под свой контроль. Единоличные предприниматели терпели крах один за другим. Прочтите любое относительно объективное жизнеописание Джона Д. Рокфеллера или недавно умершего Эндрю Карнеги — там сколько угодно таких фактов. «Вымораживание» конкурентов, сбивание цен, разорявшее более слабого противника, дискриминация, создание пулов для ведения тарифной войны были ходовыми приемами в этой борьбе.

Наконец в 1890 году американские избиратели, потеряв всякое терпение (если допустить, что американские избиратели на это способны), взвыли от таких порядков, и тогда в конгрессе был проведен антитрестовский закон Шермана. Простодушные обыватели того времени уже воображали, что тут и конец монополиям! Но, как мы сейчас увидим, они просчитались, полагая, что верховный суд будет толковать антитрестовский закон так, как они сами его толковали.

¹ Пул — форма объединения капиталистов для искусственного повышения рыночных цен.

Правда, был один случай,—больше он не повторялся, — когда верховный суд соизволил признать монополию монополией! То есть оказий к тому представлялось немало, только верховный суд не спешил ими воспользоваться. В данном частном случае Дж. П. Морган-старший со своими приспешниками организовал «Норсерн-секьюритиз Компани», с капиталом, достаточным для того, чтобы контролировать акции двух железных дорог: «Грейт норсерн» и «Норсерн пасифик». Цель — монополия; иначе говоря, неограниченная возможность грабить народ. Вняв, наконец, многочисленным жалобам, правительство решило возбудить против компании судебное преследование на основании нового антитрестовского закона и, представьте, добилось своего; по крайней мере обе эти дороги уже больше не фигурировали, как принадлежащие одной компании. Однако я вынужден заметить, что и в этом единственном случае закон был применен не полностью. По антитрестовскому закону Шермана монополия считается преступлением, — как это было в Англии в течение многих веков, — и карается денежным штрафом и тюрьмой. Что же, виновники этого преступления понесли установленную кару? Как бы не так! Плохо вы знаете наш верховный суд! Не забывают, что дело касалось Моргана, самого Дж. П. Моргана, особа которого в Америке священна! Подвергнуть его штрафу, засадить в тюрьму? Это никому в голову не придет, а уж нашим верховным судьям и подавно. Но если бы даже американский народ проявил в этом случае должную настойчивость (а он ее не проявил), какой-нибудь прихвостень Моргана удостоился бы чести отсидеть за своего хозяина. Такие уж у нас порядки!

Но погодите, то ли еще бывает в практике нашего суда! Примерно в это же время слушалось дело союза шапочников города Дэнбери, штат Коннектикут. Организация небольшая — человек в двести; не трест, не монополия — обыкновенный рабочий союз, желающий защищать интересы своих членов, бороться против снижения заработной платы и т. д. И тем не менее коннектикутский федеральный окружной суд не задумался подвести его под закон Шермана, как «объединение, ограничивающее свободу предпринимательства». Суд

даже приговорил эту горсточку рабочих к чудовищному штрафу в 222 000 долларов. Так-то! Рабочие союзы штрафуются, хотя закон Шермана их никак не имел в виду, зато Морган и его корпорация остаются безнаказанными, даром что закон этот именно против них и был направлен! Но стоило создать такой невиданный прецедент, и вы сами понимаете, каким это оказалось удобным средством для расправы с любыми профсоюзами. Вот уже Объединенный совет рабочих Нового Орлеана привлекается к суду по иску, предъявляемому таким нешуточным противником, как само правительство Соединенных Штатов. В то время полагали, что с профсоюзами можно будет разделаться окончательно. И надо сказать, чуть не разделились.

Короче говоря, был издан закон — антитрестовский закон Шермана, которого американские рабочие и фермеры добивались, чтобы уберечь себя от ненасытной прожорливости капиталистов, причем само наименование закона указывает точно, против кого он направлен. Однако верховный суд, истолковав закон шиворот-навыворот, обратил его против самих же рабочих. И девять диктаторов на трибуне верховного суда безмятежны и спокойны, словно ими совершен акт высшего правосудия.

И хотя закон Шермана совершенно явственно имеет в виду финансовые монополии, а отнюдь не маленькие рабочие организации численностью в сотню-другую человек, это не мешало и не мешает верховному суду утверждать, что профессиональное объединение рабочих есть сговор, ограничивающий свободу предпринимательства. И вот под давлением авторитетов верховного суда и в силу созданного его решениями прецедента наша молодежь, изучающая право, обязана считать, вкупе со своими профессорами, что закон Шермана, изданный сорок лет назад, имел целью ограничить рабочее движение. Впрочем, в известной мере оно может быть так и было, — то есть таков был его тайный смысл.

С успехом совершив эту возмутительную передержку, верховный суд охотно предоставил себя в распоряжение подлинных монополий, действительно ограничивающих свободу предпринимательства. Вот образец той логики, которую он при этом пускал в ход.

При разборе дела «Правительство Соединенных Штатов против Э. Ч. Найта» верховный суд встретился со следующими обстоятельствами. Зарегистрированная в штате Нью-Джерси «Америкен шугар Компани», возглавлявшаяся в то время магнатом Хэвмейером и контролировавшая 68% всего сахарного производства в стране (что само по себе уже делало ее монополией!), приобрела еще четыре концерна: «Э. Ч. Найт Компани», «Спреклс шугар рифайнинг Компани», «Делавар шугар хауз» и «Франклин шугар Компани», которые в совокупности производили 30% всего сахара в стране. В результате контроль над производством 98% всего сахара в стране сосредоточился в одних руках. Это ли не монополия? Еще бы! Уж верно нашим судьям пришлось покряхтеть, чтобы обстричь это дельце для Хэвмейера!—скажете вы. Но недаром верховный суд именуется «высшим трибуналом» и недаром члены его наторели в ученых рассуждениях,— он сотворил чудеса. Господин судья Фуллер, в ту пору облеченный высоким званием председателя верховного суда, объявил: «Закон Шермана касается ограничения торговли между штатами, а здесь речь идет о монополии на производство предмета жизненной необходимости». Выходит, что раз сахар — предмет жизненной необходимости, то сахарная монополия не такое уж зло; а если и зло, то все-таки трогать ее не полагается!

Пользуясь тем, что конгресс издал закон Шермана на основании предоставленных ему конституцией полномочий регулировать торговлю между штатами, верховный суд заинтересовался не тем, является или не является «Америкен шугар Компани» монополией, а тем, ведет ли она междуштатную торговлю. Если это не хитрость и не заведомое жульничество, то уж верно глупость непроходимая!

То ли снисхождение, любезно оказанное нашим верховным судилищем «Америкен шугар компани», воодушевило ее на дальнейшие подвиги, то ли она сочла, что в прошлом недостаточно энергично охотилась за прибылями,— трудно сказать, но в скором времени компания уличена была в том, что систематически обманывала государство; показывая неправильный вес, она регулярно недоплачивала акцизный сбор, чем нанесла казне

убыток .в несколько миллионов долларов. Когда это всплыло наружу, глава треста Хэвмейер уплатил правительству два миллиона долларов только во избежание скандала. Однако, чтобы положить дело под сукно, верховному суду пришлось допустить легкую, почти незаметную передержку в толковании закона Шермана. Короче говоря, отчаянные попытки простых людей Америки покончить с монополиями, объявив их и все их ухищрения противозаконными, разбились о сопротивление верховного суда. А ведь верховный суд и поныне остается единственным трибуналом, где народу положено — и даже следует! — искать защиты от произвола и необузданной тирании монополий.

Итак, антитрестовский закон Шермана был обращен против рабочих союзов: их обвинили в «ограничении свободы предпринимательства», и права их попирались свободы на основании того закона, который сами же они провели, чтобы оградить себя от произвола монополий. Тогда профсоюзы добились принятия конгрессом так называемого акта Клэйтона, гласившего: «Ни рабочие организации, ни их члены не могут почитаться участниками сговоров или объединений, ставящих себе целью ограничение свободы предпринимательства, каковые имеются в виду антитрестовскими законами». Однако это не помещало верховному суду вскоре разъяснить, что стачка Межнациональной ассоциации машинистов подпадает не под акт Клэйтона, а под закон Шермана. Словом, высшее американское судилище снова игнорировало специально принятую поправку к этому закону. А спустя год верховный суд, опять-таки ссылаясь на закон Шермана, объявил Объединенный союз горнорабочих «сговором в целях ограничения свободы предпринимательства» и приговорил его к штрафу, втрое превышавшему тот штраф, который предусматривался для лиц, виновных в создании монополий. Впрочем, Теодор Хэвмейер, как вы знаете, ни разу не приговаривался к штрафу. Мне думается, даже ему самому не удалось бы убедить верховный суд в том, что его сахарный трест — монополия (приди ему в голову такая мысль!). Во всяком случае своими решениями верховный суд показал, что считает американских избирателей олухами, которые добьются проведения закона в конгрессе,

а потом и думать о нем забудут. И тут он, пожалуй, прав!

Так, на протяжении всей своей истории верховный суд отстаивал положения, которые расчищали привилегированной кучке путь к контролю над всей промышленностью, над всей экономикой страны. Он с таким успехом противодействовал антитрестовским настроениям в стране, что за последние сорок лет почти не было случаев судебного преследования монополий, хотя оснований для этого нашлось бы сколько угодно. Ничто не мешало неуклонному росту таких грандиозных объединений, как Пенсильванская железная дорога, Нью-Йоркская Центральная, «Дженерал электрик» или же Американская телефонная и телеграфная компания, словно десятки их сделок не представляли явно подсудных дел и словно антитрестовского закона Шермана никогда и не существовало.

Братья Ван Сверинген только недавно создали свою гигантскую железнодорожную «пирамиду», состоящую из двадцати четырех железных дорог. Трудно представить себе, что два человека контролируют свыше одной десятой всей железнодорожной сети страны! И ведь речь идет не о временах железнодорожной империи Ван-дербильта и Гулда, но о том, что происходит сейчас, в 1931 году! А Миссури — Тихоокеанское объединение железных дорог, а Чикаго — Восточный Иллинойс, а Уилинг — озеро Эри и многие другие!

То обстоятельство, что законы США не защищают прав простого человека, как должны были бы защищать, никогда не вызывает не то что протеста — даже недовольства со стороны верховного суда. Напротив! В мае 1931 года наши почтенные судьи постановили, что железнодорожная компания «Атлантик кост лайн рейлрод» не отвечает за смерть стрелочника Пау, убитого семафором. Семафор стоял у самых путей, на минимальном расстоянии, какое допускается законом. Однако же человек был убит, — значит, закон не соответствовал фактическим требованиям техники безопасности! Верховный суд, не смущаясь, берет под свое покровительство и такие законы, которые являются предательскими ловушками, рассчитанными на то, чтобы лишать население его неотъемлемых прав. 23 марта

1931 года тот же верховный суд освободил железнодорожную компанию Нью-Йорк—Нью-Хартфорд от выплаты пособия вдове Эдварда Флинна, погибшего из-за халатности железнодорожного персонала. Суд сослался на истечение срока давности (два года); несчастный случай имел место 4 декабря 1923 года, и то обстоятельство, что потерпевший проболел до 1 сентября 1928 года, не заставило суд вынести свое решение в пользу вдовы и сирот.

Монополии наступают и теснят нас со всех сторон. 1 марта 1920 года верховный суд объявил, что Стальной трест США нельзя считать монополией, ограничивающей свободу предпринимательства. Факты, однако, говорят другое. Стальной трест США возник в 1901 году на правах держательской компании, объединившей двенадцать концернов, из которых каждый являлся монополистом в своей отрасли. Каждому из этих трестов принадлежат крупные рудники и металлургические заводы. До слияния все они конкурировали между собой, и это отражалось на ценах, в общем низких и неустойчивых. После же слияния цены сразу повысились и стали устойчивыми. И это не монополия, ограничивающая свободу предпринимательства? А как же еще это называть? Недаром Дж. П. Морган, основатель и глава этой корпорации, предвидя крупные прибыли, взял себе акций на сумму в 100 000 000 долларов!

Все вышесказанное и заставляет меня называть верховный суд верным подголоском корпораций и трестов. Интересы широких народных масс чужды ему, он не может, да и не хочет их понять,— что, впрочем, несколько не удивительно, если принять во внимание, кто те люди, которые восседают на его трибуне. Члены верховного суда в своем большинстве были в прошлом наемниками корпораций; их услуги щедро оплачивались, они получали огромные оклады за то, чтобы наилучшим образом устраивать дела своих хозяев. Они так долго служили корпорациям, что предались им душой и телом. Адвокат, который годами служил корпорации своего рода лощманом, помогая ей лавировать меж капканов и ловушек закона и безнаказанно расхищать общественное достояние, не может потом полностью отделить себя от тех, чьи интересы он привык защищать. Ему пору-

чают блюсти закон, его назначают судьей,— но в душе это все тот же прожженный крючоктвор. Долголетняя привычка стала его второй натурой, и ему уже не научиться думать по-новому.

Какую же роль играет верховный суд и установленный им реакционный режим в нашей экономической жизни в целом? От эпохи французской революции, которая покончила с владычеством аристократии, Америка унаследовала те идеи личной свободы, которые во многом стали для нее руководящими — живи и жить давай другим; не упускай своего, но не мешай и соседу заботиться о себе. Время, однако, внесло свои поправки, и обуявший всех дух конкуренции и стяжательства выродился в нынешнюю систему грубого захвата всего немногими, когда банки и корпорации в своем стремлении к наживе и власти безнаказанно грабят народные массы. В этом суть банкротства нашей американской капиталистической системы.

У нас, чуть ли не с первых шагов нашей истории, преклонялись перед успехом и грубой силой, презирали и обманывали слабых и беззащитных. И главную роль в этом попирании прав слабых и укреплении могущественных и сильных всегда играл верховный суд. Его решения раз за разом наносили удары нашей капиталистической системе, толкая ее к гибели. Он последовательно отвергал все законы, которые имели в виду интересы широких масс, как это было с законом об ограничении детского труда. Но одно служит нам утешением: чем более реакционной и подавляющей становится судебная власть, тем скорее достигнет своей последней черты распад одряхлевшего американского капитализма,

КОНСТИТУЦИЯ - КЛОЧОК БУМАГИ

Американскую конституцию обычно восхваляют за то, что она якобы выдержала испытание временем. Однако что же это означает на деле? Не то ли, что конституция дала широчайший простор самовластию корпораций,— чего отнюдь не имели в виду ее авторы,— что, прикрываясь ею, монополистический капитал захватил господство в стране, превратив всякие гарантии народных прав в мираж? Конечно, два миллиона колонистов, которые не имели ни одной ежедневной газеты, которые гордились своей столицей Филадельфией с ее двадцатипяти тысячным населением и пришли в такой восторг от дилижансов открытой в 1776 году почтовой линии Нью-Йорк — Филадельфия, совершавших свой рейс за двое суток, что называли их не иначе, как «летательными машинами», — конечно же, эти мирные провинциалы не могли предугадать развитие капитализма, ныне являющегося стержнем всей американской жизни. Современные правители Америки несколько не заботятся об интересах большинства, зато' они обеспечивают интересы незначительного меньшинства,— иными словами, интересы корпораций,— предоставляя им право все прибирать к рукам ради собственной выгоды.

Основной опорой капитализма является та статья конституции, в которой говорится о неприкосновенности частной собственности. Формулируя эту статью, авторы конституции исходили из свойственных Тому времени представлений о личной собственности и недвижимом имуществе. Да и кто же мог тогда предвидеть после-

дующий бурный рост промышленности, в результате которого слова «частная собственность» стали означать не только бесчисленные акции и обязательства всевозможных держательских компаний, трестов и корпораций, но по существу и сами эти тресты и корпорации в целом. А ведь именно такова природа большинства современных крупных состояний, дающих неограниченную власть тем, кто ими владеет. Недавно умерший Джордж Ф. Бейкер, председатель правления «Ферст нэйшнл бэнк» в Нью-Йорке, оставил своим наследникам сотни миллионов долларов в виде десятков тысяч акций и обязательств железнодорожных, банковских и всяких других компаний.

Времена меняются, и наши финансисты и заправила банков и корпораций, все больше и больше входя во вкус власти и неограниченного влияния, не только в корне пресекали всякие попытки естественного и необходимого расширения прав народа, но и ограничивали и постепенно сводили на-нет те права, которые были предусмотрены конституцией полтора века назад. Формула «власть народа и для народа» отнюдь не соответствовала их желаниям и интересам, и они не щадили усилий, чтобы лишить ее реального содержания.

Все полтораста лет после принятия конституции наши промышленники, словно сговорившись (чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть книгу Густава Майерса «Американские миллионеры»), пользовались любыми доступными им средствами — будь то деньги, связи или давление на правительство, чтобы лишать рядового американца то одной, то другой из его конституционных свобод. Вполне естественно, что кое-какие второстепенные установления прежних времен, неприменимые в условиях развитой промышленности, как бы перестали существовать. Они потеряли смысл. Я также учитываю тот факт, что создатели американской конституции, крупные землевладельцы, отнюдь не склонны были наделять властью широкие массы, ибо народу и тогда уже не доверяли. И все же в широком значении я прав, утверждая, что американская конституция была на первых порах демократична по существу.

Если вы в этом сомневаетесь, давайте рассмотрим фактическое положение американского гражданина И

сопоставим те права, которые в свое время были для него предусмотрены конституцией, с теми, которыми он пользуется ныне с соизволения корпораций, контролирующих то самое правительство, которому надлежит блюсти основной закон страны. Картина, я думаю, складывается достаточно убедительная, чтобы подкрепить мое мнение.

Начнем с того, что все новое в области культуры и науки, все способное рассеять привычные косные представления и освободить ум от оков, преследуется и подавляется. Свобода слова, свобода печати? Наше радио, школа, колледжи, церковь? Достаточно осмотреться кругом, чтобы понять, что произошло и продолжает происходить у нас в Америке. В главе «Банки и корпорации — наше фактическое правительство» я уже говорил о пропаганде преимуществ частного предпринимательства перед государственным, о захвате, подкупе, о вмешательстве в деятельность школ, колледжей, газет, о вторжении в редакционные кабинеты. Попробуйте заглянуть в любое учебное заведение, в радиоконцерт, в редакцию газеты, на кинофабрику, в библиотеку, в любое учреждение, служащее источником информации, занимающееся ее распространением или обработкой для масс, — и вы увидите, что всюду и всем правят деньги, это орудие современной олигархии, цель которой — возвышение немногих за счет порабощения огромного большинства; деньги решают, что, когда, где и как должно быть сказано к вящей пользе и славе капитала. А ведь по букве американской конституции¹ всем гражданам обеспечивается доступ ко всем источникам знания.

В самом деле, обратимся к фактам. На-днях Питтсбургский студенческий либеральный клуб, которому было запрещено устроить собрание на территории университета, собрался в другом месте, чтобы заслушать доклад профессора Гарри Элмера Барнса из Смит-колледжа о деле Муни и Биллингса¹. За это преподаватель филосо-

¹ Муни и Биллингс — руководители рабочего движения в Калифорнии; в 1916 году были приговорены один к смертной казни, а другой — к пожизненному заключению по заведомо ложному обвинению в террористическом акте против милитаристической демонстрации. Дело вызвало широкий протест рабочих во всем мире, в результате чего смертная казнь была заменена для Муни пожизненным заключением.

фии Фред Уолтман и два студента были исключены из университета. Итак, случай возмутительной расправы с представителями рабочего движения, заклеянный как юристами, так и всей нацией, не подлежит обсуждению в американском колледже. Но по чьему желанию или приказу?

В марте 1929 года преподаватели психологии и социологии Миссурийского университета роздали студентам анкету по вопросам, касающимся половой жизни; это послужило поводом к тому, что профессора Макса Ф. Мейера, одного из старейших преподавателей университета, временно отстранили от чтения лекций, а два научных сотрудника были уволены. А между тем эта анкета не вызвала никаких возражений ни со стороны таких же специалистов в других колледжах, ни со стороны Американской ассоциации университетских профессоров. Чем же объясняются столь суровые меры? Ответ на этот вопрос я услышал из уст других преподавателей. Университет подчинен совету попечителей. Эти не весьма образованные, но весьма нравственные (на словах) обыватели, принадлежащие к состоятельным и интеллигентским кругам, выслуживаются перед властями штата и богачами в чаянии субсидий и пожертвований; а посему не только сами стремятся им угождать, но и всячески заботятся, чтобы университетские порядки во всех отношениях (в том числе и в нравственном) соответствовали местным, а по их мнению, и общепринятым представлениям о том, чем следует и чем не следует заниматься в американском университете. Отсюда и вышеозначенные репрессии — вполне в духе наших корпораций, полагающих, что чем меньше знаний, тем лучше (еще по финансам и технике куда ни шло, но от социологии и политики — упаси боже!).

На все эти попытки диктовать профессору, чему он должен обучать своих студентов, у меня есть только один ответ: дело писателя — писать, юриста — толковать закон, а учителя — учить согласно велениям собственной совести.

Едва ли не самой (пока что) наглой и коварной вылазкой против свободы слова и естественно вытекающей из нее свободы печати было так называемое дело о Миннесотском «законе-кляпе». Объектом кампании (за-

кончившейся поражением в верховном суде США 1 июня 1931 г., после двухлетней ожесточенной борьбы) послужила еженедельная газета «Сатэрдей пресс», выходившая в Миннеаполисе. В сентябре 1927 г. газета выступила с разоблачением небезызвестного в городе гангстера Барнетта, содержателя публичных домов и игорных притонов, причем в неблагоприятных поступках были уличены также местный начальник полиции Брэнс-килл, которого газета обвиняла во взяточничестве, некий Дэвис из Лиги охраны закона и мэр города Миннеаполиса — Лич.

Думаю, что газета говорила правду, — недаром после первой же разоблачительной заметки гангстеры подстрекали — правда, не убили — одного из ее издателей, Х. А. Гилфорда. Так или иначе, в действующем законодательстве штата немедленно отыскивали постановление против преднамеренной клеветы и диффамации¹, позволявшее закрыть неугодную властям газету. Откуда взялось это постановление, так и не выяснено, но цель и смысл его очевидны. Нажав на все пружины в полиции и суде, названные газетой лица добились того, что, используя это постановление, газету прихлопнули, после чего, как водится, гангстеры сделали попытку подкупить издателей, предложив им долю в своих преступных доходах. Газета, однако, должна была остаться под запретом. В течение трех лет дело переходило из одного суда в другой, пока, наконец, пройдя все инстанции, не попало в верховный суд США, где пятью голосами против четырех (заметьте это соотношение) закрытие газеты было признано незаконным. Характерно, что все судебные инстанции штата поддержали «закон-кляп», да и в верховном суде, как мы видим, дело едва не кончилось тем же. А ведь в конституции черным по белому сказано, что никакие посягательства на свободу печати недопустимы.

Американскому правительству дано право запрещать тому или другому частному лицу, фирме или печатному органу пользоваться услугами почты. Это делается на основании законов против безнравственности и против

¹ Д и ф ф а м а ц и я — опубликование в печати сведений, порочащих честь какого-либо лица или учреждения.

подстрекательства к мятежу. Но что тут получается на деле? Нетрудно представить! Стоит только влиятельному церковнику или трестовскому воротиле усмотреть в чем-нибудь политику, или критику корпораций, или подрыв общественных устоев, как тотчас же отдается соответственное распоряжение, и двери почты для вас закрыты. А там пошли расследования, допросы и т. п.— одним словом, завертелись колеса министерства юстиции. А уж если речь идет о коммунизме... Не важно, что широко изучение и обсуждение этой новой экономической теории ни в коей мере не противоречит конституции,— попробуйте-ка прибегнуть для этого к услугам почты! Только недавно был изъят из обращения ряд изданий, посвященных этой экономической теории, а много ли мы слышали голосов протеста? Все молчали, кроме коммунистов! Но и рабочему движению, когда оно выступает против корпораций, приходится не лучше. Приведу здесь два случая. Брошюра «Прекратите провокацию в Гастонии!» о судебной расправе с бастовавшими в Гастонии текстильщиками была запрещена к пересылке по почте на том основании, что в ней затронута честь штата Северная Каролина. А между тем с брошюры «Правосудие в калифорнийском духе», по заключению нью-йоркского апелляционного суда (от марта 1930 г.), был снят запрет на том основании, что закон о диффамации не предусматривает случая, когда оскорбленной стороной явился бы штат. Поскольку клевета есть правонарушение в области частного гражданского обихода и поскольку ущерб наносится отдельному лицу, я во втором решении вижу куда больше смысла. Но все это только цветочки, ягодки впереди! Если газета один раз напечатала нежелательный материал, то даже в условиях мирного времени министр почты может запретить почтовую рассылку всех ее последующих номеров. Так постановил верховный суд США. А разве министр почты колдун или ясновидец, что берется судить о содержании невышедших номеров газеты? Или это для него просто способ заранее избавить себя от хлопот?

Но как ни возмутителен произвол правительственных чиновников, его не сравнить с той борьбой против конституционных гарантий свободы слова, которую повсе-

дневно ведут корпорации. Что может быть страшнее цензуры в радиовещании, и где найдешь на нее управу? Компании, заинтересованные в сбыте радиоприемников, делают ставку на любителей дешевого зубоскальства, недоумков, которых ничто не интересует, а поэтому готовы из года в год заключать контракты с комиками-эксцентриками «Амос и Энди» или с какой-нибудь *madame Distinguee*, снабжающей своих радиослушателей полезными сведениями о том, что больше к лицу зеленоглазым брюнеткам, голубоглазым шатенкам и черноглазым блондинкам. Но попробуйте предложить что-нибудь посерьезнее!

Теперь обратимся к положению негров и посмотрим, какие права дала конституция неграм и к чему все свелось на деле? Резюмирую положение вкратце: хотя по конституции негры у нас свободны и пользуются правом голоса (а ныне не только они, но и их жены и дочери) — в десяти штатах из сорока восьми они этого права фактически лишены, что является вопиющим беззаконием. Далее. В тридцати штатах действует закон, воспрещающий брак между черными и белыми, а в семнадцати штатах — закон, воспрещающий черным учиться в одной школе и ездить в одном вагоне с белыми; и высшие судебные органы поддерживают эти законы, не усматривая в них противоречия с теми поправками к конституции, которые дали неграм свободу и право голоса. Однако разве не записано в конституции, что «перечисление определенных прав не исключает других прав, естественно принадлежащих народу»? Полагаю, что по конституции негры вправе жениться на ком хотят и разъезжать в любом вагоне. Почему? Да просто потому, что, даровав им права гражданства, конституция гарантирует им и все прочие права. А ссылка на 14-ю поправку к конституции, в силу которой всякий штат может вводить у себя такого рода фантастические постановления, если только они равно «охраняют» всех, является чистойшей передержкой, ибо все негры — это еще не весь народ.

Кому, кроме негров, поручается у нас такая работа, как чистка канализационных труб, ремонт раскаленных доменных печей, кто еще по целым ночам обливается потом в отравленной газами атмосфере рекуператоров

на сталелитейных заводах? А легко ли негру устроиться на работу иного типа? На металлургическом заводе в Спарроус-Пойнт, штат Мэриленд, неграм платят от 25 до 30 центов за двенадцатичасовой рабочий день. На предприятиях Аллеганской сталелитейной компании в окрестностях Питтсбурга они вынуждены работать по четырнадцать часов в день. А при малейшей попытке протеста все их конституционные права летят к черту. Кого увольняют в первую очередь? Конечно, негров! И уволенному негру остается одно — уехать в деревню и арендовать клочок земли у местного землевладельца, — но при этом он попадает в такую кабалу, которая граничит с полным порабощением. Наши земельные собственники присвоили себе все права рабовладельцев, а о борьбе с ними неграм нечего и помышлять, так как тут действует круговая порука. (Нам еще придется встретиться с этим в главе «Ущемление личности».) Хотя по условию снятый на арендованном участке урожай должен делиться пополам между арендатором и хозяином земли, последний захватывает себе львиную долю, поскольку он сам сбывает продукты и получает за них деньги. Попробуй только негр возразить, и помещик не задумается арестовать его и засудить, хотя бы за неуплату долга, — забитый, неграмотный негр все равно не сумеет отвести обвинения. Бывает и так, что негра линчуют или просто пристреливают без хлопот и шума — благо в условиях местного судопроизводства такой случай рассматривается как «убийство при оправдывающих обстоятельствах».

В 1919 году негры-издольщики в восточной части Арканзаса, добиваясь справедливых цен на хлопок, повели организованную борьбу. Однако не успели негры собраться на митинг, на что конституция дает им полное право, как клеветы местных землевладельцев открыли по ним стрельбу. Вызванный помещиками отряд местной милиции довершил расправу, и несколько десятков издольщиков-негров было убито. А когда дело было передано в суд, арканзасские власти нашли способ добиться неблагоприятных для негров свидетельских показаний. Свидетеля-негра сажали на электрический стул и пытали до тех пор, пока несчастный не признавался во всем, чего от него требовали.

Однако надругательства над правами рядового американца — будь то черный или белый — далеко не исчерпываются перечисленными здесь типическими случаями. Любое должностное лицо, прийдя к власти всеми правдами и неправдами (преимущественно неправдами, ибо все мы знаем, как проходят у нас выборы, вопреки самым честным намерениям рядового избирателя), не только начинает толковать закон вкривь и вкось — в своих собственных интересах или в интересах какой-нибудь корпорации, — но и наделяет властью угодных ему лиц, хотя это не предусмотрено ни конституцией, ни наказами избирателей. Причем все эти самоуправства и злоупотребления обычно идут на пользу корпорациям и во вред широкой публике. Так, власти отдельных штатов или же само федеральное правительство, пользуясь своим правом раздачи всяких концессий и привилегий, разрешают промышленным корпорациям строить поселки или целые города и вводить там свои особые правила и распоряжки, независимо от местного законодательства. А корпорации, наделенной такой широкой властью, разрешается не подчиняться требованиям штата не только в вопросах организации полицейской службы, но и в других. Итак, выборные или назначенные правительственные чиновники, действуя вопреки конституции, ставят по существу корпорации выше законных властей, давая им право (само собой разумеется, за известную мзду) вплоть до мелочей регулировать жизнь тех, кто на них работает. В этих созданных ею и словно стоящих вне закона селениях или городах корпорация всевластна: она может указывать жителям, какие газеты им читать и каких не читать, в каких лавках забирать провизию, сколько платить за квартиру, каким умственным или общественным занятиям посвящать свой досуг и т. д.

Там, где на сцену выступают американские корпорации с их самовольно присвоенными правами и привилегиями, с Данной им властью притеснять, разорять, угнетать и даже обращать в рабство (вспомните труд кандалников на Юге, да и не только на Юге) или бросать в тюрьму и всякими другими путями сживать со свету людей, которые, как Том Муни, пытаются протестовать, бороться против произвола и беззакония, — там наша

конституция со всеми гарантированными ею свободами немногого стоит. В суд (в тех случаях, когда дело касается корпораций и их интересов) частному лицу бесполезно обращаться: его не то что защищать — и слушать не станут. Позвольте мне по этому поводу процитировать весьма характерное заявление одного капиталиста: «Для меня достаточно того, что это человек с предосудительным прошлым; выпустить такого субъекта на волю — значит позволить ему тут же приняться за старое». Я мог бы привести здесь не десятки, а сотни случаев, подтверждающих мои слова.

Федеральный закон об ограничении детского труда запрещает перевозку из штата в штат продуктов детского труда. Закон этот был принят конгрессом на основании его конституционных полномочий, а также в связи с присвоенной ему обязанностью регулировать торговлю между штатами. Существует мнение, что закон этот имел в виду охрану здоровья детей. Но мероприятия такого порядка связаны с организацией полицейской службы, а организация полицейской службы, по конституции, предоставлена штатам.

Решением верховного суда (при соотношении голосов пять против четырех) закон об ограничении детского труда был признан противоречащим конституции. Такое решение в данном случае явно соответствовало интересам капиталистов: оно развязывало им руки и позволяло нанимать сотни тысяч детей буквально за гроши.

Во многих южных штатах, как Флорида или Алабама, существует закон, по которому рабочий не может покинуть хозяина, если задолжал ему. Рабочего здесь заставляют подписывать разные долговые обязательства, и бывает, что он так и работает на одном месте до самой смерти за грошовую заработную плату.

В этих же штатах люди, арестованные за мелкие провинности, становятся жертвами особой системы принудительной вербовки, существование которой противоречит самому духу американской конституции. Старый способ, когда вербовщик, подпоив доверчивого матроса, отправлял его в плавание на положении неоплачиваемого раба, — этот способ должен показаться еще деликатным по сравнению с той системой, с которой сегодня приходится сталкиваться безработному на Западе и на

Юге. Достаточно ему попасться на глаза властям при переходе из одного района в другой в поисках работы, чтобы его схватили и заперли в тюрьму, как бродягу; а там с целой партией таких же, как он, арестантов его отдают внаймы какому-нибудь подрядчику, который на этом наживается. Порядки эти описаны мною в главе «Ущемление личности».

Беда в том, что жертвами всех этих беззаконий, широко распространенных в США, становятся главным образом люди, беспомощные в силу своей неорганизованности и неосведомленности. Я пытался показать, что в нашем весьма (сложно устроенном государстве, во главе которого стоит правительство, контролируемое частными интересами, первоисточником таких беззаконий являются всевластные корпорации, — либо их непосредственная деятельность, либо разлагающее влияние их методов, получивших уже широкую известность. Ибо естественно, что в стране, где частные интересы давят на правительство и где корпорации настолько сильны, что могут пренебрегать законами, в такой стране неизбежно ущемление прав личности. Кто отважится спросить с обидчика или пожаловаться на него? В самом деле, давно ли Америка была типичным рабовладельческим государством? И разве грубые и бесцеремонные повадки наших корпораций и наших финансистов не должны были еще больше укрепить это неуважение к личности? А если вспомнить, что на Юге еще немало найдется людей, которые до сих пор не примирились с освобождением рабов, то удивляться вовсе нечему. Ибо наши корпорации, добиваясь богатства для себя и нищеты для всех других, стремятся к полному порабощению народа. А для этого они ведут нещадную и систематическую борьбу со всякими попытками реформ в стране, причем всегда вопреки конституции и при полной поддержке высших судебных органов.

Опираясь на «подверженное влияниям» правительство, корпорации, с одной стороны, не стесняются злоупотреблять конституционными правами, когда им нужно оправдать свои неблагоприятные действия, а с другой — при любом трудовом конфликте начисто отвергают эти права в ущерб рабочему, заставляя «маленького человека» вдвойне расплачиваться за то, что он «малень-

кий». Непризнание за трудящимися элементарных прав, закрепленных в конституции, прежде всего ведет к чудовищным притеснениям рабочих.

Какие бы непосильные тяготы не возлагались на рабочего, бороться с ними он не может. Сошлюсь на официальные данные о числе арестов среди рабочих за 1930 год. Во время забастовок арестовано 1037 человек; на демонстрациях безработных — 1598; во время митингов — 644; за распространение листовок — 962; при различных обстоятельствах — 1598. Итого — 5935 человек! И это в стране, где забастовки не запрещаются законом и где свобода собраний и печати, а также право обращения с жалобами к правительству освящены конституцией.

Примером того, как американский суд помогает корпорациям бороться с рабочим движением, является существующая у нас практика судебных запретов. Особые судебные постановления запрещают профсоюзным лидерам вербовать новых членов в свои организации, призывать к стачке и, что особенно важно, оказывать материальную помощь. Совершенно очевидно, что эти запреты способствуют срыву стачки. Более того, бывали случаи, когда запрещались судебные разбирательства по искам рабочих! Так что же, скажете вы, неужели двери американского суда закрыты для горемычного труженика? Неужели там не защищают его конституционных прав? Да, именно так! Иначе, почему у нас сейчас, во время ужасающей безработицы, запрещены митинги и демонстрации, несмотря на предусмотренную конституцией свободу собраний, запрещено распространение газет и листовок? У рабочих отняли ценнейшее их достоинство — свободу печати, в котором они особенно, кровно заинтересованы в отличие от корпораций. Любой американский судья в наши дни имеет — или во всяком случае присваивает себе — право издавать такого рода запреты, мотивируя их то опасностью для чьей-то жизни или имущества, то угрозой общественному спокойствию, то нарушением антитрестовского закона Шермана (хотя этот закон направлен против монополий, стесняющих свободу торговли, а не против рабочих организаций). Иными словами, для богатых и власть имущих американская конституция — не более чем клочок бумаги; но

ведь для бедняков и обездоленных это не так! А между тем суд на откупе у корпораций, вся страна — достояние корпораций! Наши судьи не только устанавливают свои порядки во имя защиты собственности от несуществующей угрозы (что является прямым нарушением конституции), — они полны лицемерия и пристрастия. Казалось бы, прежде чем издавать по указке корпораций свои ограничительные постановления (которые обычно вступают в силу задолго до разрешения конфликта), суд должен хотя бы выслушать рабочих. Но на деле американский рабочий лишен возможности высказать свое мнение перед судьей. Последнего в таких случаях очень мало интересует точка зрения рабочего. И «маленький человек» должен все терпеть. Борьба с практикой судебных запретов не удастся даже через конгресс. А если бы и удалось, наши могущественные корпорации нашли бы юридическую лазейку для обхода любого закона. Вы скажете, это один из неизбежных пороков капиталистической системы? Согласен! Так что же нам остается делать? Об этом мы еще поговорим.

Но это далеко не все. Наши корпорации и наше правительство готовы пойти на гнуснейший подвох, на самый грязный обман, чтобы расправиться с любым проявлением политической мысли, — если только оно не носит откровенно реакционный характер, — и это вопреки записанной в конституции свободе слова, собраний, печати и распространения печатных изданий. Так, изданный во время войны и в связи с военным положением национальный закон о шпионаже, карающий также за призыв к мятежу, недавно опять извлекли из-под спуда (уже десять лет как о нем и думать забыли), И для чего же? Для того, чтобы запретить рассылку по почте таких коммунистических изданий, как «Революционный век», «Молодой рабочий», «Юный пионер», «Vida obrera»¹, «Рабочий спортивный ежемесячник».

Совершенно ясно, что наше правительство преследует всякую прогрессивную мысль в стране, всех тех, кто не мирится с реакцией, иначе говоря — коммунистов. Ведь даже во время войны, когда действовал закон о шпионаже, под призывом к мятежу понималось лишь прямое

¹ «Рабочая жизнь» (испанск.).

и открытое подстрекательство к насилию. Между тем ни одно из перечисленных изданий призывов к насилию не содержит. Короче говоря, как только дело коснулось коммунистических изданий, свобода печати рассеялась, как дым. И это после того, как целые поколения могли невозбранно защищать в прессе такие акты, как убийство английских королей, — лишь бы только не имелось в виду конкретное лицо, например ныне правящий король Георг. Единственное, в чем в сущности повинна американская коммунистическая печать, это в употреблении таких слов, как «борьба», «боевой», «революция» или «война»; но ведь и в обиходной речи и согласно толковому словарю Вебстера слово «борьба» означает всякую борьбу, «война» — войну вообще, а «революция» — полную перемену. Это первые, основные значения данных слов, и именно в таком смысле они воспринимаются слушателями.

Ну, а как обстоит дело с пропагандой насилия против таких многочисленных общественных групп, как коммунисты, профсоюзные деятели, забастовщики или негры, — пропагандой, в которой всячески изощряется у нас реакция? А линчевание, а разгон забастовщиков пулеметными очередями и тому подобное? Этого не воспрещает никакой закон, не делается даже никаких попыток умерить подобные бесчинства! Но вернемся к нашей прежней теме. Под призывом к мятежу ныне разумеют всякое выражение недовольства правительством. В Америке существует вполне официальная точка зрения (произвольная или законная — вопрос особый), что народ, который наделяет властью своих избранников, в сущности лишь передоверяя им свою власть, не вправе потом выражать недовольство той или другой стороной их государственной деятельности. Каков бы ни был характер этой деятельности, он обязан видеть в ней высшее выражение мудрости, законности, справедливости — иначе беда ему! И в наши дни так называемый «призыв к мятежу», даже если он не связан ни с какими конкретными действиями и определяется лишь как «слова с уклоном к измене» (самая туманность этого определения невыгодно отличает его от любого осмысленного закона уголовного кодекса), рассматривается как преступление, наказуемое долгосрочным тюремным заклю-

чением. А ведь если толковать понятие «призыв к мятежу» не в прямом, установленном значении — как высказывания, содержащего прямую и явную угрозу правительству США, — то закон этот сводится к противозаконному лишению определенной группы людей их неотъемлемых конституционных прав, которое совершается по наущению их врагов и влечет за собой все злоупотребления, неминуемо сопутствующие подобным актам произвола. Именно это и происходит теперь в Америке.

Законы о подстрекательстве к мятежу, действующие в отдельных штатах, подвергаются еще более произвольным толкованиям, чем федеральный закон о шпионаже. В штате Пенсильвания есть городок Вудлоун, где хозяйничает сталелитейная компания Джонса и Лафлина (из 2928 живущих в нем семейств 2528 так или иначе связаны с заводом этой компании, платящей своим рабочим от 40 до 50 центов в час при двенадцатичасовом рабочем дне). Недавно там были приговорены к пяти годам заключения в исправительном доме три коммуниста за хранение у себя коммунистической литературы — не оружия и не боеприпасов! — и за довольно безуспешные попытки организовать коммунистическую группу. На суде они заявили, что не только не собирались свергать правительство США, но даже никогда не считали это теоретически необходимым. Они и не пытались поднять вооруженное восстание и не призывали к нему; но их обвиняли в каких-то неосторожных высказываниях.

Законы, сходные с пенсильванским законом о подстрекательстве к мятежу, ввели у себя после 1917 года тридцать три штата. Уму непостижимо! Вот, например, свирепствующий в Калифорнии закон о преступном синдикализме, направленный против профсоюзов, — другие не уступают ему, — стоил свободы многим рабочим этого края, где люди не равны и не свободны не только перед лицом закона, но и во всех других отношениях. Шестеро пострадавших таким образом рабочих были осуждены по трем статьям: 1) за принадлежность к коммунистической партии (политические взгляды — преступление, не угодно ли?!); 2) за пропаганду насилия устно и в печати; 3) за участие в заговоре с целью ведения такой пропаганды. Третий пункт ничего не прибавляет к пер-

вому: это обычный юридический трюк, для того чтобы удлинить срок наказания. Материалом для обвинения служила найденная при обыске коммунистическая литература, а также свидетельские показания о том, будто бы обвиняемые говорили, что в случае забастовки рабочие прибегнут к массовому пикетированию и насилию: забастовщики, мол, будут иметь при себе пустые бутылки. Характерно, что свидетелями оказались шпики — из тех, что засылаются с провокационными целями в рабочие организации. На суде они признали, что сами побуждали рабочих драться бутылками, а когда защита обратилась к ним с вопросом: «Говорили вы или не говорили таким-то, что вам вменено в обязанность провоцировать коммунистов и что вы подтасовывали улики, чтобы добиться обвинения?» — свидетели пришли в замешательство и только после бурных протестов прокурора отвечали: «Нет». И хотя примерно так велся весь процесс, суд приговорил всех шестерых к заключению на сроки от трех до сорока двух лет, — а это означает, что тюремщикам дана полная возможность сгноить их за решеткой! И лишь за то, что, будучи коммунистами, они хранили у себя коммунистическую литературу.

Но ведь в Америке, если верить ее конституции, нельзя преследовать людей за убеждения. Суровые репрессии против людей, отстаивающих свои конституционные права, сугубо американская система ссылки недовольных — это порождение нового времени, ознаменованного ростом, самоутверждением и самообожествлением власти доллара, грубость, жестокость и истинно нероновский деспотизм которой ни с чем нельзя сравнить. В особенности же теперь, когда на Востоке победила новая, более справедливая экономическая система, капитал, страшаясь за свою власть, готов еще усилить все те беззакония, о которых мы здесь говорили. Он жаждет сокрушить, изгнать из страны недовольных, вычеркнуть из памяти американцев идею равенства, растоптать конституцию, словно клочок бумаги, каким она давно уже стала,

РОСТ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ВЛАСТИ

Помню, в 1907 году один адвокат, связанный с Уолл-стритом, заметил мне, что корпорации должны изыскать способ усиления в Америке полицейской власти на пользу себе и, следовательно, во вред рабочим. Мои наблюдения приводят меня к выводу, что это и было сделано, причем с обычной для капиталистов изобретательностью.

Усиление полицейской власти идет по трем линиям: развитие системы частного сыска; увеличение полицейских сил штатов; официальное разрешение корпорациям содержать собственную полицию, ими оплачиваемую и им подчиняющуюся.

Первым сыщиком, сумевшим учесть и использовать те перспективы, которые открываются перед шпииком на предприятии, был Пинкертон; его агенты начали заниматься промышленным шпионажем еще во времена «Ордена Рыцарей Труда». После него сыскные агентства подобного типа стали возникать сотнями. Уже одно это наглядно показывает, какое распространение получила сама идея промышленного шпионажа. Найдены и пути для узаконения таких агентств, — в этом деле капиталисты сами себе хозяева. Частные сыщики и сыскные бюро получают разрешение на свою деятельность на основании действующих в штате законов, постановлений суда или решений другого правительственного учреждения. Это, разумеется, результат деятельности профессиональных политиков и их методов. В штате Висконсин не так давно закон о разрешении деятельности частным сыскным

агентствам был признан не противоречащим конституции. Подоплека во всем этом чисто политическая.

Частный сыск имеет, разумеется, одну цель: раздобывать путем тайной слежки материал для возбуждения гражданского или уголовного дела. Факты показывают, что агенты чаще всего сами фабрикуют такой материал, при помощи самых противозаконных закулисных махинаций. А поскольку действуют они тайно, то и приемы их остаются скрытыми от глаз. Некто Коуч, частный сыщик из Кливленда, сказал как-то, что промышленный шпионаж — более доходная статья для сыщика, чем расследование преступлений. Агенты в обличье рядовых рабочих, членов профсоюзов, шпионят в интересах предпринимателей и оказывают немалое влияние на профсоюзную политику; такие агенты были разоблачены в штатах Новой Англии, в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании, Огайо, Иллинойсе, Колорадо, Миннесоте и Калифорнии. Но, конечно, попадаются единицы; большинство ускользает от разоблачения.

Пинкертоновское начинание имело такой успех у капиталистов, что сейчас «Национальное сыскное агентство Пинкертона» насчитывает уже 35 отделений; агентство Уильяма Бервса — тоже 35 отделений; и это единственные крупные предприятия в данной области. Нью-йоркская фирма «Бр. Бертофф и Уоделл» хвастает, что в три дня может мобилизовать десять тысяч штрейкбрехеров (вот уж действительно заслуга!); «Компания содействия корпорациям» и фирма «Болдуин фелтс» поставляют хозяевам пулеметы для борьбы с профессиональными союзами. Если вы сомневаетесь в том, что корпорации не задумываются применять пулеметы против рабочих, — почитайте сообщения о любой крупной промышленной стачке. В борьбе против горняков, бастующих сейчас в штатах Среднего Востока США, пулеметы играют далеко не последнюю роль. Особенно дурной славой в этом смысле пользуется «Детективное бюро Тиля», хотя, впрочем, «Бюро Шермана» тоже широко рекламирует свои заботы о «гармонии в промышленности». Можно еще назвать «Национальное агентство Гортон», «Национальное сыскное агентство Дэна», фирму «Шиндлер Инкорпорэйтед», «Интернэйшнл окзилиери Компани», «Индастриал сервис Компани» и нью-йоркскую «Фостер

сервис Компани», гарантирующие корпорациям контроль над профсоюзами. Поистине неоценимое подспорье для «урегулирования» рабочего вопроса!

Кишмя кишат шпионами железные дороги, металлургические, текстильные и, надо думать, многие другие предприятия. Для руководства их деятельностью сами корпорации завели у себя специальные отделы секретной службы и поставили все на широкую деловую ногу. Именно так обстоит дело на железных дорогах, на предприятиях «Юнайтед Стейтс стал», «Вестерн юнион» и др. Предприниматели через такие свои органы, как «Национальная ассоциация строительных фирм», «Национальная ассоциация промышленников», «Национальная ассоциация владельцев литейных заводов» и т. п., управляют системой промышленного шпионажа. А что представляет собой эта система в действии? Методы сыщиков разнообразны. Часто, например, они сами или их подручные провоцируют беспорядки, за которые арестуют неповинных. Короче говоря, они делают все, чтобы ущемить права рабочих организаций, скомпрометировать их и подорвать их силу. Уже упоминавшийся Коуч из Кливленда похвалялся, что держит в руках все профсоюзные организации своего города. Очевидно, он имел в виду тех профсоюзных бюрократов, которые так часто играют предательскую роль. Нередко и под маской профсоюзных работников скрываются сыщики. Для успешного осуществления своих планов Коуч даже купил профсоюзную газету «Колумбус лейбор ньюс» и сам был ее редактором.

Записки Чарльза Сиринго, двадцать два года состоявшего агентом одного из пинкертоновских бюро, дают представление о том, до чего доходил размах этой деятельности по обслуживанию корпораций. Он рассказывает, как агентство Пинкертона помогло «отрегулировать» состав присяжных во время процесса «Колорадо фьюел энд айрон Компани». Говорит он и о том, что все шерифы, и судебные чиновники Южного Колорадо были фактически на жалованье у корпорации. (Рокфеллер там так же полновластен, как и во многих других местах.)

Другая огромная организация, созданная в значительной мере для того, чтобы способствовать эксплуата-

нии рабочих, — это полицейские силы штатов. Достаточно вспомнить недавние события в западной части Пенсильвании, где полиция, которой штат платит жалование за то, чтобы она поддерживала порядок на предприятиях во время стачки, не позволяя ни администрации, ни забастовщикам нарушать его, фактически превратилась в послушное орудие корпорации, и полицейские относились к бастующим рабочим так, как относятся солдаты к неприятельской армии. Я сам тому очевидец. Казалось, полицейские сознательно стремились оскорблениями и угрозами вызвать полуголодного шахтера-забастовщика на какую-нибудь резкость, чтобы иметь повод арестовать, избить, а в иных случаях даже застрелить его.

Беззакония и насилия, чинимые полицией над промышленными рабочими по наущению корпораций, чье богатство и мощь обеспечивают им полную свободу действий, — факт, засвидетельствованный в официальных отчетах о многих расследованиях, проводившихся и федеральными властями и властями отдельных штатов. Но кто о них знает, об этих официальных расследованиях? Кому известны их данные? Кроме жертв событий — почти никому! В Америке, где основное житейское правило — своя рубашка к телу ближе, читатели газет большей частью равнодушны ко всем этим бесчинствам, а тем, кто проявляет какой-то слабый интерес, отводят глаза двусмысленными намеками или намеренным замалчиванием особо важных фактов. Другими словами, заправилы наших корпораций умеют внушить редакторам и издателям, а через них и читателям «правильный» взгляд на вещи, — с точки зрения промышленных магнатов, конечно! И я убежден, что в глазах большинства американцев полицейские — это симпатичные люди, ведущие неустанную борьбу с злонамеренными, антипатриотически (и, вероятно, анархически) настроенными элементами, чей тайный умысел — подорвать порядок, царящий в этой счастливой и благополучной стране! Разумеется, те, кто так думает, просто ничего не знают о настоящем положении вещей, потому что факты предстают перед ними оглаженными и отлакированными умелой рукой. И, однако, протест то и дело возникает в той или иной форме. Он является частью борьбы рабо-

чих против корпораций, их финансовых руководителей и банков. В Колорадо, например, профсоюзы выступили против полиции штата и добились ее упразднения. Надеюсь, что так будет и в других штатах, и вот почему.

Полиция штата действует в интересах корпораций и является участницей творимых ими беззаконий, независимо от того, что думают о правах рабочего класса отдельные полицейские. Корпорации (в лице управляющих предприятиями, да и непосредственных хозяев, капиталистов) всячески ублажают полицию, чтобы заручиться ее помощью. Вся «полиция железа и угля» состоит фактически из наемников корпораций; чины этой полиции нередко получают свое жалованье непосредственно от корпораций и, по их приказу, всегда готовы жестоко избивать рабочих. Это факт, не подлежащий сомнению. В ряды полиции теперь очень легко принимается всякий, кого только предприниматели подыщут и завербуют в своих целях; зачастую это люди, для которых не существует ни закона, ни морали; а если попадутся среди полицейских такие, кому не по душе жестокости и бесчинства, предприниматели умеют найти к ним подход. Взять хотя бы пример Стюйвезанта Пибоди из «Пибоди коул Компани», выделившего недавно особый фонд в 50 000 долларов на устройство спортивных состязаний, обедов и танцевальных вечеринок для «стражей порядка», на выдачу им медалей и т. п. Возьмите любого полицейского — так сказать, слугу общества, — нацепите ему на грудь медаль, устройте в его честь пышный банкет — и вы можете быть спокойны, что он будет служить вам, да еще не церемонясь с другими там, где это потребуется. А происходит все это потому, что массы совершенно не осведомлены относительно законов организованного общества и своей роли в нем.

Но еще отвратительнее то, что при малейшем признаке волнений в каком-либо центре железорудной или угольной промышленности туда немедленно направляются отряды полиции штата; при этом корпорация оплачивает их проезд, корпорация дает им помещение, корпорация же снабжает их ружьями, пулеметами и всем чем угодно. Это ли не доказательство, что полиция штата представляет собой в сущности оружие корпораций и ее

единственная задача — бороться с рабочими и помогать капиталистам? Впрочем, можно привести и конкретные примеры. Вот случай, сообщенный Джоном Гайером, членом правительства штата, проводившим специальное обследование в штате Пенсильвания несколько лет назад.

В Джероме, штат Пенсильвания, полиция арестовала на улице забастовщика Джона Гесса. Его, как обычно в таких случаях, повели в гостиницу (кто, спрашивается, оплатил номер?) и там жестоко избили. При этом присутствовал — а весьма вероятно, и командовал расправой — шахтовладелец Джон Гибсон. Он показал под присягой, что полицейские не причинили Гессу серьезного вреда; однако он же впоследствии признавался некоему мистеру Улю, служащему «Хилменкоул энд коук компани», что Гесс был беспощадно избит.

Повидимому, первое, что вменяется в обязанность полицейским силам штата, действующим в интересах корпорации, — это не допускать никаких собраний забастовщиков. Пусть эти собрания носят самый мирный характер, пусть верховный суд Соединенных Штатов признает массовые собрания рабочих вполне законными — до этого никому дела нет. В Винтондэйле, штат Пенсильвания, во время стачки 1922 года (ныне, разумеется, позабытой равнодушными американскими любителями комфорта) рабочие были фактически лишены как свободы слова, так и свободы собраний.

В Экспорте, штат Пенсильвания, в Уэстморлендском угольном бассейне, где профсоюзы запрещены, как анархические организации (любая форма протеста против убогого уровня жизни, навязываемого рабочему корпорацией, считается анархизмом), в апреле 1922 года произошел такой эпизод: полиция явилась на собрание рабочих и потребовала его роспуска, а когда председатель запротестовал, утверждая, что собрание не является противозаконным, полицейский отряд на лошадях врзался в толпу и стал гнать ее в горы, топча и избивая людей. В Крусибле, штат Пенсильвания, в том же году конный отряд полиции разогнал митинг горняков.

Еще случай. 22 августа 1920 года в фруктовом саду фермы Гэдже близ Питтсбурга собралась группа шахтеров вместе с женами и детьми, чтобы выразить протест

против казни Сакко и Ванцетти. На них набросились полицейские, вооруженные дубинками и револьверами, и пустили в ход бомбы со слезоточивым газом. Женщин и детей сшибали с ног, избивали дубинками.

А вот еще факт, показывающий, до чего доходит полиция штата в своем преследовании рабочих. Несколько профсоюзных агитаторов-мексиканцев, проживавших в Техасе, хотели уехать в Мексику, чтобы принять участие в происходившем там революционном восстании. Казалось бы, что за дело американцам до того, что какие-то мексиканцы хотят ехать в Мексику, — если только тут не замешаны интересы американских корпораций в Мексике? Однако техасские полицейские, действуя по чьему-то наущению, пытались помешать мексиканцам покинуть американскую территорию, и при этой стычке некий Сильвестро Лома был убит выстрелом из револьвера. Поднялась суматоха, которая, вероятно, закончилась бы линчеванием всех мексиканцев, не подоспел во-время кавалерийский отряд вооруженных сил США.

Совершенно ясно, что сговор между корпорациями и полицией стал обычным делом. Во время стачек самые мужественные и боевые руководители рабочих, естественно, 'вызывают особую ненависть предпринимателей, и те натравливают на них полицейских. Был среди бастовавших горняков в Западной Виргинии рабочий по фамилии Бробб, который в течение всей забастовки каждый день участвовал в пикетировании. Разумеется, хозяева шахты, старавшиеся продолжать работы силами штрейкбрехеров, ненавидели этого человека. 15 мая 1929 года, когда он возвращался домой из (гостей, на него напал полицейский Мазинго и избил его до потери сознания. Зачем? А вот зачем: чтобы заставить Бробба признаться, будто бы он участвовал в попытке взорвать принадлежащее компании имущество. Дело в том, что Мазинго еще до этого дал показания, что он обнаружил у Бробба динамит; а так как Бробб это отрицал, то полицейский избил его так, что он потом долго не мог ходить без посторонней помощи. Мазинго утверждал, будто бы Бробб признался в том, что хранил у себя динамит, но его слова без формального признания Бробба, разумеется, не могли иметь силы. Вот Мазинго его и избил! По предположению Национального комитета союза горняков, Бробба

опоили и затем приволокли туда, где был спрятан динамит.

Есть у полиции и еще одна, не менее важная с точки зрения корпораций, обязанность — «разделяваться» с руководителями рабочего движения. Так, 8 сентября 1930 года, проболев три месяца, умер негр Ли Мэсон, коммунистический кандидат в конгресс от Южной стороны города Чикаго; причиной его болезни послужили тяжелые увечья, нанесенные ему полицией при разгоне митинга-протеста против линчеваний. «Разве негру место в конгрессе?» — спросили убийцы. И, повидимому, тут же ответили на этот вопрос коротко и решительно: «Нет, не место».

А 14 марта того же года в Чикаго полиция устроила облаву на коммунистов в читальне «Общества взаимопомощи эмигрантов из России». Полицейские набросились на людей, мирно сидевших за книгами или за шашками, избивали их дубинками, топтали ногами, сбрасывали с лестницы; изорвали и расшвыряли книги и картины, поломали мебель, причем у них даже не было ордера на обыск! И все это совершенно бесцельно, разве только «для острастки» коммунистам, так как был арестован всего один человек, и то по обвинению в бродяжничестве, столь явно притяннутому за уши, что арестованного сейчас же и выпустили. Я бы мог привести десятки случаев, когда полиция без ордера на обыск врывается к рабочим в дома и, найдя коммунистическую литературу, тут же арестовывала их. Но я не стану утруждать этим читателя. Такие незаконные налеты имели одну цель: найти что-нибудь — книги, брошюры, любой пустяк, на котором можно было бы построить обвинение в призыве к мятежу и приговорить рабочего к долгосрочному заключению или высылке. Как видите, царизм и его система ссылки переселились на американскую почву!

Попробуйте теперь, учитывая все это, представить себе положение американского рабочего. Он живет в мире, где горсточка людей загребает несчетные прибыли, тогда как на его долю достаются жалкие крохи; а ведь это его трудом создаются эти огромные средства, так часто растрачиваемые нелепейшим образом. Однако всякая попытка протеста с его стороны не только круто пресекается, но еще и навлекает на него незаконные и ничем не

оправданные преследования, а иногда даже стоит ему жизни. Сомневаетесь? Что ж, приведем пример. В период экономического кризиса, несколько лет тому назад, в городке Тайд, округ Индиана, штат Пенсильвания, был арестован полицией по обвинению в убийстве некий Порто. Чтобы добиться от него признания, современные американские жандармы применили пытку «третьей степени»: привязали его к железной трубе, били и дубинками и ногами, потом вставили ему в рот воронку и вливали воду в желудок. Когда и это не помогло, они раздели его донага, топтали сапогами и жгли горящими папиросами. Порто потерял сознание, а очнувшись, стал просить, чтобы его прикончили. Новейшая система пытки, доводимой до стадии человекоубийства! И все же Порто продолжал твердить, что он невиновен. Его так и не убили, — точнее, он почему-то не умер и в конце концов был освобожден за недоказанностью обвинения. Но как человеку уважать правительство, допускающее подобные вещи, как ему верить в свое право личной неприкосновенности? И может ли все это способствовать упрочению капиталистического строя или правительства, которое этот строй поддерживает? В детстве мы, замирая от ужаса, читали в учебниках по истории Америки о варварском обычае забивать людям ноги в колодки, привязывать их к позорному столбу, затыкать кляпом рот тем, кто говорил слишком много. Но что все это в сравнении с современными формами борьбы капитала против труда!

И здесь я хочу подчеркнуть, что этот полицейский произвол не знает границ! В лучшем случае мы тут имеем дело с преступным нарушением прав личности, при попустительстве властей, и самый этот факт является позором не только для нашей страны, но для всего мира, для всего человечества — позором, который нельзя больше терпеть. Вот в районе Клэрэнс, в Пенсильвании, есть полицейский Мак-Хью, не знающий себе равных в жестокости; он избил — в помещении корпорации и в присутствии ее представителей — рабочего Стабрилу за то, что тот не соглашался признать себя виновным в попытке устроить взрыв. Стабрилу пытали, грозили ему электрическим стулом. Но по чьему приказу? Властей штата? Ничуть не бывало! Просто местные представители корпо-

рации, и никто иной, считают естественными и справедливыми подобные методы обращения с рабочими!

Совершенно очевидно, что стачки возникают не сами по себе, но являются выражением протеста рабочих против нетерпимых условий существования, против унижительной эксплуатации. Но методы обращения с бастующими рабочими усиливают недовольство, вызвавшее забастовку, и порождают еще большее брожение в умах. Надо сказать, что там, где корпорация является фактическим хозяином города или поселка, забастовщики лишены возможности выставить пикеты. Корпорации ничего не стоит добиться судебного запрещения рабочим пикетировать на территории, представляющей ее собственность, а это значит — на всей территории, где действуют штрейкбрехеры; и полиция штата неуклонно следит за выполнением этого постановления. За попытку отстоять даже те ничтожные права, которые за ним признаются, рабочий подвергается беспощадным избиениям. Так, во время забастовок в угольной и железорудной промышленности, которые всегда вызывают особенно яростное сопротивление предпринимателей, компании добивались судебных постановлений, запрещающих профсоюзам вносить за бастующих рабочих квартирную плату или вступаться при выселении их из принадлежащих компаниям лачуг, хотя это и противоречит действующему законодательству.

Преследования забастовщиков принимают зачастую не только противозаконные, но и попросту дикие формы. В Уиндбере, штат Пенсильвания, например, из сорока восьми рабочих семей, подвергшихся выселению, только две получили, как полагается, предварительное уведомление от шерифа. Это не помешало полиции явиться и выбросить на улицу вещи забастовщиков, половину при этом переломав. Лишенные крова люди вынуждены ютиться в палатках, но и там их не оставляют в покое. А разве жить в палатках—противозаконно? Ничуть не бывало! (Скорей противоестественно, если принять во внимание, что это часто происходит среди зимы!) Разве компаниям или полиции дано право разрушать такие лагеря? Никакого! Но право правом и человечность человечностью, а факты таковы: 2 июня 1922 года в Лик Крике, штат Западная Виргиния, полицейские ворвались

в такой лагерь, изорвали палатки, уничтожили скудные запасы пищи, налили керосину в бидоны с молоком, перебили посуду и изломали мебель. А в одном из городов Пенсильвании перепившиеся полицейские подняли среди ночи стрельбу в лагере бастующих горняков и ранили несколько человек.

Я могу доказать, что имение такое обращение и доводит иной раз рабочего до крайности. В августе 1927 года в Чезвике, штат Пенсильвания, был такой случай. Отряд конной полиции, пуская в дело дубинки и бомбы со слезоточивым газом, стал разгонять собрание забастовщиков и членов их семей. (Напоминаю, что ни стачки, ни собрания законом не воспрещены!) Более двухсот человек пострадали. Один из рабочих, потеряв самообладание, выстрелил и убил полицейского. И он, и еще двести избитых и раненых рабочих имели законные основания для того, чтобы возмутиться против полиции и предпринимателей. Но кто с этим считается? И какое это может иметь значение?

Расскажу еще историю Джона Кэштока. Этот почтенный пятидесятилетний пенсильванский шахтер, глава многочисленной семьи, был схвачен полицейскими, которые затащили его в номер гостиницы и там в течение шестнадцати часов избивали до потери сознания. Вечером его ждали в доме дочери, жившей неподалеку, но он не пришел, и тогда родные подняли тревогу. Товарищи шахтера, глубоко возмущенные учиненным над ним насилием, вышли, несмотря на сильный дождь, искать его в горы. На рассвете Джона Кэштока нашли повесившимся на дереве. Жена его ничего не знала о причинах ареста. Но он как-то говорил ей, что один из полицейских обозвал его «грязной свиньей» и пригрозил убить, если он не выйдет на работу.

Подобные действия оскорбляют чувства не только рабочих, но и остального населения промышленных районов; и в самом деле — ни в чем не повинные люди, чей покой и безопасность, казалось бы, гарантированы законом, вынуждены жить словно на осадном положении по воле корпораций, хотя те не имеют ни малейшего права запугивать их или притеснять.

У меня имеются данные о ряде городов, где промышленные рабочие не составляют значительной части насе-

пения и где, как, например, в одном городке Вашингтонского округа, штат Калифорния, конная полиция давила на тротуарах женщин и детей. Недостаток места не позволяет мне распространяться о том, сколько угроз, оскорблений, брани и увечий достается на долю граждан, ни в каких забастовках не участвующих. Сколько раз полицейские буяны, действуя по указке корпораций, стремящихся подавить рабочее движение, без всякого повода стреляли из револьверов в толпу, нагоняя страх на женщин и детей; как часто они арестовывали и сажали в тюрьму только за проход или проезд по дороге без специального разрешения компании! Им ничего не стоит схватить и жестоко избить человека, не имеющего никакого отношения ни к забастовщикам, ни к компании, за то лишь, что он сдал бастующим участок земли для проведения мирного митинга, — так было с неким Тони Мари. Или еще факт: один пенсильванский полицейский, увидя на улице председателя лютеранской религиозной общины Поля Талло, беседовавшего с другом, грубо прикрикнул на него: «Проходи!» Талло покорно повернулся, чтобы уйти, но при этом вежливо заметил, что никому не воспрещается разговаривать на улице со знакомыми. Разъяренный полицейский втолкнул Талло в подворотню и ударил его по лицу с такой силой, что выбил несколько зубов. Миссис Талло, услышав о том, что ее муж задержан полицией, хотела пройти к нему, но ей загородил дорогу полицейский с револьвером и грубо отправил ее домой. А что же наша американская печать, выступает ли она когда-нибудь против подобных действий полиции? Никогда! Она либо молчит, либо оправдывает, либо даже прославляет эти действия; а в сознании жертв полицейского произвола зреет ненависть к равнодушному и несправедливому правительству, попустительствующему в таких делах!

Но это еще не все. Можно было бы назвать множество случаев (их слишком много, чтобы приводить здесь все), когда отряды полиции штата посылались в города и сельские местности против воли местных законных властей — шерифов, мэров и других должностных лиц, и те оказывались бессильны против хулиганских выходок полицейских, их nepотpeбствa и полного пренебрежения к закону. Вот, например, в июле 1921 года такой

отряд появился в Коринфе, штат Нью-Йорк, несмотря на протесты муниципалитета и мирового судьи, которые утверждали, что не нуждаются в полиции штата для поддержания общественного порядка. Отряд был прислан в связи с возникшей в городе забастовкой, однако полицейские тут же принялись оскорблять и терроризировать мирных граждан, обращаясь с ними, как со скотиной. Мало того, они вздумали самочинно устанавливать порядки и правила, которые подкрепляли разными фальшивками собственного изготовления, — обстоятельство, вызвавшее законный протест местных выборных властей.

Бывало, что полиция силой добивалась от граждан и заведомо ложных показаний, которые потом выдавались за чистосердечные признания; случалось даже, что людей доводили до самоубийства. Множество примеров свидетельствует о том, что полицейские сами охотно затевают драки в тех случаях, когда не встречают решительного отпора. Пенсильванский полицейский, по фамилии Мак-Эндрю, ворвался в ресторан некоего Биттнера и всячески старался вызвать хозяина на ссору. И если в конце концов он убрался, не совершив преступления, то лишь благодаря уговорам присутствовавших, которые видели, что он не прав. А в 1921 году в Вашингтоне, штат Западная Виргиния, хозяйский шпион С.И. Лайвли на глазах у пяти полицейских застрелил у входа в здание суда Сида Хэтфилда и Эда Чемберса, друзей виргинских шахтеров, — и ни один из полицейских не шевельнулся, чтобы задержать убийцу.

Пьянство и дебоши — обычное явление среди полиции штатов. Пенсильванский полицейский Джордж Метцгер, будучи в полицейском мундире, дважды в течение одного вечера пытался задержать шофера автобуса Гансэйкера, но за что — он и сам не знал, так как был слишком пьян, чтобы соображать. В канцеляриях любого штата можно найти показания граждан, свидетельствующие, что тот или иной полицейский стоял на посту в нетрезвом виде. А недавно я прочитал о таком случае, имевшем место в Пенсильвании: какой-то полицейский, ворвавшись без ордера в частный дом, застал в одной из комнат молодую мать, кормившую ребенка, накинулся на нее и изнасиловал. Большинство

полицейских — невежественные, грубые люди, в лучшем случае окончившие начальную школу; над ними нет даже сдерживающего начала, как в армии, в виде опытных командиров, — и тем не менее их посылают туда, где обстоятельства требуют особой выдержки и такта. Впрочем, одержимые бесом стяжательства корпорации меньше всего заинтересованы в проявлении полицейскими подобных качеств. Полиция нужна им не только для защиты их собственности, но и для устрашения и расправы с теми, кто восстает против кабалы и произвола корпораций.

Какой-нибудь полицейский не задумается посадить за решетку профсоюзного организатора за то, что он «красный»; но я готов поручиться, что тот же самый полицейский не в состоянии назвать хоть один пункт из программы «красных» или хотя бы объяснить, какое отношение имеет эта программа к компаниям и к рабочим, — и имеет ли вообще. В лучшем случае он скажет, что «красные» хотят уничтожить существующий порядок, но о том, как мыслят себе «красные» замену этому порядку, он и понятия не имеет. А в ответ на любой вопрос, касающийся его обязанностей, полномочий или причины его поступков юн только весело загогочет: «Хо-хо, чорт подери! Мое дело исполнять приказания! Что босс сказал, то и ладно!»

Но неужели эти скоты, какими я их здесь изобразил (а таковы они в действительности), никогда не несут кары за свои преступления? К сожалению, очень редко! Бедняк, обычная жертва, оправившись после избиений, способен лишь на бесплодные жалобы, потому что у него нет ни денег, ни опыта, ни досуга, чтобы вести судебное дело против полиции, да и вообще против кого бы то ни было. А если б он и решился начать такое дело, это лишь навлекло бы на него новую расправу, а может, и стоило бы ему жизни. Потому что при том настроении умов, которое ныне господствует в Америке, он немедленно был бы объявлен сверхрадикалом, подрывателем основ и не знаю чем еще!

А между тем нередко случаи, вроде следующего. Пенсильванского шахтера Барковского трое вооруженных полицейских схватили в доме его приятеля, повели в полицейскую казарму Питтсбургской угольной компа-

нии и так избили, что он к утру умер; у него оказались переломаны все ребра. Даже врач компании, некий доктор Паттерсон, показал, что на его глазах полисмены Листер и Уоттс избивали умирающего и топтали его ногами не только до оказания ему медицинской помощи, но и после. По свидетельству врача, Барковского били железной кочергой, дубинками и конской уздечкой. И тем не менее, когда в феврале 1930 года Листер и Уоттс предстали перед судом, их обвинили в непредумышленном человекоубийстве, а не в преднамерении, за которое полагается смертная казнь. И это один из немногих случаев, когда убийца понес какую бы то ни было кару; чаще же всего убийства — не говоря уже о других зверствах — вообще остаются безнаказанными.

Не было такого случая, когда полицейские силы призывались бы для защиты рабочих, и вся история полиции штатов — это цепь жесточайших злодеяний против забастовщиков везде и повсюду. Волнения часто потому и возникают, что полицейские своими поступками провоцируют вполне мирно настроенных рабочих. Легко ли честному, добропорядочному труженику, работавшему много лет, вдруг почувствовать себя каким-то преступником и закоренелым негодяем, против которого по самому пустяковому поводу пускаются в ход дубинки и револьверы?

Основным фактором, вызвавшим к жизни полицейскую систему, о которой идет речь, явился бурный рост наших корпораций, их мощи и их алчности. Я в этом убедился в Пенсильвании в 1894 году. Мы, американцы, вообще говоря, — люди скучные и тяжелые. Многолетняя традиция уличного ораторства и штампованных юбилейных речей, пустозвонного красноречия политика-наемников и дураков приучила нас считать себя прозорливыми, осторожными, положительными, либеральными и т. д., и т. п. И, однако, у нас на глазах медленно, но верно отменяются и отнимаются все наши личные права, — и делается это теми умными и хитрыми людьми, которые на самом деле осторожны, трусливы, корыстолюбивы и потому положительны. Это я и пытался здесь показать. Вдумайтесь хотя бы в те факты, которые изложены в главах «Банки и корпорации — наше фактическое правительство» и «Конституция —

ключок бумаги». Уж не спим ли мы глубоким сном? Со всех сторон — деньги, деньги, деньги! А владеет ими все меньшее и меньшее число людей! И деньгами создается самодержавная власть, не уступающая власти римских императоров, средневековых баронов и королевских фамилий современной Европы. Мы мним себя свободными, но разве мы не живем под угрозой войны, разрушения и смерти? А кто повинен в этом? Широкие народные массы? Было бы просто смешно думать так при сегодняшнем положении вещей. Приказывают и командуют личности, наделенные огромным коварством и потому оказавшиеся наверху. И эти личности здесь показаны в своем настоящем виде; или все, что я писал,— ложь.

УЩЕМЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

В современной Америке человек фактически беспомощен, — если, конечно, он не принадлежит к разряду сильных мира сего.

Рядовой американец постоянно терпит насилия и притеснения, постоянно страдает от нелепых, возмутительных порядков, регулирующих его жизнь. Все эти притеснения и жестокости тем бессмысленнее, что в них нет решительно никакой надобности и порождены они лишь противоестественной жадой наживы, обуревающей горсточку дельцов. На какие только невзгоды не обрекает «маленького человека» непомерная жадность корпораций, монополизировавших все виды транспорта, — железные дороги, трамвай, автобус! Его теснят и толкают, на него покрикивает служебный персонал, ему смеются в лицо даже самые мелкие наемники компаний. Войдите в любой автобус, в любой вагон трамвая или метро — невероятная теснота, темно, душно, мест для сиденья нехватает, грязные полы, грязные скамейки и окна. И все потому, что, пренебрегши элементарными удобствами пассажиров, предприниматель может положить еще несколько долларов в свой и без того туго набитый карман.

А между тем жаловаться некуда! Чиновники, полиция, разные наемные прислужники (вплоть до убийц) взбесившихся от алчности корпораций обрушат на голову недовольного град оскорблений. И в конце концов какой-нибудь рабочий или конторщик, получающий десять, пятнадцать, а то и тридцать пять — сорок долларов жалованья в неделю, сам почувствует себя ничтожеством,

нищим, чем-то немногим лучше бездомной собаки перед теми, кто подкупом, интригами и прямым грабежом ухитрился отнять у него право на внимание и приличное обслуживание. Корпорации не только посягнули на его привилегии гражданина, но еще и вытягивают у него все до последнего гроша.

Вот маленькая иллюстрация. Несколько лет назад в ряде городов были отменены пересадочные билеты на трамвае. Это означало удорожание проезда вдвое и втрое для тех самых горожан, которых заверяли, что корпорация, получив бесплатно концессию на постройку трамвайной линии, будет лучше соблюдать их интересы. Но какое там! Одержимые бешенством наживы, воротилы думают лишь о новых и новых миллионах, а значит — нужно выжимать их из народа, не задумываясь, есть ли у него чем платить! Это происходит не только на транспорте; таи же упорно и беззастенчиво повышается плата за электроэнергию, отопление, воду, телефон и другие виды общественных услуг, хотя число тех, кто вынужден пользоваться этими услугами, все растет и растет.

А какой американец не испытал на себе бессовестного вымогательства Американской компании спальных вагонов, заставляющей его платить непомерную и поистине ни с чем несообразную цену за место в душном, тесном и неудобном вагоне! Ведь сейчас поездка из Нью-Йорка в Питтсбург обходится дороже, чем номер в лучшей гостинице одного из больших городов. Но поскольку корпорации устанавливают тарифы бесконтрольно, получается так: «Не нравится — не ездите».

А произвол корпораций в области цен на продукты, устанавливаемых вне всякой зависимости от качества или от сезона! Если, положим, в Нью-Йорке, Чикаго или каком-нибудь другом большом городе лимоны стоят десять центов три штуки, то так они и будут стоять даже при самом большом урожае, хотя бы для того, чтобы удержать эту цену, пришлось гноить излишки в товарных вагонах или сбрасывать в море. То же происходит и с другими фруктами и овощами. Вот сейчас, вдоль железнодорожных путей между Джерси-сити и Ньюарком гниют под открытым небом горы сельскохозяйственных продуктов; их сбрасывают там вагон за вагоном, потому что иначе нью-йоркские оптовики неминуемо сбили

бы цены. В стране, где миллионы безработных, где тысячные очереди выстраиваются за тарелкой бесплатного супу, открыто, на глазах у всех, уничтожаются запасы пищи, и вокруг этого еще поднимают шумиху! Помните, как несколько месяцев назад все газеты, захлебываясь от восторга, писали об учебном сражении в Калифорнии, где снарядами служили «излишние» яйца. Тысячи ящиков яиц были уничтожены ради того, чтобы удержать цены на высоком уровне,— а сколько детей в Америке чахнет от постоянного недоедания, и их родители, сами чуть не умирая с голоду, даже и мечтать не могут о том, чтобы купить яйцо своему ребенку. Что же, неужели мир сошел с ума? Неужели все люди либо подлецы, либо дураки?

То же и с хлебом. Десять центов за небольшой хлебец — а сотни миллионов бушелей пшеницы преют на складах и не поступают на рынок! И это еще не самое худшее. Прошлой зимой в северо-западных штатах пшеницей топили печи, по наущению капиталистов, именовавших это «стабилизацией». А вокруг миллионы бездомных и голодных, у которых нет и этих десяти центов! Шкуры рогатого окота сейчас идут за бесценок — на горе скотоводам и на радость мясопромышленникам, — но пара башмаков попрежнему стоит от восьми до четырнадцати долларов! А безработные и те, чья зарплата урезана наполовину, пусть устраиваются, как знают!

Хуже всего, что правительство не только попустительствует такому уничтожению предметов жизненной необходимости, но и само принимает в этом участие. Разве тупицы из Сельскохозяйственного управления не приказали недавно хлопководам Юга запахать одну треть хлопковых посевов для того, чтобы можно было поднять цену на хлопок? Правда, хлопок за последнее время сильно снизился в цене, и когда в этом году наметились виды на большой урожай, то продажная цена упала ниже себестоимости; «о разве из этого следует, что надо уничтожать то, в чем нуждаются тысячи неимущих? А богатые землевладельцы постарались переложить всю тяжесть понесенных убытков на плечи своих издолщников: так в Кэмп Хилле, штат Алабама, негров-издолщников попросту перестали кормить, чтобы заставить их отказаться от

своей доли урожая еще до начала уборочного сезона. А там стали и пристреливать их за малейшую провинность — за кражу кошелька или булки, — из страха, как бы эти десятки тысяч нищих и голодных людей, осмелев от отчаяния, не вырвали силой у своих алчных господ, или у так называемого правительства, тот насущный кусок, без которого они обречены на гибель. Естественно, что фермер-хлопковод не желал уничтожать свой хлопок, хоть, может быть, и находил полезным, чтобы сосед уничтожил свой. Одним словом, дикая и бессмысленная выдумка Сельскохозяйственного управления вызвала только всеобщее недовольство.

Можно ли представить себе более безумную экономическую систему? Оттого, что в стране слишком много продовольствия, люди должны умирать с голоду! Оттого, что в стране слишком много хлопка, люди должны ходить в лохмотьях! Впрочем, правильнее будет оказать так: оттого, что корпорации не могут заставить людей платить непомерные цены (ведь покупательная способность масс из-за нищенской зарплаты сведена чуть не к нулю), они не находят лучшего выхода, чем уничтожить урожай и обречь на голод тех, чьими трудами он выращен! И при этом они с полным основанием рассчитывают, что любое их предложение будет поддержано угодливым правительством. Не будь эти предложения преступны по существу, они могли бы показаться бредом сумасшедшего.

И вот получается, что в Соединенных Штатах капиталисты держат в своих руках все средства к существованию людей, — ведь им принадлежат фабрики и поля, необходимые для производства этих средств, и они путем взаимных сговоров и соглашений регулируют цены, удерживая их на непомерно высоком уровне. Потому-то банкиры и спекулянты могут в корыстных целях гноить запасы продовольствия, могут изощряться в способах уничтожения урожаев, в то время как кругом голодают безработные. А ведь вот в Советском Союзе, где коллективным хозяином всего являются рабочие в лице своего правительства (в России частная собственность давно упразднена), — там всячески стараются развивать производство, чтобы улучшить условия жизни масс. И в избытке любых продуктов, любых товаров видят не угро-

зу выгодам меньшинства, но средство повысить жизненный уровень всего народа.

В главе «Рост полицейской власти» я приводил бесчисленные примеры преступлений, совершаемых против «маленького человека», безгласного и беззащитного в стране, где фактически правят корпорации. Ведь не только суд, но и полиция, пресса, церковь, кино, радио — все это давно перешло на сторону капитала, правильно рассчитав, что идти против него слишком опасно, а иметь его хозяином — если перед ним хорошенько выслужиться — и удобно и выгодно.

Облеките человека властью, пусть хоть самой ничтожной, наденьте на него мундир и нацепите бляху или кокарду — и вот уже перед вами тиран, готовый усмотреть дерзость в самых невинных желаниях или удовольствиях ближнего, если этот ближний не наделен ни властью, ни собственностью, ни силой. Если это водитель автомашины, то все дорожные власти, независимо от чина и звания, считают своим приятным долгом досаждают ему придирадками и угрозами, задерживать, запугивать, а то и арестовывать (в чаянии взятки или штрафа) за то лишь, что он хотел воспользоваться своим законным правом проезда по общественному шоссе. А казалось бы, дело дорожных властей регулировать движение, а не мешать ему! Или еще: американским железнодорожным магнатам давно уже мозолят глаза владельцы автобусных линий, так как железные дороги хотели бы и автобусное сообщение прибрать к рукам, — и вот мелкому предпринимателю не дают житья, к нему придираются, мешают ему работать, душат непосильными штрафами; и в конце концов, измотанный и разоренный этой неравной борьбой, он вынужден отказаться от своих прав и уступить место корпорации. Во всем этом деятельнейшее участие принимают чины местной полиции, шериф, судебный пристав и т. д., и т. п. Это для сегодняшней Америки в порядке вещей, как полсотни лет назад в порядке вещей было вытеснение единоличных нефтепромышленников компанией «Стандард ойл» или углепромышленников — Горно-железнодорожным трестом.

Я теперь вижу, что нашу страну с самого начала ее существования обманом и хитростью вели по пути самовластия — сначала единоличного, а позднее перешедшего

в руки корпораций, — хоть это и не вяжется с широковещательными обещаниями создать здесь свободное, истинно демократическое государство, где личность впервые обретет все возможности для свободного расцвета! Здесь, как нигде в мире, обыкновенного человека теснят, грабят, подавляют его волю — и все это ради выгоды немногочисленных капиталистов, ловких дельцов, одержимых жадой власти. Разве не в Америке возникли такие капиталистические чудовища, как тресты и держательские компании? Благодаря своей разветвленности и мощи они не считаются ни с законом, ни со справедливостью, ни с авторитетом правительства и, в сущности говоря, если не де-юре, то де-факто сами правят страной. И поскольку эти организации делают, что хотят, так же легко попирая права личности, как и полномочия правительства, поскольку всякий, кто посмеет спорить или противиться, рискует своим благосостоянием, добрым именем, свободой и даже жизнью,—первоначальная идея государственного устройства Соединенных Штатов превратилась в пустой звук.

Фактов — и притом вопиющих фактов — чересчур много, чтобы подробно излагать их здесь, но одно можно сказать с уверенностью: американские финансисты и все, кто с ними связан, — их корпорации, тресты и держательские компании, подкупленные или запуганные ими судьи, адвокаты, полиция, политические деятели и чиновники, — своими незаконными, разбойничьими действиями настолько подорвали веру среднего американца в правительство, что он теперь мечтает только об одном: как бы самому правдами и неправдами добиться какого-нибудь теплого местечка и, облекшись в мундир или судейскую мантию, грабить, взяточничать и притеснять, по примеру корпораций, всех, у кого нехватило смекалки на то же.

Если посмотреть на американскую действительность со стороны, все это может показаться какой-то фантаσμαгорией. Судьи, получив свой пост за взятку или по протекции корпораций (не бескорыстной, разумеется), судят за взяточничество других. Народные представители, казалось бы обязанные своим положением избирателям, делают только то, что угодно корпорациям или боссам, и между делом наставительно разъясняют гражданам их долг по отношению к правительству, а заодно и к тем

корпорациям, которые у него в особенном почете, — как, например, железные дорога, или стальной трест, или энергетические компании. А «маленький человек», беспомощный, живущий под вечным страхом, терпит и молчит: ему хорошо известно, что ни в суде, ни в полиции, ни в других официальных органах он не найдет защиты и управы, если ему нечем за это заплатить. Для него, для «маленького человека», стало уже привычным делом, что, попав под арест за пустяковую провинность, он без конца томится за решеткой, пока судья обедает, или делает визиты, или занимается иным столь же важным делом. А что при этом теряются без надобности часы или даже дни, за которые потом будет вычтено из заработной платы рабочего, — это никого не беспокоит. Рядовой трудящийся человек мало что значит в этом государстве, где вес имеют только деньги и чины.

В некоторых штатах — Флориде, Алабаме, Джорджии, Техасе — действует самая настоящая система насильственной вербовки, жертвами которой становятся люди, арестованные по пустякам, — за бродяжничество, например, а то и просто потому, что они не могут найти работы. Так когда-то добывали себе матросов авантюристы-шкипера: специально нанятые ими вербовщики, напоив допьяна какого-нибудь глуповатого и доверчивого парня, увозили его на корабль; и когда он приходил в себя в открытом море, ему уже ничего не оставалось, как безвозмездно тянуть невольничью лямку у хозяина судна. Но далеко ли от этого ушла современная Америка, где безработного под пустячным предлогом хватают и сажают в тюрьму, а потом вместе с целой партией арестантов посылают на работу к частному подрядчику, нуждающемуся на этом состоянии, — ведь он лишь платит кое-что тюремному начальству, а самим арестантам ничего или почти ничего: дает им похлебку и койку — и только! 1 июля 1928 года в штате Алабама был издан закон, воспрещающий посылать заключенных на работу к частным подрядчикам и шахтовладельцам. И совсем еще недавно в суде слушалось дело, возбужденное властями штата против начальника одной из тюрем, Дэвиса, который за отказ заключенного Роберта Бокса выйти на работу в шахты заживо сварил его в котле с кипятком. А сколько денег принесла эта рабовладельческая система

тем, кто пользуется благосклонностью в Капитолий штата! Да и теперь, если принудительный труд заключенных ограничен законом, то телесные наказания считаются в Алабаме вполне законным делом!

Посмотрите, как относятся на Юге белые к неграм, или землевладельцы к своим арендаторам и издольщикам (об этом речь впереди), или, наконец, любая американская корпорация к своим рабочим и служащим,— и вы всюду увидите одинаковую жестокость и злобу." Например, кандалные команды, работающие на полях и дорогах южных штатов, и сейчас пополняются из числа осужденных за мелкие провинности — и негров и белых. В Северной Каролине закон не только позволяет годами держать на каторжных работах человека, осужденного за небольшую вину, но и не защищает его от других форм жестокого произвола. Люди, пытавшиеся бороться против этого, установили с очевидностью, что, когда в кандалных командах штата нехватает людей, число арестов и осуждений тотчас же увеличивается. Пусть Алабама ценой кровавого опыта пришла к тому, что система посылки заключенных на работу к частным лицам должна быть отменена, но в Айдэхо, Делаваре и Южной Каролине эта система попрежнему существует. Кроме того, часто бывает так, что исправительные заведения штата не торгуют трудом заключенных, зато окружные тюрьмы, где содержатся большей частью мелкие правонарушители, преспокойно продолжают отдавать их в руки частных подрядчиков, тиранящих своих подневольных, как заправские рабовладельцы. Это наблюдается и в Небраске, и в Арканзасе, и во многих других штатах. Одним словом, вполне можно сказать, что в Америке действует новая форма рабства; ведь в тринадцати штатах частные лица или компании систематически используют заключенных на самых тяжелых работах — на рудниках, у коксовых печей и т. п., заставляя их трудиться до потери сил, и притом без всякой, или почти без всякой, оплаты.

В Виргинии, в Северной и в Южной Каролине число людей, работающих в кандалных командах, нередко вдвое превышает число тех, которые сидят в тюрьмах. И хотя специалисты, изучавшие вопрос, не раз указывали, что работа вручную является безусловно убыточной (настолько низка ее производительность по сравнению с произ-

водительностью механизмов), местные власти предпочитают выгонять закованных в цепи людей на дороги, подвергая их публичному позору и тем способствуя полной их деморализации, вместо того чтобы ассигновать тюрьмам дополнительные средства или же изыскать для заключенных какой-нибудь способ покрывать расходы на свое содержание, заслуживая этим хотя бы элементарное человеческое обращение. Дошло уже до того, что не только округа, а отдельные города заводят у себя кандалные команды; один такой пример во всяком случае есть: это Гринсборо, штат Северная Каролина, — город, прославившийся преследованиями рабочего движения.

Условия, в которых содержатся арестанты в кандалных командах, поистине чудовищны. Летом клетка на колесах — в цирке в таких сидят дикие звери — служит им средством передвижения и в то же время жильем. После рабочего дня, который длится от зари до зари, восемнадцать человек, скованные вместе, должны укладываться на нары размером восемь на восемнадцать футов. Если кто-нибудь, паче чаяния, в плечах шире одного фута, ему, очевидно, приходится спать всю ночь на боку. Баки с питьевой водой и помойные ведра — все это втиснуто сюда же; здоровые люди спят вперемежку с сифилитиками. Зимой местом ночлега кандалников служат грязные и дурно проветриваемые бараки. Помойки и отхожие места, как правило, находятся рядом, и, по свидетельству отдела здравоохранения штата Северная Каролина, вода в таких местах сплошь и рядом оказывается зараженной. Целый ряд официальных материалов говорит о том, что лагеря кандалников кишат паразитами. Заключенные скованы между собой посредством кандалов, одинарных или двойных, заклепанных у щиколотки и иногда снабженных железными шипами до фута длиной. Даже на ночь эти оковы не снимаются. Какие же великие преступления искупаются такой тяжелой карой? Три—пять долларов неотданного долга или же кража курицы!

По законам штата Северная Каролина, кандалник, вторично нарушивший какое-либо правило распорядка, — окажем, закурил во время работы, — подвергается телесному наказанию. За такую ничтожную провинность — такая жестокая расплата! Побег заключенного сам по

себе считается небольшим преступлением, но человека, осужденного за небольшое преступление, надзиратель вправе застрелить при попытке к побегу!

Вопрос об американских тюрьмах разобран мною специально в главе «Преступность и ее корни», но мне только что попался в руки отчет Комиссии по пенитенциарным учреждениям штата Теннесси от 17 марта 1931 года, и я не могу не коснуться сейчас некоторых данных этого отчета. Конечно, не все тюрьмы таковы, но достаточно и того факта, что такие существуют! Тюрьма Браши Маунтейн была выстроена тридцать пять лет назад, в качестве временного помещения, рассчитанного на триста — четырехста заключенных. В настоящее время в этом деревянном четырехэтажном здании, не подвергнувшись никаким перестройкам, содержится девятьсот семьдесят шесть человек. Дерево в сочетании с обветшалой электропроводкой представляет большую опасность в пожарном отношении. Но едва ли не большей опасностью является санитарное состояние тюрьмы. В четвертом этаже четырехста человек спят на койках, сдвинутых почти вплотную. Недавнее обследование обнаружило среди них сто тридцать восемь больных гриппом и другими заразными болезнями. Смертность в шестнадцать раз выше, чем, например, в Нэшвилльской тюрьме.

А теперь обратимся к явлению, которое называется пеонат, или кабальный труд. Несмотря на то, что правительство старается избежать гласности в этом вопросе, известно, что в 1903 году федеральное Большое жюри во время сессии в Монтгомери, штат Алабама, вынесло сто постановлений о предании суду за применение кабального труда. В 1907 году, согласно данным министерства юстиции, было зарегистрировано восемьдесят три дела о пеонате. 22 апреля 1926 года губернатор штата Джорджия, Хью Дорсей, сообщил такой факт, имевший место в феврале того же года: некий плантатор объявил о продаже — за 55 долларов! — негра, незаконно обращенного им в рабство; негр этот был арестован за неуплату долга, дважды бежал и дважды был возвращен принудительным порядком.

Тот же губернатор Дорсей рассказывает еще об одном негре, убежавшем от плантатора, который угрожал ему и бил его по лицу. Негр работал на этого плантатора за

двенадцать, не то пятнадцать долларов в месяц и харчи, но однажды, перед самым побегом, получил от него три доллара на покупку башмаков. За этот-то долг в три доллара негра арестовали, обвинили в мошенничестве и пригрозили кандалной командой, если он не вернется к своему плантатору.

Другой негр подрядился на год работать у плантатора за двадцать пять долларов в месяц и харчи. Не получив за несколько месяцев ни цента, он попросил у плантатора расчет. Тот признал за собой долг в шестьдесят пять долларов, но заплатил только десять. Тогда негр сбежал, но его арестовали и силой водворили на прежнее место.

В брошюре, из которой взяты все эти факты, губернатор Дорсей приводит еще такой случай. Один плантатор округа Фултона, штат Джорджия, взял к себе десять негров из кандалной команды округа и заставлял их работать с утра до вечера под дулом револьвера, а на ночь запирали. Двое из них не выдержали и убежали, но их вернули силой и так избили, что один, как о милости, просил его прикончить. Плантатор пристрелил несчастного, а тело утопил в пруде на плантации. В той же брошюре приведен рассказ очевидца — тоже негра — о том, как беглый негр был убит негром-надсмотрщиком по приказу белого.

Сошлюсь еще на один случай, описанный губернатором Дорсеем. Один плантатор из Джорджии был предан суду за убийство одиннадцати негров. 8 апреля 1921 года его судили и приговорили по совокупности преступлений к пожизненному заключению. Но, несмотря на такой пример и на довольно широкую огласку, которую получили все эти факты, система пеоната продолжает действовать, разве лишь не столь открыто. И сейчас еще на Юге есть много негров, которые искренне верят, что плантатор вправе убить их, если они вздумают жаловаться. И все-таки временами судьба отдельных арендаторов, батраков, или, точнее, рабов, становится известна миру; это бывает, когда в данной местности разразится какое-нибудь бедствие и туда нахлынут газетные репортеры. Так, во время наводнения на Юге в 1927 году обнаружился любопытный факт. Оказывается, Красный Крест, организовывавший помощь пострадав-

шим,—наш благородный Красный Крест!—договорился с плантаторами о том, что, когда акт милосердия будет свершен, негров прямехонько со спасательных станций будут доставлять обратно на плантации; если потребуются, то и силой. Вот вам и Красный Крест с его святой миссией!

Но большей частью и негры и белые бедняки не смеют говорить, и потому эти поистине страшные дела остаются скрытыми от публики.

Вопрос о кабальном труде в южных штатах был затронут на Южной экономической конференции в Атланте, в июне 1930 года. Выступая на этой конференции, профессор С. Г. Гоббс, глава кафедры сельскохозяйственной экономики университета Северной Каролины, сказал, что «более половины южных ферм обрабатывается в наше время арендаторами... на основе самой отсталой формы землепользования, существующей в цивилизованном мире, — система «издольщины», которая лишь немногим отличается от рабства... причем около двух третей арендаторов на Юге — белые!»

По законам, действующим в некоторых штатах (Флорида, Алабама), работник, задолжавший своему нанимателю, не может оставить работы, пока не выплатит всей суммы долга. А между тем это не так-то легко, даже если сумма невелика. Ведь урожай продает плантатор и делит выручку по собственному усмотрению, за спиной у темного, зачастую неграмотного арендатора. Он же ведет счета и при этом назначает такие цены за жилье, провизию и т. п., что ни издольщику, ни другим работникам фермы никогда не вылезть из долга. В Джорджии самовольный уход от хозяина при наличии задолженности рассматривается как прямое доказательство мошеннических намерений. Фактически это означает полное и длительное порабощение, потому что обычно при найме плантатор, пользуясь малограмотностью арендатора или рабочего, заставляет его подписывать совершенно кабальные договора, смысл которых ему непонятен.

Имеется еще немало материала, подкрепляющего мое утверждение, что на Юге США продолжает и поныне действовать система пеоната, наряду с другими видами преступлений против личности, примеры которых приведены выше. Можно было бы назвать случаи совсем недав-

ние, — до них даже еще не дошла очередь в суде, в то время как писалась эта книга.

21 марта 1931 года в Итове, штат Арканзас, плантатор Пат Крук стрелял в своего издольщика Фреда Берка. Причина — жалоба издольщика на какую-то причиненную ему несправедливость. Барк был тяжело ранен. Я привожу этот случай потому, что в любой южной газете вы можете сегодня прочесть о десятках подобных случаев. Они так часты, что уже одно это, по-моему, является достаточным доказательством недопустимого произвола плантаторов.

31 января 1931 года в штате Луизиана был отпущен под залог Ордис Уоллер из округа Боссиер, обвиненный в том, что нарушил федеральный закон о пеонате, удерживая у себя силой четырех негров-арендаторов. Другой известный луизианский плантатор, Генри Мак-Лемор из Коншатты, был привлечен к суду в январе 1931 года по обвинению в противозаконном закрепощении пяти негров, батраков и издольщиков, под тем предлогом, что они задолжали ему разные суммы, от 125 до 700 долларов. Мак-Лемор всегда носил при себе оружие, и существует предположение, что он угрожал неграм смертью, в случае если они вздумают от него уйти.

Джемс Пиггот из Богалузы, штат Луизиана, 28 декабря 1928 года приговоренный за пеонат к полутора годам заключения в федеральной тюрьме Атланты, заявил, что он поступал со своими неграми не хуже и не лучше других южных плантаторов. А между тем в обвинительном заключении по его делу оказано, что Пиггот силой держал у себя на плантации три негритянских семейства (всего тринадцать человек) и за полтора года не заплатил им ни цента! Кроме того, он их избивал и кормил недоброкачественной пищей. При этом негров стерегли, как пленников, а когда двоим все-таки удалось бежать, Пиггот, по собственному признанию, поехал за ними в Миссисипи и вернул силой, даже не обращаясь к помощи закона!

Но прекратим пока обзор этих бесчеловечных, антиобщественных и безусловно противозаконных действий мелкого предпринимателя по отношению к тем, кто стоит ниже его на экономической лестнице. Вернемся к нашим гигантам-корпорациям, методы которых очень

мало отличаются от методов мелкой сошки. Оказывается, такая мощная организация, как Нью-Йоркская телефонная компания, умеет быть и пристрастной и непоколебимо равнодушной в своих деловых операциях; одни ее клиенты—люди маленькие и без связей—терпят всяческие неудобства, а другие—особы повлиятельней—пользуются первоклассным обслуживанием. Вот, например, для срочной установки телефона требуется специальное распоряжение по особой форме. Но кто может его получить? Разумеется, только люди с положением! Если же у вас его нет, не рассчитывайте не только на срочность, но даже на элементарное внимание к вашим надобностям. Тысячи ждут, а единицы получают все, что им требуется, без промедления. А вот вам еще образец внимательного обслуживания. На большинстве американских железных дорог не только местные, но и дальние поезда не оборудованы приставными лестницами к подножкам (вагонов, и пожилой или грузный пассажир, которому трудно взобраться сразу на двухфутовую высоту, всегда рискует упасть и разбиться!

Вообще, мне кажется, наши американские корпорации словно стараются перещеголять друг друга по части того, кто лучше ограбит народ. Если прежде, во времена честной, добропорядочной конкуренции, каждый старался преуспеть, снижая цены и тем заставляя конкурента снизить свои, то теперь наблюдается обратная картина: тот из предпринимателей, который торговал дешевле, спешит подравнять свои цены к более высоким ценам предполагаемого конкурента. А правительство и не думает вмешиваться! Могла же Нью-Йоркская центральная железная дорога указать, что у нее цена месячного билета до Маунт-Вернона всего 7 долларов 15 центов, тогда как у железнодорожной компании Нью-Йорк—Нью-Хэвен—Хартфорд он стоит 10 долларов 1 цент. Значит, и Нью-Йоркская центральная должна брать с пассажира 10 долларов 1 цент! Почему? Пусть лучше Нью-Хэвен—Хартфорд берет 7 долларов 15 центов! Нет, это означало бы удешевление тарифа—вещь в Америке неслыханная. Все американские корпорации равняются по ценам, устанавливаемым самой мощной—или самой ловкой—компанией, а эти цены всегда наивысшие. Другими словами, повышать цены можно; по-

нижать—никогда! В крайнем случае пусть остаются, какие были. А иначе — это фактическое изъятие частной собственности, подрыв торговли, профанация американского флага, коммунизм и все семь смертных грехов!

Как я старался показать, нашим корпорациям давно уже дана полная возможность объединиться против отдельного человека. Мало того, сами руководители наших промышленных предприятий, и крупных и мелких, поднимают сегодня голос за отмену антитрестовских законов, считая, что именно эти законы повинны в грандиозном кризисе 1928—1931 годов. Можно ли представить себе больший экономический парадокс? Немудрено, что избиратели — эти жалкие, сбитые с толку существа! — не могут разобраться в действиях правительства. Сторонники отмены повторяют все те же шаблонные фразы: законы Шермана и Клэйтона вызвали перепроизводство, а это в свою очередь привело к кризису.

Наряду со всем этим корпорации продолжают заниматься обычной болтологией, взывая к мужеству и терпению американцев, призывая их выполнять свой гражданский долг и пр. и пр. На самом же деле их отношение к своим потребителям и согражданам вообще может быть characterized классической формулой первого Вандербильта (коммодора блаженной памяти ордена трестов): «Плевать на публику!»

ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ КОРНИ

Факты показывают, что 94% всех преступлений, совершаемых в Соединенных Штатах, являются преступлениями против собственности. По последним статистическим данным, из общего числа преступлений 20% составляют грабежи со взломом и без взлома; 9,4% — кражи на сумму от 40 долларов и выше; 34% (цифра, над которой стоит призадуматься!) — кражи на сумму менее чем 50 долларов; 4,8% — уличные ограбления; и огромный процент — 25,8 — приходится на угон автомобилей. Сложите все эти цифры, и вы получите тот же результат, который так поразил меня. 94% правонарушений, совершаемых американскими гражданами, — это преступления против собственности!

По данным комиссии Бомса (штат Нью-Йорк, 1928 г.), борьба с преступностью, — или, точнее, охрана безопасности людей, имеющих деньги, — обходится Америке ежегодно в 13 000 000 000 долларов. Работавшая недавно Национальная комиссия Уикершема заявила, что эту сумму невозможно исчислить точно, но во всяком случае она превышает миллиард. Филадельфийский «Леджер» пишет, что 1 000 000 000 — «цифра, которая весьма неполно показывает, во что обходится ежегодно американскому народу борьба с преступностью». Впрочем, допустимо ли вслух рассуждать о таких вещах? Разве можно, чтобы американцы знали, на что идут уплачиваемые ими налоги?

Корень зла, разумеется, надо искать в самой системе частной собственности. Напрасно многие социологи

пытаются объяснить дело традиционным вольнолюбием и бунтарством американцев или же, напротив, влиянием иммигрантов из Южной Европы. Гораздо естественнее заключить, что тот общественно-экономический строй, при котором возможно расходовать 13 000 000 000 долларов в год на защиту от воровства, сам это воровство порождает.

Миллионы американцев должны удовлетворяться недельным доходом в 30 долларов, тогда как для какого-нибудь мультимиллионера он составляет 30 000 долларов. Впрочем, как правило, «маленький человек» не имеет этих 30 долларов в неделю, не имеет и 20, Шили хотя бы 5 долларов. Непонятно даже, как он ухитряется существовать. А ведь есть люди, чьи потребности значительно шире того, что могут обеспечить эти 30 долларов в неделю — прожиточный минимум квалифицированного рабочего. И вот естественные стремления и интересы таких людей остаются неудовлетворенными из-за недостатка средств.

Современная капиталистическая экономика в обеих своих фазах — процветания и кризиса — способствует увеличению количества преступлений против собственности. Взять хотя бы безработицу. Сошлюсь на весьма меткое, по-моему, суждение одного арестанта, в прошлом безработного, который сказал: «Когда человек не имеет работы, у него мутится разум, и если такой человек вдруг видит то, в чем он нуждается, он на все пойдет, лишь бы раздобыть денег!»

Есть ведь немало людей, не способных мириться с нищенским уровнем жизни, который навязывают массам те, кто благодаря своей силе сумел захватить власть. Чтобы чего-то добиться в жизни, таким людям нехватает, быть может, способностей и умения, но жизненный инстинкт разжигает в них стремление выбраться из трясины нищеты. И вот мы узнаем, что в городе Нью-Йорке, из каждых двухсот жителей один ежегодно попадает под арест за уголовное преступление, — иначе говоря, является серьезным правонарушителем. Видимо, невзирая на веления религии и патриотического долга, люди упорно противятся общественному порядку, отказывающему им даже в самой скромной доле тех богатств, которые отчасти созданы и их руками. Флloyd Питерс, заключен-

ный одного исправительного заведения, сказал: «На кой чорт мне изучать права и обязанности гражданина, когда я грабежом могу заработать пятьдесят—шестьдесят долларов в ночь?»

А представим себе, что денежные средства у нас распределяются по справедливости, как это делается в России, и каждый человек, затрачивающий разумное количество труда, получает такое вознаграждение, которое обеспечивает сносный прожиточный минимум. Разве это не повело бы к созданию обстановки, позволяющей рабочему и его детям нормально жить и развивать свои способности? Но при существующем положении вещей — в Америке во всяком случае — лишь меньшинство располагает такими условиями, которые способствуют (или должны бы способствовать) нравственному совершенствованию; большинство этих условий лишено. Вот для иллюстрации история заключенного подростка, которым я специально интересовался. Отец у него был пьяница и скандалист, жестоко избивавший сына, мать — душевнобольная; еще с ними жила тетка, страдавшая припадками эпилепсии. Мальчик, естественно, старался поменьше бывать дома и предпочитал ночевать на крышах. Дурная компания, в которую он попал, приучила его к воровству. В конце концов он попался на какой-то мелкой краже, и его засудили. (Вот если б он присвоил государственные нефтеносные земли, этого бы не произошло!) Случай как будто ясный: экономические условия и созданная ими разлагающая среда деморализовали человека; возможно, тут сыграла роль и дурная наследственность, — возможно, но не обязательно. Всякий понимает, — а если не понимает, то должен понять, — что более справедливое распределение богатств и, следовательно, повышение жизненного уровня помогли бы тут куда больше, чем любые исправительные или «воспитательные» заведения, любые виды наказания или ограничения. Исправлять нужно прежде всего не человека, а общественную среду, в которой он живет и действует. Разумное общественно-экономическое устройство создает разумную общественную среду, и если действительно среда формирует личность, чему есть немало примеров, то переустройство экономической основы общества повлечет к значительно-

му сокращению преступности. Что же касается мальчика, о котором я говорил, то он, как и многие ему подобные, мог бы при других экономических условиях развиться в *полноценную* личность и быть не бременем для общества, а полезным его членом.

Но при современном экономическом строе господствующую, а потому и руководящую роль играет сверхиндивидуалист, его тресты, его банки и его правительство, а рядовой гражданин тем самым обречен на однообразное, томительное прозябание, что подчас и приводит его к преступлению или, в лучшем случае, к роковой ошибке.

Нужно также отметить, что очень многие из так называемых преступников не окончили и шести классов школы, не имели к тому реальной возможности. Низкий уровень среды, из которой они вышли, умственная ограниченность и недостаток средств — все это постоянной преградой стоит у них на пути.

У нас много говорят о половой распущенности и тех преступлениях, которые с ней связаны. А таких преступлений немало: тут и убийства, и кражи, и все что хотите. Но в американских тюрьмах отбывают наказание тысячи людей из самых разных социальных кругов. Что же, всех их привела туда половая распущенность? Чушь, конечно! По статистике преступлений лишь очень небольшой процент падает на преступления чисто сексуального характера — такие, как изнасилование или гомосексуализм. Другое дело, что мотивом многих преступлений против собственности явились обстоятельства, связанные с половой жизнью. Заключение Марк Снелл (случай, я бы сказал, довольно типичный) объяснял людям, которые его арестовали, а затем пытались втолковать ему уважение к закону: «Я жил в меблированных комнатах с одной девчонкой. Все деньги, которые мне достались при грабеже, я отдал ей, а она через три дня сбежала к другому, да еще пошла и донесла на меня».

Другой заключенный, семнадцатилетний мальчишка, покушался на ограбление, чтобы раздобыть денег на наряды для своей возлюбленной, мать которой сказала, что если он не может покупать ей обновки, то нечего и ходить к ней. (Девушка, кстати, была еще моложе

его.) Нетрудно видеть, однако, что в обоих приведенных случаях мы имеем дело не с закоренелыми преступниками, а скорее с жертвами экономического неравенства.

Но разве станет кто-нибудь разбираться в этом сложном комплексе экономических, социальных и иных мотивов и искать выхода из положения, или изучать экономику социального строя, при котором так обостряются все противоречия, или размышлять о внутреннем ожесточении, порожденном всем этим в некоторых наших молодых людях? Покажите мне хоть одного американца, который, услышав об одной из таких психологических трагедий, не забудет о ней через два дня, а уж о том, чтобы он глубоко и серьезно призадумался над ее причинами, и говорить не приходится!

Любопытно, что из общего числа преступников около 75% в той или иной мере являются рецидивистами. За ними уже числятся преступления, совершенные ранее, и предполагается, что, оказавшись на свободе, они, несомненно, совершат новые. Но значит ли это, что, будь у них иная возможность получить несколько тысяч долларов; они все-таки вернулись бы к своей преступной жизни? Едва ли!

Посмотрим теперь на применяемые у нас методы исправления преступников. Надо сказать, что современные тюрьмы (а сколько их в Америке!) являются такими очагами зла, что скорее способствуют росту, чем искоренению преступности. Как часто нам приходится слышать о голодовках заключенных в знак протеста против негодной пищи, о тюремных бунтах, вызванных бесчеловечным обращением надзирателей или же их неприкрытым мошенничеством и лихоимством. Разве все это не свидетельствует о пороках и слабостях нашей пенитенциарной системы и нашего законодательства, совершенно понапрасну обрекающего стольких людей на прозябание в этих гнусных клоаках? Поистине американские тюрьмы, как они есть, — это не фильтры, а рассадники преступлений. По данным расследования Уикер-шема, заключенные очень часто живут в совершенно скотских условиях, кое-где даже мужчины не отделены от женщин. Какого-нибудь мальчишку, арестованного за пустяковую провинность — плюнул на пол в вагоне метро или ходил по газону Центрального парка, — са-

жают в одну камеру с матерыми преступниками, от которых он очень быстро перенимает гангстерский образ мыслей и гангстерский жаргон. Тюрьмы штата Нью-Йорк — Синг-Синг, Грэйт Медоу, Клинтон — так набиты заключенными, что сколько-нибудь сносные условия содержания попросту исключаются. Здесь можно ожидать всего — бунтов, самоубийств, попыток к бегству, убийств; здесь сама атмосфера создает настроения буйства и беззакония. Как должна воздействовать такая обстановка на сознание, на чувства человека? Немудрено, что многие выходят из тюрьмы озлобленными против нашей так называемой «упорядоченной жизни», ее лицемерия и ее жестокости и вновь возвращаются на путь преступлений!

Из всех позорных и вредоносных явлений, характерных для быта американских тюрем, самое отвратительное — это все растущее взяточничество. Я не стану приводить примеров; их так много, что они загромождали бы всю книгу. Но, бесспорно, и это явление в значительной степени связано с несостоятельностью нашей экономической системы, которая слишком много дает одним и слишком мало — другим.

Вдохновляющим примером для тюремного населения служат гангстеры типа Барнета Бертше, Багса Морана, Долговязого Даймонда и знаменитого Аль Капоне (с которым обходятся так церемонно и почтительно, словно это какой-нибудь видный государственный деятель). Я лично убежден, что люди, сделавшие своей профессией вымогательство, отлично сознают несовершенство нашего общественного порядка и, исходя из этого, задались целью урвать для себя как можно больше в смысле власти и денег. Но ведь и полиция, и лидеры обеих партий, как республиканской, так и демократической, и мэры — все, кому только не лень, — совершенно открыто берут деньги за то, чтобы не трогать игорных домов и разных других притонов! И огромные доходы, которые эта форма разбоя приносит всем заинтересованным лицам, вызвали теперь к жизни подобное же явление и в других областях: появились бандиты, которые, если от них не откупиться, провоцируют забастовки, совершают грабительские налеты (увозя иногда целые партии товаров, как это было недавно в Чикаго), широко поль-

зуются услугами профессиональных убийц, похитителей и других преступников и всеми этими методами сумели произвести столь сильное впечатление на наши корпорации и представителей законных видов бизнеса (склонных больше считаться с выгодами, чем с приличиями), что теперь 15% стоимости любого конторского помещения идет на дань гангстерам, чтобы только не дезорганизовать производство.

Где же выход? На мой взгляд — в переустройстве общества на основах равного распределения материальных благ, справедливой оплаты труда и перевоспитания взяточников, а если это невозможно — пожизненной их изоляции. А вместо этого у нас на глазах происходит удушение свободной конкуренции, правительство не ставится ни в грош, тюрьмы переполнены мелкотой и всем заправляют капиталисты, которые не только дерут с нас за все непомерную цену, но и совершают чудовищные преступления против общества. Девяносто насущнейших отраслей хозяйственной жизни страны контролируются, как я это понимаю, бандитами и гангстерами. Размеры их прибылей? Об этом не говорится! Напрасно искать в судебных архивах отчетов о процессах, возбужденных против этих людей правительством. Где тот федеральный прокурор, который проникнет в тайну, и обнародует результаты своих разоблачений? Америка, политически одряхлевшая, нуждается во всенародной встряске, в полном духовном обновлении.

Еще раз повторяю: существующая у нас система распределения благ естественна для диких джунглей, но неуместна в организованном обществе, которое в своем развитии, казалось бы, далеко ушло от первобытной дикости. Человеку следовало бы серьезно задуматься над законами этого общества, потому что они должны способствовать установлению на земле более мирного, а значит, и более приятного существования. Вот почему я и говорю, что несправедливое распределение материальных благ само по себе есть наиболее тяжкое из преступлений. Оно порождает чудовищные, вопиющие противоречия, которые мешают осуществлению оговоренного в конституции всеобщего права на «поиски счастья» и в конце концов ведут к захвату или уничтожению так называемой законной собственности. Одним словом, спекулянты,

стоящие на верхних ступенях экономической лестницы, в конечном счете становятся жертвой того зла, которое ими же порождено на нижних ступенях. А бороться с этим злом при существующем неравенстве немыслимо. Можно изменить систему, но нельзя, оставаясь в рамках этой системы, исправлять тот вред, который ею наносится.

Мы касаемся самого существа чудовищной несправедливости, характерной для наших дней, — несправедливости, в силу которой миллиарды за миллиардами текут в руки небольшой кучки финансовых манипуляторов, тогда как огромное большинство человечества влачит жалкое существование, омраченное постоянной нуждой и страхом катастрофы. А ведь в организованном обществе не только предложение, но и спрос создаются усердным и плодотворным трудом этого самого большинства. И более того: только эти низы, эти массы — люди у плуга, станка, прилавка, распределительного щита — могут сделать организованное общество таким, каким оно должно быть; они-то и есть настоящие творцы того, что мы называем организованной жизнью. Так осознают ли они когда-нибудь свой долг — эти жители мира убогих лачуг, который, однако, был колыбелью многих прекрасных и великих событий?

И вот мы видим, что общество, основанное на несправедливом присвоении и накоплении капитала, терпит полную неудачу в своей борьбе с преступностью; эффект предпринимаемых им реформ ничтожен, и преступность не только не уменьшается, но, напротив, растет. Почему? Да прежде всего потому, что главные преступники нашего времени — это вовсе не те, кого можно выследить и поймать. Главные преступники — это те, кто сегодня, как сто, как тысячу лет назад, фактически правят обществом. Они слишком сильны, слишком умны и слишком хитры, и рядом с ними жалкими и смешными выглядит вся та правонарушительская мелюзга, о которой речь шла в начале главы, — вымогатели, бандиты, налетчики. Как бы дерзки и жестоки они ни были — им далеко до тирании корпораций, которые обращают людей в своих полуголодных рабов и каждому, кто попытается — стачкой ли, другими ли методами борьбы — сбросить оковы рабства, готовят наказание «по закону», а то и просто пулю! А ведь все это

совсем не нужно! В мире найдется достаточно благ, чтобы при правильном расчете и распределении каждому досталась немалая доля. (Но для такого разрешения всех проблем одних мечтаний мало. Здесь нужно вспылать и действовать.) И места наверняка всем хватит.

Позволю себе добавить, что по данным Комиссии по учету преступности, созданной при Американской ассоциации адвокатов, в настоящее время в Нью-Йорке находится на свободе около 30000 преступников, а в Чикаго — около 10 000. Средняя годовая цифра убийств в Америке за последние двадцать девять лет выросла ровно на 350%. В 1904 году в тюрьмах Соединенных Штатов содержалось 57 000 заключенных; в январе 1927 года их стало 96 125 — на 40% больше.

А говорят, Америка — ведущая страна современного мира! Безусловно, но только в каком отношении? По количеству преступлений! Даже в Италии, народ которой считается особенно несдержанным и склонным к преступлениям и которая действительно стоит в этом смысле на втором месте после США, — даже в Италии преступность и вполнину не расцвела так пышно, как у нас, что называется под самыми нашими окнами. По статистике недавних лет, во всей Англии, включая Уэльс, где положение промышленных рабочих особенно тяжело, а классовые противоречия особенно резко выражены, количество убийств за год исчислялось цифрой 151, тогда как в Чикаго за то же время было совершено 389 убийств, а в Нью-Йорке — 262. Общее же число убийств в Америке за этот год было в пятьдесят раз больше, чем в Англии! И так обстоит дело со всеми видами преступлений.

Америка должна взглянуть в лицо фактам. Несправедливое распределение естественных богатств, продовольствия и промышленных товаров — вот то, что создает преступность.

СТОИТ ЛИ ГОЛОСОВАТЬ?

Из всех бутафорских привилегий, которыми обладает современный трудящийся американец, самая бутафорская — это его право голоса. Избиратель! Как кичится этим званием какой-нибудь простак, ораторствующий в мелочной лавке, на деревенском перекрестке иди на собрании фермеров! *Его* сенатор! *Его* губернатор! *Его* президент! А между тем сколько тягот ложится на его плечи с благословения, а то и при содействии этих самых сенаторов, губернаторов и президентов! Современный мир не знает злее шутки, чем избирательное право народных масс, безропотно сносящих любой гнет. И все же миллионы американцев твердо верят в своих избранников, якобы представляющих большинство народа! Ах, как все это замечательно в теории! Поговорим, однако, о том, что происходит в действительности; может быть, этим удастся расшевелить хотя бы немногих!

Выборы, разумеется, должны были бы ставить и решать ряд важных вопросов, и тогда избирательное право оказалось бы в самом деле чем-то, заслуживающим уважения. Но так ли это? Вспомните, о каких в сущности пустяках спорят, надрываясь и силясь перекричать друг друга, тысячи профессионалов от политики на уличных трибунах, в залах для митингов, на страницах газет или по радио, получая за это по тысяче долларов в вечер! Республиканская партия лучше демократической парши! Осел и мерзавец Робинзон такой же осел и мерзавец, как осел и мерзавец Джонс! Два сапога пара! Но где-то сзади неизменно маячит фигура

местного, или общештатского или общегосударственного босса, а из-за плеча босса ехидно и самоуверенно усмеивается корпорация, ее банкиры, судьи, адвокаты и ее правительство! Тра-ра-ра! Побольше флагов, оркестров, процессий и речей, потому что так легче дурачить дураков, о чем плутам и жуликам очень хорошо известно!

А между тем нетрудно обрисовать фактическое положение вещей в стране с такой ясностью, что каждый поймет,— даже политики, если только они захотят понять. Чтобы разобраться в ухищрениях корпораций, вовсе не нужно особых стараний. Но захотят ли в этом разбираться? И есть ли к тому возможность? Ведь корпорации сумеют внушить страх божий (имеется в виду их корпорационный бог) любому политическому деятелю, который вздумает этому способствовать, а газеты живо замнут вопрос. Вы сомневаетесь? Раскройте любую из бесчисленных провинциальных газеток, издаваемых дельцами типа Ганнета, и посмотрите, что и как в них печатается! Да и крупные газеты, даже те, которые считаются в Америке лучшими и самыми «честными»,— как бессовестно режется и искажается в них материал в угоду все тем же корпорациям!

Теоретически современная избирательная система должна обеспечить создание такого правительства, которое руководило бы страной в интересах большинства (а не меньшинства, как это происходит сейчас). Если бы осуществился этот недостижимый идеал, массы, по праву численного превосходства, могли бы удовлетворить любое свое справедливое требование. Но осуществится ли он когда-нибудь? Можно ли надеяться, что постоянное, безысходное страдание в конце концов побудит людей к каким-нибудь решительным действиям, к энергичному протесту хотя бы? Что ж, может быть! Так бывало во Франции. Так было в России. Ну, а у нас, в Америке? Нынешний порядок вещей наглядно показывает, что мы предпочитаем — именно предпочитаем! — отдавать свои голоса кучке подлецов и бандитов, нежели голосовать за разумных, порядочных людей! Вспомните о наших местных боссах, об их кандидатах и их победах! Вспомните о людях, подкупленных Вандербильтom, Гулдом и Сэйджем!

Казалось бы, цель выборов — защита народных интересов. Но как может быть достигнута эта цель при нынешних условиях, когда общество не проявляет ни интереса, ни бдительности? Избиратели спят или смотрят бейзбольные матчи. Ни ум, ни сердце, видимо, не влекут их туда, где в сущности решается вопрос их благополучия. «Имеющий глаза — не видит; имеющий уши — не слышит». Между тем излишне повторять, что в идее своей выборы должны обеспечивать создание подлинно ответственного правительства. Взяточничество и подкуп в муниципалитетах и сельских управлениях, успех плутов и мошенников на выборных должностях — что виной всему этому? Равнодушие граждан! Я в этом глубоко убежден. Возьмите любой из наших городов — Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфию, Питтсбург. Что мы там видим? Взяточничество! Злоупотребления! Расточительство! А задумывается ли над всем этим избиратель? Куда девалось его природное чувство бережливости? Читателю может показаться смешным, если я скажу, что в каждом пятидесяти или шестидесяти миллионах долларов, бросаемых на ветер правительством, есть, вероятно, от пяти до пятидесяти долларов его денег. И все-таки миллионы американцев ежегодно шествуют к избирательным урнам, чтобы отдать свои голоса людям, которые выполняют свои обязанности с грехом пополам; а число тех, кто домогается правительственных должностей (и — что еще хуже — тех, кто их занимает), растет так быстро, что всюду вместо одного человека сидит по пять, а то и по десять, и вся эта орава неминуемо должна бездельничать, брать взятки и торговать интересами правительства или избирателей, чтобы удержаться на месте.

А ведь смысл голосования вовсе не в том, чтобы покровительствовать корпорациям и жуликам, сажая на выборные должности продажных адвокатов, продажных судей, продажных губернаторов и просто воров. Избиратель может и должен получать то, в чем он нуждается, — мосты, дороги (выстроенные для разумного и недорогого обслуживания публики, а не для безудержного обогащения банкиров и подрядчиков); нормальный дневной заработок при нормальном рабочем дне; человеческие жилищные условия; человеческие условия труда, при

которых рабочий на фабрике не превращался бы во взрослого или малолетнего раба. Не для того существуют выборы, чтобы отдавать управление страной людям, которые находят способ прибавлять миллионы к своим и без того фантастическим состояниям, но не умеют или не хотят изыскать средства на нужды государства и народа. Вспомните мистера Рокфеллера, о котором я тут уже не раз говорил, и наряду с ним вспомните о тысячах голодных, грабящих мостовую в поисках работы! Предполагается, что избирательная система обеспечивает добросовестное изучение существующих условий, справедливое законодательство и соблюдение законов. Но так ли это в действительности? И если нет — то где корень зла?

Каждый трудящийся может принять участие в голосовании. Ему говорят, что этим он добьется улучшения своей жизни, более высокой заработной платы, пятидневной недели и шестичасового рабочего дня. Ему говорят, что таким путем можно урегулировать применение детского труда. (А я уже указывал, как и где можно было бы с этим вовсе покончить!) Даже теперь в любой предвыборной речи вы услышите, какие меры тот или иной кандидат собирается принять для ликвидации безработицы. Но что реально дает рабочему его участие в голосовании? Весьма вероятно, именно в данную минуту президент назначает очередную комиссию по вопросу о безработице. Комиссии, комиссии, комиссии — куда ни глянь! А какова судьба тех статистических данных, которые собрала прошлогодняя комиссия? Их подошьют к делу и позабудут. Статистика сама по себе бессильна. Важны люди, стоящие за статистикой. А где они? Заняты делом? Хлопочут о тех, кто нуждается в помощи? Но почему, в каком бы штате ни встал вопрос о страховании от безработицы, всегда предполагается, что страховые фонды должны создаваться из средств рабочих, а не предпринимателя? Может быть, потому, что трудящийся много говорит о необходимости страхования от безработицы, но не задумывается над тем, кого он избирает для защиты своих интересов в этом деле? Что же, в конце концов ему придется из собственного кармана расплачиваться за свое недомыслие или равнодушие? Весьма возможно, потому что он ни-

чего не знает, да, кажется, и не стремится узнать о тех силах, которые действуют против него. Зато эти силы прекрасно всё знают и делают ставку именно на его инертность или неосведомленность — или на то и другое вместе.

Принято считать, что голосование дает людям возможность свободно выражать свои мысли. Однако у нас в Америке избиратели, видно, не понимают, а может быть, и не хотят понять, что ни демократическая, ни республиканская партия не облегчат им существования, — разве только они силой заставят своих выборных или назначенных представителей заняться этим. Может быть, со временем они поймут? Кто знает? Все возможно. Но пока мы видим лишь безразличие и полную инертность, которая нам чрезвычайно дорого обходится. В основе всего этого лежит, как мне кажется, типично американская ограниченность: американца интересуют только деньги, — причем деньги, извлекаемые из бизнеса; политику же он предоставляет жуликам, не понимая, что честное и ответственное управление страной — *его* страной и в *его* интересах — принесло бы «маленькому человеку» больше выгод, чем любой бизнес. Он просто никогда не задумывается над этим. Полная реорганизация всей нашей капиталистической системы, а еще лучше, ее уничтожение — вот что нужно Америке. Реформы ни к чему не привели и не приведут, поскольку все независимые политические партии у нас подавлены и в стране существуют только две старые партии, над которыми господствует единственная по-настоящему полномочная партия — партия большого бизнеса, денежного мешка. А попыталась ли Американская федерация труда, эта ревностная поборница худосочных реформ, выступить хоть раз на выборах с независимым списком? Нет, ее даже на это нехватает!

Возьмем такой пример: голосование, будь то при двухпартийной или при многопартийной системе (при многопартийной особенно), должно приобщить американского избирателя к вопросам внешней политики. Оно должно направлять и регулировать активность американского империализма. А разве это так на самом деле? Голосование должно решать, будут ли американские пушки, под предлогом «вмешательства для защиты

американских граждан», нести уничтожение тысячам граждан других стран. А разве это так? Судите сами! Поскольку мы считаемся демократической республикой, голосование должно определять, будем ли мы драться, гибнуть, тратить миллионы долларов на войну, вызванную таким запутанным сплетением лжи, интриг и пропаганды, что никто уж и не разберет, какова собственно ее настоящая причина. А разве это так? Избирательная урна должна давать возможность рядовому гражданину сказать свое слово — желает ли он пожертвовать жизнью в войне, которая нужна только наживающимся на ней корпорациям. А разве это так?

Я здесь перечислил частично то, что должно составлять истинный смысл избирательного права. Теперь я хотел бы остановиться на том, к чему она сводится на деле. Наши избирательные кампании обходятся в миллионы и миллионы долларов. Мы голосуем, голосуем — голосуем столько, что уже один вид избирательной урны или плаката, возвещающего начало новой кампании, способен привести человека в ярость или нагнать на него тоску. Голосование происходит по всем мыслимым поводам, иногда просто идиотским, иногда положительно вредным. И при каждом выборе, чего бы они ни касались, появляется откуда-то «стопроцентный американец», любитель рассуждать о свободе и произносить патриотические речи, поборник религии, нравственности, и разных других хороших вещей, и голосует, голосует, голосует! Сегодня — для того, чтобы посадить в президентское кресло самого обыкновенного вора, как Гардинг; завтра — чтобы привести ему на смену Кулиджа или Гувера, членов его же кабинета, его единомышленников и духовных наследников.

В штате Калифорния, например, всеми выборами распоряжается железная дорога «Саузерн пасифик»; она назначает кандидатов, она указывает, кому что говорить по поводу предоставления мест в сенате и конгрессе десяткам ничтожеств (наперебой выхваляющих свою честность, добропорядочность, верность интересам избирателей); но избирателя держат в приятной уверенности, что все это делает он сам. Однако тотчас же после избрания ставленники корпораций отправляются на поклон к своим настоящим хозяевам — местным или

всеамериканским денежным магнатам, и в дальнейшем выполняют их, и только их, волю. А избиратель, вздумавший явиться с какой-нибудь жалобой или просьбой, пусть благодарит бога, если этим не навлечет на себя серьезных неприятностей. Но разве не следовало ожидать заранее, что подобные «народные избранники» будут служить корпорациям и никому другому? Если вы сомневаетесь, пусть вам послужит доказательством прочное и неизменное владычество железной дороги «Саузерн пасифик» в Калифорнии и во всех других штатах, по земле которых она проходит.

Американцы любят голосовать, им нравится самая процедура голосования. Это своего рода праздник. Иллюминации, речи, газетные битвы, оскорбительные намеки и взаимные обвинения! Велика ли важность, если кандидаты в народные представители потому лишь попали в списки, что заигрывали с корпорациями и заранее обещали им свою покорность! Разве от этого менее весело голосовать за них? Флаги, оркестры, приветствия, шумиха газет и радио, столетней давности трескучие фразы о патриотизме, о величии Америки, о ее будущем, о недостатках чужой партии и непревзойденных достоинствах своей! И хотя в промежутках между двумя выборными кампаниями вами не интересуются, плюют на вас, торгуют вашими интересами, присваивают ваш труд и ваше достоинство — все-таки разве не весело голосовать? Первый вторник после первого понедельника в ноябре — великий национальный праздник! Банки и магазины закрыты. До среды можно не думать о работе. Тут выпивают исподтишка, там затеяли уличную драку. Идут оживленные, а подчас и ожесточенные споры, и для вящей убедительности пускаются в ход кулаки. А завтра мы узнаем имена победителей. И побежденных тоже! А корпорации ухмыляются, радуясь тому, как исправно сработал хорошо смазанный выборный механизм, приведя к власти угодного им кандидата. Под какой маркой выступает этот кандидат — демократической, республиканской или еще какой-нибудь, специально к случаю изобретенной, — это совершенно неважно!

Мне вспоминается поучительная история некоего Уильяма Салзера, губернатора штата Нью-Йорк, — как

он был выдвинут, избран и очень скоро низложен по воле всесильного тогда босса демократической партии, Чарльза Мэрфи. О сотнях тысяч избирателей, подавших за него свои голоса, при этом и не вспомнили. Босса Мэрфи, который сам являлся послушным орудием корпораций, разгневало незначительное ослушание со стороны Салзера. Вот вкратце подробности дела.

Уильям Салзер был демократом. Чарльз Мэрфи был диктатором Таммани-холла. Таммани-холл командовал законодательным собранием, штата Нью-Йорк. Салзер вступил в обязанности нью-йоркского губернатора 1 января 1913 года. Не прошло и нескольких месяцев после его избрания, как он вдруг сделался предметом необъяснимых придинок и нападок. Свистопляска вокруг Салзера продолжалась до тех пор, пока ему не предъявили обвинение в государственном преступлении,— на основании того, что он будто бы не израсходовал всего своего избирательного фонда, который, по свидетельским показаниям, был предоставлен в полное его распоряжение. Взорность этого обвинения совершенно очевидна. Государственными преступниками, по конституции, признаются лица, повинные в особо тяжких преступлениях по должности. Но Салзер, надо сказать, за короткий срок своего губернаторства (с 1 января по 17 октября 1913 года) сделал ряд попыток ввести новые, лучшие методы управления и сместить мошенников, среди которых было немало членов того же Таммани-холла. За это он и поплатился. Все нью-йоркские газеты наперебой доказывали необходимость и высокую принципиальность этого акта. Мэрфи, фактически державшему в руках законодательное собрание штата, ничего не стоило, разумеется, провести его в жизнь. Но чем же все это было вызвано? В интервью, данном одной газете, Салзер заявил, что обвинение было предъявлено ему после того, как он отказался предоставить административные должности ставленникам Мэрфи. По словам Салзера, Мэрфи всегда подбирал губернатору людей по своему усмотрению: он присылал к нему некоего судью Мак-Колла, который и сообщал, чего желает «патрон» (так он называл Мэрфи).

Бедный Салзер! Его история лишний раз показывает, какую комедию представляют собой американские вы-

боры. Таких примеров можно набрать немало в истории любого штата. Пусть только выборный представитель власти посмеет послушаться корпорации, у которой в руках кошелек с деньгами, или же босса, действующего от ее имени! Посмотрите, что делается в штате Нью-Йорк. Воля избирателей не ставится ни в грош. Судейские места служат предметом купли и продажи. В городе Нью-Йорке на протяжении семидесяти или восьмидесяти лет функционирует политическая организация полурелигиозного характера, которая решает заранее, чья кандидатура будет и чья не будет выставлена; какие привилегии, выгоды и т. д. предоставят избранные кандидаты банкам, корпорациям и полиции и за какую сумму наличными. И все же из года в год сотни тысяч нью-йоркских избирателей торжественно шествуют к урнам и каждый раз вновь отдают свои голоса все тем же прохвостам, у которых только одно на уме — как бы этих самых избирателей получше обобрать. Я бы мог привлечь ваше внимание к последнему нью-йоркскому политическому скандалу, отголоски которого еще не улеглись в момент написания этой книги: ряду лиц, занимающих общественные посты, предъявлено обвинение в злоупотреблении властью; чего только они не делали, как только не обманывали народное доверие! Тут и воровство и клятвопреступление и все, что угодно! Ограничусь кратким перечнем имен: Коннолли, Вайтейл, Манкузо, Воуз, Колли, Уолш, Эвальд, Томмени, Хили! И все это на протяжении одного года!

По данным комиссии Хофштадтера, ведущей сейчас расследование в Нью-Йорке, Джеймс Мак-Квэйд, лидер демократической партии в Бруклине и нотариус округа Кингс, получая жалованье от 9000 до 12 000 долларов в год, за шесть с половиной лет отложил на свой текущий счет 547 254 доллара. Шериф Томас Фарли, при жалованье в 6 500—15 000, отложил за тот же срок 360 660 долларов. А коллегия присяжных, рассматривавшая дела округа Аллегени, постановила предать суду мэра города Питтсбурга, штат Пенсильвания, систематически сдававшего городские подряды тем, кто брал взятку за их выполнение, — хотя закон предписывает отдавать предпочтение тому, кто дешевле спрашивает. Но множить примеры нет надобности; всем известно, что

Америка вся заражена политической коррупцией. Это относится и к мелкой сошке и к самым высоким государственным сановникам.

Нередки случаи, когда правительственные чиновники действуют в самом беззастенчивом сговоре с банками и корпорациями. Не так давно в Нью-Йорке банкир Феррари, контролирующий целую сеть сомнительных финансовых учреждений, провел на пост инспектора банков Нью-Йорка своего человека, Уордера. По соглашению с Феррари, одна из связанных с ним спекулятивных корпораций, торгующих домами, предоставила Уордеру квартиру на Риверсайд-драйв со стильной обстановкой и восточными коврами, а благодарный Уордер смотрел сквозь пальцы на незаконные слияния банков Феррари. Кроме того, всякий раз, когда предвиделась банковская ревизия, Феррари либо возил все семейство Уордера в Атлантик-сити, либо отправлял его за свой счет в Европу, либо преподносил драгоценности миссис Уордер, либо через косвенно подчиненную ему «Лэншиа мотор Компани» снабжал Уордера парочкой автомобилей стоимостью в три-четыре тысячи долларов. А ведь Уордер и Феррари — это лишь один случай из многих.

Связь правительственных чиновников с корпорациями — одно из тех зол, которые подтачивают самую основу американской политики и всей американской жизни. Во время большой стачки горняков в 1927 году судья Лангхэм специальным определением суда запретил профсоюзные собрания в районе угольных шахт Росситера, штат Пенсильвания. У этого судьи было несколько тысяч долларов в акциях местных угольных компаний, — немудрено, что дивиденды акционеров заботили его гораздо больше, чем справедливая оплата шахтерского труда! Материальная заинтересованность правительственных чиновников в делах банков и корпораций — обычное явление. Еще Томас Джефферсон много лет тому назад выступал против этого. Нельзя, чтобы должностное лицо являлось акционером компании, чьи прибыли зависят от тех или иных мероприятий правительства, в которых данное лицо участвует. А между тем для многих должностных лиц это явилось способом обогащения. И что еще важнее — такие люди направляли всю политическую жизнь Америки в духе, способствующем укрепле-

нию и возвышению трестов. Трудно даже учесть степень влияния их личных корыстных интересов на американскую политику.

Право же, если взглянуть со стороны, покажется, что коррупция по душе американцам. Забравшему силу гангстеру и кланяются и угождают, его фотографируют, у него просят интервью. Какой-нибудь Аль Капоне, или Дайон О'Бэшшон, или Долговязый Даймонд пользуется покровительством сенаторов, журналистов, судей и общества. И тот, кто воображает, что гангстеров можно встретить только в публичных домах и игорных притонах, безнадежно отстал. По данным судебного процесса, рыботорговая фирма «Манхаттан энд Бронкс», используя наемных головорезов, отваживала конкурентов и получала стопроцентные прибыли. Особая банда захватила под контроль перевозку муки в городе; тех, кто пытается сохранить самостоятельность, избивают, или лишают контрактов на перевозки, или то и другое вместе. Люди, занимающиеся разведением кур, заготовкой яиц и т. п., становятся жертвами такой же системы вымогательства. Нью-йоркские бандиты-вымогатели загребают миллионы долларов. Кстати, даже хозяева похоронных бюро должны платить дань, если они не хотят, чтобы все их гробы превратились в щепки. По имеющимся данным, владельцы прачечных платят гангстерам в общей сложности 1 000 000 долларов в год, а транспортные фирмы — 5 000 000. И это лишь ничтожная доля тех плодов, которые приносит американскому избирателю приятная процедура голосования! Но разве кто-нибудь хоть пальцем шевельнет, чтобы помешать этому? Контрабандисты перевозят виски на принадлежащих городу баржах нью-йоркского порта. В прошлом году в одном таком случае дело дошло до суда. Сотни людей проходят мимо салуна, открытого на углу Четвертой улицы и Чарльз-стрит, видят новенький американский флаг, подвешенный над стойкой, и смеются! Но кто же в конечном счете оказывается в дураках — продажное правительство или народ, который его терпит?

Сейчас дело обстоит так, что на общественный пост не может быть избран человек беспристрастный и независимый, потому что, прежде чем выставить или даже наметить кандидата, его тщательно прошупывают с точки

зрения его взглядов и склонностей. Естественно, что потом такой кандидат идет на поводу у тех, кому он обязан своим избранием; обычно это наши банки и корпорации, которые заинтересованы в определенной линии правительства. И к которой из двух партий не принадлежал бы избранный, можете не сомневаться: он не только будет ревностным защитником интересов капитализма, но и ярким противником любых реформ,— и это само по себе уже свидетельствует о социальной и политической несостоятельности нашей системы. Ведь, по мнению таких «народных представителей», все обстоит прекрасно; перемен не требуется. В подкрепление своих слов цитирую заявление дирекции «Нэйшнл сити бэнк» по поводу президентской кампании 1928 года: «Между кандидатами нет таких существенных различий, которые могли бы привести к нарушению равновесия в деловой сфере». Вот именно! Различий не было, но тем не менее народные страсти усиленно разжигались по поводу сухого закона, а вопросы жизненной важности для масс — заработная плата, прожиточный минимум — оставались попрежнему в руках группы лиц, преданных интересам корпораций. Хотите лишний раз убедиться, что и ту и другую партии контролирует капитал — вспомните президентскую кампанию Гувера — Смита. В центре внимания республиканской партии, в избирательный фонд которой огромные суммы были внесены промышленниками, добивавшимися избрания Кулиджа, стоял вопрос о протекционных тарифах. (Это подтверждается личным заявлением Дж. Б. Гранди, президента Пенсильванской ассоциации промышленников.) И высокий протекционный тариф стал законом. Да и в других вопросах — о премии ветеранам войны, о правительственной помощи безработным, о гидростанции Мосл Шоалс — чью волю отражал Гувер: своих избирателей или тех, кто фактически привел его к власти?

Совершенно ясно, к каким пагубным результатам приводит эта тесная, совершенно неприкрытая связь. Она все дает сильным и все отнимает у слабых. Кандидаты на любые правительственные должности опираются на расположение и поддержку корпораций. Идет ли речь о будущем президенте или будущем окружном судье — связь с крупным капиталом существует и остается в силе. При

этом корпорации, поддерживающие кандидата, не щадят средств, чтобы обеспечить его избрание. У них есть деньги, и они умеют их тратить. А потому, если они наметили кандидата, он будет избран, как бы дорого это ни стоило. Избрание Кальвина Кулиджа обошлось республиканцам в 3 000 000 долларов. Чтобы как-то оправдать подобный расход была пущена версия о том, что обслуживание одного миллиона избирателей бюллетенями, повестками и т. д. стоит 100 000 долларов. Между тем в одном только штате Иллинойс зарегистрировано 3 000 000 избирателей, а в Пенсильвании — 2 000 000. Кроме того, имеются ведь такие статьи расхода, как повседневная радиопропаганда (по радиостанциям системы, контролируемой Рокфеллером), — не менее, чем несколько тысяч в неделю; затем плакаты, фотографии, газетные статьи, митинги. Капиталисты отлично знают, как завоевать кандидату популярность, — как он должен держаться, какие его личные свойства следует превозносить, чтобы привлечь симпатии легковверного избирателя. Напомним, что переизбрание сенатором от Пенсильвании некоего Пеппера стоило больше 1 000 000; в другом случае, при более удачливом кандидате, Уильяме Вэйре, дело обошлось в 600 000. Так что судите сами!

Как я уже говорил, предполагается, что избирательная система дает трудящимся массам возможность улучшить свое положение. Между тем вот кое-какие факты. Америка, как известно, не имеет федерального закона о детском труде. Положения конституции о свободе, о поисках счастья и т. п. не уточнены применительно к данному вопросу. А потому верховный суд, всегда чутко прислушивающийся к желаниям корпораций, может, придравшись к какой-нибудь формальности, опротестовать любую законодательную попытку, направленную к защите детей, — что он и делает, как я уже показывал в другой главе. Но разве в такой «прогрессивной» стране, как США, "применяется детский труд? Увы, применяется, так как американский «прогресс» существует, очевидно, лишь для немногих! И потому, несмотря на избирательную систему, которая могла бы покончить с этим злом, в штате Род-Айленд, например, работает в промышленности 41 % общего числа подростков. В журналах, выхо-

дящих на севере страны, можно встретить рекламные обращения дельцов южного города Бирмингема (штат Алабама), приглашающие капиталистов строить у них фабрики и заводы. В одном из обращений так прямо и сказано: «...в городе сто шесть тысяч безработных женщин и детей старше десяти лет, которые охотно пойдут работать за 10 долларов в неделю или даже меньше». Другими словами, детям в вознаграждение за их труд гарантируется недоедание, туберкулез, неграмотность и прочие прелести по образцу Северной и Южной Каролины, Пенсильвании и Нью-Джерси.

Сейчас уже рассеялась, кажется окончательно, мечта о том, что американский капитализм можно регламентировать с помощью избирательной системы. Таким образом, избирательная система окончательно обанкротилась. Как бы много и часто ни голосовали американские избиратели, ясно, что они и сами не ждут от этого ничего конкретного. В Америке твердо установился взгляд, что хотя от успехов «большого бизнеса» и так называемого процветания рядовым гражданам жить ничуть не легче, но голосованием тут делу не поможешь. «Маленький человек» ощущает себя бессильным перед «большим человеком», то есть перед тем, кто сегодня распоряжается американским капиталом. Потому что к услугам «большого человека» деньги, адвокаты, суд, полиция, церковь, пресса, реклама и пропаганда, армия, флот — все формы законодательной и исполнительной власти; и стоит только «маленькому человеку» заикнуться устно или на бумаге насчет каких-либо перемен, которые облегчили бы лежащее на нем бремя, — он тотчас же будет объявлен радикалом, большевиком, социалистом, «красным», смутьяном и, в качестве такового, испытает на себе все прелести террора, прочно вошедшего уже в житейский обиход Америки. Казалось бы, все это должно окончательно отбить у него охоту к голосованию. Но разве так? Разве он больше не голосует? Представьте, голосует! Для меня это непостижимое чудо! Спрашивается — зачем? Не разумнее ли бойкотировать избирательную урну или по крайней мере организовать какую-то форму коллективного протеста, чтобы во всеуслышание заявить: «Мы протестуем!» Но и это оказывается невозможным: у рядового избирателя нехватает

ни времени, ни денег, ни, что еще хуже, ума для такого дела. Сейчас во всяком случае он еще нуждается в подталкивании, помощи и руководстве со стороны тех, кто ему желает добра. Но найдись подобный смельчак, какой крик поднимется против него в округе, в штате, во всей стране! Негодяй! Радикал! Красный! Нежелательный элемент! В дружном хоре сливаются голоса газет, радио, проповедников — наших славных апостолов существующего порядка вещей! Между тем в стране шесть с лишним миллионов безработных, цены всё лезут вверх, зима не за горами, а мистер Гувер все еще совещается с мистером Доуком или мистером Гиффордом на тему о пособиях по безработице.

Но вернемся к положению «маленького человека» при существующем господстве «большого бизнеса». Обстоятельства для него складываются так: рядовой рабочий, член или не член профсоюза, некоторое время надрывается на работе по всеамериканской потогонной системе, а потом; год или два обивает пороги в поисках работы и куска хлеба. А ведь едва ли рядовым американцам нужно это бесноватое «процветание», усиленно раздуваемое корпорациями! Ведь его неизбежное следствие — кризис. Но горе тому, кто хоть в самой мягкой форме осмелится возражать корпорациям!

Даже скромные попытки реформы разбиваются о противодействие трестовских лоббистов, которые не жалеют ни слов, ни денег, ни юридических аргументов. Все оказывается бессильным против кулуарной деятельности корпораций. Недаром одни только компании предприятий общественных услуг тратят на эту деятельность ежегодно 1 000 000 долларов.

На этом строится карьера таких дельцов, как Генри Окснард из Вашингтона. В течение ряда лет он получал от Сахарного треста солидное жалованье за обработку общественного мнения в его пользу. Даже восемнадцать — двадцать лет назад для Сахарного треста было в порядке вещей затратить миллион долларов на рекламную кампанию. Лоббизм и принесение в жертву интересов народа ради интересов банков и корпораций — явление, обычное не только для конгресса США, но и для законодательных органов любого штата. Возьмем для примера нью-йоркскую «Ирвинг траст Компани»; она и

сейчас платит 6000 долларов месячного жалованья известному нью-йоркскому адвокату, обрабатывающему в ее интересах законодательное собрание Северной Каролины.

В главе о банках и корпорациях я уже говорил о том, что свои инструкции лоббисты получают из кабинетов и приемных столичных финансовых магнатов. А это сила, в методах которой столько же расчета и корысти, сколько разнообразия и находчивости. Но тупоголовый американский избиратель, наспигованный многообразной пропагандой корпораций, скажет вам: «Пустяки, ведь трестовским лоббистам противостоят другие, нетрестовские,— как, например, лоббисты АФТ, лоббисты Лиги борьбы с салунами,— и их деятельность, при поддержке честной, бдительной прессы, дает гарантию, что Америка никогда не окажется под эгидой корпораций!» А ведь достаточно неоспорим тот факт, что простой народ (99% всего населения!) никогда не знает процветания, тогда как корпорации и банки процветают постоянно!

Но разве американского избирателя заставишь задуматься над этим да и над чем бы то ни было из области экономики, политики или науки об управлении государством? Что же, неужели демократическая и республиканская партии всегда будут держать в окостенении разум рядового американца? Не хочется окончательно примириться с этой мыслью. Один из руководителей Американской федерации труда в Нью-Йорке не без гордости заявил мне, что именно АФТ спасла Америку от социалистической опасности! И добавил, что теперь она сосредоточила свои усилия против опасности коммунистической. Представьте же себе умонастроение народа, который не способен подняться выше уровня этих безмозглых (во всем, что не касается злоупотреблений и предательств) республиканцев и демократов и низкопоклонствующей перед ними Американской федерации труда! А ведь именно в силу этого умонастроения глушатся сейчас в Америке голоса коммунистов и предложенный ими замечательный план общественного развития встречает ожесточеннейшее противодействие. Их руководителей обвиняют в подстрекательстве к мятежу, сажают за решетку на десять и на двенадцать лет. И так обстоит дело повсюду в Соединен-

ных Штатах. А ведь почему бы не проверить на практике кое-что из их политических теорий. Может быть, в них ключ к решению некоторых американских проблем? Лично я в этом глубоко уверен, так же как и в том, что нелепо выстраивать всех избирателей в две шеренги, по числу старых партий, и что ни к чему хорошему это не приведет. Неужели мы, американцы, так и будем прислушиваться к коварной пропаганде корпораций, убеждающих нас, что всякий, кто не республиканец и не демократ, тот — «красный»? Но пусть даже так, пусть в таком смысле он «красный», — что же из этого?

Как правило, наши судьи, адвокаты, газеты, полиция стараются всё, что не капитализм, приравнять к анархии. И предполагается, что американцы верят им и ничего, кроме капитализма, для себя не желают. Однако так ли это на самом деле? А если не так, нужно ли удивляться, что избирательная система, как путь к реформам и сдвигам, утратила все свое значение и ценность?

Когда закладывались основы государственного строя Соединенных Штатов, мыслилось, что правительство будет учитывать и претворять в жизнь волю народа. А на деле правит нами одна только воля — воля денег. К чему же в таком случае выборы? Стоит ли голосовать, тратя столько времени и денег на избирательные кампании, если все равно это ни к чему не приводит? Несколько могущественных корпораций укажут нам, что делать, и мы подчинимся. А не то нас *заставят* подчиниться, — как, впрочем, заставляют и теперь!

Год назад я предлагал перевести Уолл-стрит в Вашингтон. Но это, конечно, была лишь горькая шутка. Поверьте, я не настолько глуп, чтобы не понимать, что Уолл-стрит давно уже находится в Вашингтоне и правит нами даже не тайно, а явно. Видимо, с точки зрения магнатов Уолл-стрита, мы, американцы, не стоим даже того, чтобы отводить нам глаза!

КТО ВЛАДЕЕТ АМЕРИКОЙ?

Прежде всего я хотел бы обрисовать, насколько это возможно, моральный облик хотя бы некоторых из наших денежных магнатов, ибо личность их неразрывно связана с теми фактами, о которых рассказано в этой книге.

Начнем со старого коммодора, основателя династии Вандербильтов. Это был грубиян и деспот, который всех подчинял себе и никому не доверял. Он глубоко презирал всякие «роскошества»; даже в старости он не умел писать. Сын его, Уильям Г. Вандербильт, тоже не отличался образованностью, хотя и собрал коллекцию картин огромной ценности, — но в данном случае он только следовал моде. Сэйдж тоже был скрягой, не хуже старого Вандербильта. Он даже не давал себе труда лицемерить в вопросах нравственности или благотворительности. Ни совести, ни сострадания к людям у него не было ни на грош. Дж. П. Морган без колебаний сокращал все препятствия на своем пути, одинаково попирая и своих соперников и законы своей страны. Он утверждал свой бесчеловечный индивидуализм со свирепостью тигра. Вот нравственный облик наших финансовых кумиров, которые, по крайней мере во всем, что касается денег, довели до идеала наш американский девиз: «Не жди, пока тебе дадут, — хватай сам!»

Наряду с крайним упорством в преследовании своих целей характерной чертой этих людей является то, что деятельность их почти всегда носит разрушительный, а не созидательный характер. Сэйдж и Гулд разрушали

все, к чему прикасались, потом бросали обглоданную добычу и принимались грабить в другом месте. Гулд буквально разграбил железную дорогу «Эри», потом проделал то же самое с «Союзно-Тихоокеанской». В отношении «Эри» вообще было проявлено, выражаясь мягко, минимальное количество созидательных усилий, ибо большинство наших железнодорожных магнатов ровно ничего не понимали ни в постройке железных дорог, ни в управлении ими.

Все наши американские магнаты без исключения обманывали народ насчет истинных мотивов своих поступков. Во время знаменитого скандала с «Типот Доум» полковник Стюарт, председатель правления компании «Стандард ойл оф Индиана» был обвинен в том, что взял в виде взятки на 759 000 долларов акций от Канадской континентальной торговой компании; сперва он это отрицал, потом сознался. И Джон Рокфеллер-младший, несколько более смирный отпрыск своего неукротимого папаша, впоследствии даже пытался удалить его из правления, как человека скомпрометированного (так он по крайней мере объяснял свои побуждения). Но суть-то дела в том, что Рокфеллеры были более заинтересованы в компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси», чем в компании «Стандард ойл оф Индиана». У старика Рокфеллера было больше акций первой компании, чем второй; а эта вторая компания, раздуваясь как парашют, постоянно вторгалась на рынки первой и нарушала ее интересы. Это-то и не нравилось младшему Рокфеллеру, и он воспользовался удобным случаем для того, чтобы разделаться, наконец, со Стюартом. Но изображалось это, конечно, совсем иначе. Вашингтонская газета «Стар» писала по этому поводу: «Крупнейший из наших нефтепромышленников по доброй воле и со всей искренностью присоединился к сенату в его усилиях распутать скандальное дело «Типот Доум». Так что видите, каковы наши магнаты: они

¹ «Типот Доум» — название одного да крупных месторождений нефти, составлявших собственность государства. В президентство Гардинга эти месторождения за большую взятку были переданы в частные руки. Эта нефтяная панاما была раскрыта сенатской комиссией, и многие члены конгресса и даже члены кабинета министров были уличены во взяточничестве.

ничем не брезгают — воруют, лжесвидетельствуют, дают и берут взятки, но когда кто-нибудь уличен в одном из этих преступлений и погубить его выгодно для их магнатского кармана, они сами присоединяются к тем, кто его преследует и изобличает!

Но продолжим изучение наших финансовых гениев.

Все наши магнаты, и прежде и теперь, не только злонамеренно отказывались отвечать правительственным комиссиям на вопросы, затрагивающие общественные интересы, но там, где это соответствовало их собственным интересам, давали — под присягой! — ложные показания. Так, Рэссел Сэйдж неоднократно показывал под присягой, что его личные средства, подлежащие обложению, не превышают 2 000 000 долларов; однако после его смерти обнаружилось, что они составляли 40 000 000.

Эксперт-бухгалтер, Огест Стейн, давая показания перед комиссией Хепберна в 1879 году, заявил, что ревизия отчетности железной дороги «Эри» доказала с полной очевидностью, что Гулд положил в собственный карман 12 000 000 долларов из сумм, предназначенных, но так и не употребленных, на постройку и оборудование дороги; а от разных махинаций с акциями он урвал для себя еще больше. И на эти награбленные деньги наследники Гулда теперь блистают в обществе. Рокфеллер в 1888 году показал перед нью-йоркской следственной комиссией, что он никогда не был заинтересован в делах «Саузерн импрувмент Компани», а меж тем еще в 1872 году, из свидетельских показаний перед комиссией конгресса, выяснилось, что он имел 120 паев в этой компании. Да еще другие акционеры «Стандард ойл» имели в ней пай, и, если сложить все вместе, получается, что «Стандард ойл» был бесспорно самым крупным пайщиком «Саузерн импрувмент компани». Рокфеллер показал — тоже под присягой, — что «Стандард ойл» ничего не предпринимал для того, чтобы снизить прибыли своих конкурентов, — это, я полагаю, комментариев не требует, — и что он никогда не получал железнодорожных скидок, — а он их получал — в продолжение шестнадцати лет и от всех крупных железных дорог.

Не мешает попутно спросить (и ответить), что думал

Рокфеллер о рабочем вопросе и обо всем сюда относящемся? Вот что он думал: он считал, что оказывает рабочим благодеяние уже тем, что дает им работу. А какую зарплату они у него получали, это вам известно. Когда же подобный вопрос задали Дж. П. Моргану — это было в 1915 году в Комиссии по отношениям между нанимателями и рабочими, — он отвечал, что никогда даже и не задумывался над тем, в каком возрасте детям можно идти на производство, и о том, сколько часов и за какую плату должен работать рабочий. Можно ли себе представить, что человек в его положении, осыпанный всеми благами, какие ко времени его рождения успело создать организованное общество, способен на такой безудержный индивидуализм, такое себялюбие, такие антиобщественные чувства? Сказать такую вещь! Признаться, что он за всю жизнь не уделил даже единой мысли столь важным для человечества вопросам, — кроме, быть может, тех случаев, когда бывала затронута его собственная выгода. А ведь это он был хозяином Компании торгового судоходства, которая платила своим рабочим 10 долларов в неделю! И когда его спросили в комиссии, считает ли он, что на такую зарплату рабочий может содержать семью, он ответил: «Раз он на нее соглашается — то, очевидно, может». Насколько же тупым и эгоистичным должен быть такой Морган, если он в самом деле считает, что организованное общество создано для него одного или для той узкой группы, которая сейчас захватила власть именно потому, что организованное общество дало ей для этого возможность! Пусть он хоть на минуту вообразит себе, что он составляет часть не огромного государства, а, скажем, маленького племени. Маленькое племя может уцелеть среди окружающих его опасностей лишь в том случае, если все его члены будут равно делить труд и получать более или менее равную долю благ, созданных этим трудом. Исторически это так и бывало. А теперь представим себе в этих условиях человека с психологией Моргана, который отделяет себя от всех и желает делать только то, что ему угодно (на племя ему, понятное дело, наплевать). Долго ли его станут терпеть? Его очень скоро убьют или изгонят, что в первобытной обстановке равносильно смерти, — вполне

справедливое воздаяние за такой крайний эгоизм! Скажет ли он тогда, что даже и не задумывался над рабочим вопросом или над тем, сколько и за какой труд людям следует получать? А у нас он, видите ли, не задумывался! Он даже прибавил, что его директора никогда не уделяли внимания рабочему вопросу, — это была ничтожная мелочь для таких финансовых гениев. А вот в государстве, где правят рабочие, как в России, там на это смотрят иначе.

Анархия и власть грубой силы — вот характерные черты деятельности всех наших денежных магнатов. И привело это в конечном счете к тому, что сейчас в Америке главенствуют и правят несколько семейств. Понимаю я под этим следующее: когда в 1877 году умер старый Корнелий Вандербильт, первый магнат в этой семье, он оставил наследство в 105 000 000 долларов. Эта цифра всех поразила, она вызвала удивление и даже страх, словно какое-то чудо. Да она и была по тому времени чудом. Но к 1893 году вандербильтовские капиталы контролировали уже 12 000 миль железных дорог, ежегодный валовой доход с которых составлял 60 000 000 долларов. А к 1908 году состояние Вандербильтов исчислялось уже в 700 000 000 долларов. Вот с какой быстротой росло богатство наших преуспевающих финансистов, если их семейный капитал продолжал оставаться в обороте. Поколение за поколением выходило на охоту и складывало добытое в общую кучу. А родоначальник другого такого же семейства, Джей Гулд Первый, в возрасте всего сорока пяти лет, уже владел состоянием в 100 000 000 долларов.

Но там, где прибыли так высоки, как у нас, и где, как у нас, все решает сила, обладателю крупного состояния нетрудно захватить в свои руки значительную долю национального богатства. Тридцать лет тому назад Морган уже контролировал 55 000 миль железных дорог. В 1904 году (как это явствует из отчетов работавшей в 1906 году следственной комиссии законодательного собрания) страховое общество «Нью-Йорк Лайф иншуренс Компани» истратило 204 109 долларов на подкуп Олбэни¹, а общество «Эквитэбл лайф иншу-

¹ О л б э н и — резиденция законодательного собрания штата Нью-Йорк.

ренс» израсходовало в тех же целях 172 698 долларов. Колоссальные фонды обеих этих компаний контролировались Морганом же. К этому времени он уже скупил столько крупных банков, что в общей сложности контролировал капитал в 10 000 000 000 долларов. Как-никак, довольно заметная часть национального богатства!

Но я хочу, чтобы вы поняли, какие размеры у нас приняло это финансовое господство отдельных семейств. Вот как росло состояние Рокфеллера: дивиденды, выплаченные трестом «Стандард ойл» между 1870 и 1911 годами, то есть за сорок лет, составили 718 000 000 долларов. Одни только дивиденды!

Это, конечно, немалые деньги. Но понять, что они значат, можно только, если разобрать, на что они употреблялись. На эти деньги Рокфеллер стал банкиром, ибо он давал их займы; он делал миллионные обороты с иностранной валютой и другими обеспечениями.

Богатство Рокфеллера продолжало расти, как снежная лавина. Пока американские избиратели мирно почивали на перине своих демократических иллюзий (свобода, равенство и братство!), он превратился в финансового титана.

За период от 1911 до 1922 года акционерный капитал «Стандард ойл» вырос (согласно рыночной стоимости акций) на 3 000 000 000 долларов. Дивидендов в виде новых акций было выдано на 1 000 000 000 долларов. Дивидендов наличными тоже было выдано на 1 000 000 000. Сложите-ка все это вместе!

Чтобы лучше представить себе молниеносный рост капиталов Рокфеллера, а стало быть, и его мощи, которую он, как вы сами понимаете, обращал на чисто эгоистические цели, не имеющие ничего общего с благом народных масс, составляющих тело государства, вообразите, что у вас есть одна единственная акция компании «Стандард ойл оф Индиана». Вы купили ее давно, когда компания только основывалась; тогда эта акция стоила 100 долларов. Через двадцать три года стоимость такой акции, по книгам компании, составляла 2520 долларов. За годы после ликвидации «Стандард ойл», то есть между 1912 и 1923 годами, на нее было выплачено дивидендов наличными на сумму 8220 дол-

ларов и выдано дивидендов в виде новых акций на сумму 36 500 долларов. Иначе говоря, 100 долларов превратились почти что в 47 000 долларов!

Я уже говорил, что в 1911 году «Стандард ойл» был ликвидирован, как воспрещенный законом трест. Он был разбит на 34 независимых компании. Но он вовсе не перестал существовать как единый трест, ибо его владельцы продолжали контролировать все эти якобы независимые компании, и состав правления по существу не изменился. И к 1924 году компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси» — незначительная часть прежней корпорации — имела капитала больше, чем весь «Стандард ойл» имел в 1911 году. А ведь это только одна из многих крупных компаний, контролируемых рокфеллеровскими капиталами, только часть этого объединения, ставшего теперь поистине гигантским и приобретшего международное значение!

Я убежден, что сейчас в Америке всеми крупными капиталами и всеми крупными промышленными корпорациями управляет одна и та же немногочисленная группа лиц, заключивших между собой союз и действующих заодно. Такой союз, по моему убеждению, существует, несомненно, между рокфеллеровскими и моргановскими капиталами. Убеждение это я основываю на следующем: банки Дж. П. Моргана, к которым примыкают и другие, например «Ферст нейшнл бэнк», тесно связаны с промышленными концернами, например «Юнайтед Стейтс стил», и с «Америкен телеграф энд телефон Компани», которая, в свою очередь, тесно связана с рокфеллеровскими капиталами.

Я приведу вам кое-какие данные, которые сообщает Густав Майерс, написавший замечательную книгу «Американские миллиардеры». Оказывается, что уже в 1909 году «Стандард ойл» владел компанией «Дженерал электрик»; компания «Вестингауз» подпала под его державу еще раньше, во время биржевой паники 1907 года. Затем, в 1919 году, «Дженерал электрик» (теперь уже контролируемая компания треста «Стандард ойл») организовала «Америкен радио корпорейшн». А у той, в свою очередь, было дочернее общество «Радио корпорейшн оф Америка фотофон», и эта последняя, совместно с «Дженерал электрик», имела монополию на

всю изготавливаемую в Америке аппаратуру для звукового кино. В состав треста входили также все другие дочерние предприятия «Радио корпорейшн оф Америка» — «Радиотрон», «Виктор» и прочее, и прочее. Не спешите, прошу вас, и вникните хорошенько в то, что здесь написано.

Теперь, я думаю, ясно, что «Стандард ойл» контролирует «Радиотрест» или оказывает на него влияние, — называйте, как хотите, суть от этого не изменится. Но капиталы «Стандард ойл», кроме того, контролируют железные дороги, предприятия общественных услуг, угольные шахты, коксовые заводы, судовые компании, страховые общества. (Интересно, когда, наконец, правительство или сами корпорации вынуждены будут предать гласности все, что на этот счет известно и что до сих пор остается скрытым от широкой публики!)

Точно подсчитать состояние Рокфеллера-младшего невозможно. Но, принимая во внимание, что в его руках находится львиная доля акций, принадлежавших старому Рокфеллеру, можно догадываться, что годовой его доход огромен. Консервативная нью-йоркская газета «Коммершл» считает, что уже в 1905 году его годовой доход составлял по меньшей мере 72 000 000 долларов. Целых шестьдесят лет Рокфеллеры получали колоссальную прибыль, снова ее инвестировали, и снова получали на нее огромный доход; так что сейчас их состояние, вероятно, гораздо больше, чем принято думать. Взять хотя бы их городскую недвижимость — три огромных квартала ветхих четырехэтажных домов в самом центре Манхэттена. Старый Рокфеллер когда-то купил их за бесценок; теперь их сносят, чтобы построить на их месте радиогородок, или, лучше сказать, городок Рокфеллера. Это будет город небоскребов (трудно даже вообразить, в какие астрономические суммы обойдется его постройка!), где будут установлены оборудованные по последнему слову техники широкопередаточные станции, которые станут снабжать радиопередачами весь мир; а контролировать все это будет рокфеллеровский «Радиотрест». Уже одно это дает понятие о денежных средствах мистера Рокфеллера.

А посмотрим теперь, что происходит в других городах и в сельских местностях Америки. Банки и страхо-

вые общества имеют закладные на одну треть всей городской недвижимости, занятой под торговые предприятия и под жилые дома, и на одну пятую земли, обрабатываемой фермерами, которые постепенно превращаются в простых арендаторов; и за всем этим опять-таки встает фигура мистера Рокфеллера-младшего, ибо все эти банки и страховые общества входят в его гигантский трест.

Рокфеллер не просто миллиардер: одно его личное состояние исчисляется, вероятно, во много миллиардов; а сколько он еще контролирует косвенным путем? Коротче говоря: я утверждаю, что Рокфеллер сейчас владеет, прямо или: косвенно, всей американской промышленностью. И этот самый человек написал книгу под заглавием «Рабочие и хозяева — компаньоны». В ней излагается все та же капиталистическая философия, имеющая целью усыпить рабочий класс (сотрудничество, участие рабочих в прибылях и так далее), которую, по заказу корпораций, фабрикуют в неограниченном количестве эксперты по рекламе и обработке общественного мнения.

Но что по сути дела означает рокфеллеровский контроль над промышленностью? Он означает, что Рокфеллер-младший в большей мере, чем кто-либо другой из его собратьев капиталистов, является королем Америки, а его сын, Рокфеллер Третий,— наследным принцем, который будет властвовать по праву рождения, словно сын короля в какой-нибудь древней монархии. Законы нашей страны для этого, оказывается, не менее удобны, чем теория о божественном происхождении королевской власти!

В заключение скажу следующее: я пытался в этой книге показать, как началось капиталистическое разграбление наших естественных богатств и какой анархией оно сопровождалось. Под державой немногочисленной кучки наших финансовых магнатов тресты разрастаются с фантастической быстротой, и грабеж национального богатства идет полным ходом. Теперь уж не одна какая-нибудь корпорация, а все они вместе насаждают на американский народ. Они требуют денег, и еще денег, и опять денег! Они желают богатеть без предела и обирать потребителя без всяких ограничений, а больше всего им хочется диктовать среднему американцу, не-

жданно-негаданно оказавшемуся в их власти, что и как ему обо всем этом думать. Но станет ли он всегда думать так, как ему приказано? Классовые различия — пропасть между богатством и бедностью — это фактор, гораздо более сильный, чем интеллектуальные различия между отдельными людьми.

Но я возражаю не столько против Рокфеллера, или Гулда, или Сэйджа (мало ли было других, ничуть не лучше!), сколько против всей системы. Наше государство должно быть перестроено на другой экономической основе, исключаящей конкуренцию. Расточительство, неразрывно связанное с описанными здесь деловыми приемами, должно быть устранено. Это дикарские приемы, нетерпимые в цивилизованном обществе. Они губительны для общества в целом! Лозунгом нашего народа должно стать:

Мы требуем такого правительства, которое заботилось бы в равной мере обо всех гражданах!

Нельзя допускать концентрации огромных капиталов в частных руках!

Нам нужны по-настоящему дельные люди для руководства промышленностью в интересах всех граждан!

АГРЕССИВНА ЛИ АМЕРИКА?

Загнивающий капитализм несет народам порабощение.

Американские доллары — вот та почва, на которой возникает американский империализм. Куда же вывозит Америка свои доллары и как они распределены между отдельными странами? 2 000 000 000 приходятся на Канаду, около 1 000 000 000 на Мексику и Кубу, 500 000 000 на Великобританию и примерно по 100 000 000 на Францию, Венесуэлу, Перу, Боливию и Филиппины. И если не считать природных богатств, захваченных в США частными лицами в целях своего личного обогащения, то все эти капиталы являются продуктом труда американского рабочего. Это все сверхприбыль, созданная общими усилиями служащих, рабочих, конторщиков, продавцов. Созданные в Америке (и так несправедливо там распределяющиеся), эти капиталы заправляют теперь железными дорогами и предприятиями общественных услуг еще и в других девяти крупных странах. В шести странах они завладели всей промышленностью: они эксплуатируют нефтяные источники двадцати стран. В коммерческом отношении Америка в сущности перевернула весь мир вверх ногами и продолжает делать это и сейчас. За какой-нибудь один год американский капитал ставит тысячи телефонных станций (не телефонов, а станций!) — в Испании, Мексике и Южной Америке. Одна из наших крупнейших компаний, «Юнайтед фрут Компани», владеет банановыми плантациями в Гондурсе

(стоимостью в 24 000 000 долларов), Гватемале (стоимостью в 4 000 000), Коста-Рика (8 000 000) и т. д. и в корне меняет всю экономику этих стран, в результате чего местные рабочие, правда, не становятся богаче, зато владельцы этой компании, и без того уже колоссально богатые, получают возможность еще приумножить свои миллионы. А это верный залог того, что и рабочие других стран и широт в самом недалеком будущем станут жертвами такой же эксплуатации.

Фирма «Фокс филмз» имеет филиалы в сорока девяти странах; Генри Форд испещрил своими агентствами всю карту мира. Нет, кажется, такого уголка на свете, где ни поблескивал бы американский доллар. Повидимому, даже Китай становится местом встречи старых знакомых, где собирается у камелька все та же американская финансовая клика: тут и «Бетлехем стил», и «Стандард ойл», и Ли Хиггинсон, и Дж. Морган, не говоря уже о вездесущих и всемогущих Гуггенхаймах, Дюпонах, Догерти и Догени,— причем все они чувствуют себя здесь как дома. Да и немудрено: ведь их спокойствие охраняют американские пушки, солдаты и миссионеры.

Итак, американские капиталы щедро вывозятся за границу. Но что это дает американским рабочим или рабочим тех стран, куда попадают эти доллары? Повышается ли жизненный уровень этих рабочих, улучшаются ли условия труда? Наивный вопрос! Когда «Стандард ойл» был полновластным хозяином в Мексике, переработка нефти на месте обходилась ему в шесть раз дешевле, чем дома, — однако продавал он нефть всюду (в том числе и в Соединенных Штатах) по обычным рыночным ценам. За последние три-четыре года американские компании особенно расширили экспорт капиталов — иногда раза в четыре против прежнего. Дивиденды в 30 или 40 и даже в 400 и 4000 % способствовали развитию appetitов. Но здесь я хочу остановить ваше внимание на некоторых фактах, ибо только должная их оценка поможет вам понять, какое положение Америка ныне занимает в мире и что это сулит нам в будущем.

Существует ключ к той политике наживы, которая определяет собой всю коммерческую деятельность США

за границей. Дело в том, что наши иностранные предприятия находятся в ведении и управлении четырех или пяти крупнейших нью-йоркских банкирских домов. Это в первую очередь Кун, Лэб и К^о, Ли Хиггинсон и К^о, Дж. П. Морган и Джон Д. Рокфеллер со своим «Нэйшнл сити бэнк». Последний банк, действуя под вывеской «Ин-тернейшнл бэнкинг корпорейшн», имеет отделения во всем мире. Дж. П. Морган связан с банком «Форин файненс корпорейшн», чье назначение — финансировать американские предприятия за границей. Нетрудно себе представить, какой характер носит деятельность этих фирм и какими возможностями давления и влияния они располагают! И это, заметьте, в такое время, когда у нас особенно подчеркивается важность нормальных международных отношений, когда мы без конца твердим о разоружении и всячески напираем на лозунг «культурной и экономической помощи отсталым странам». Все это, по моему, неопровержимо доказывает, что у нас во главе страны стоит реакционное, империалистическое правительство, — такое правительство, которое идет на поводу у небольшой группы людей и руководствуется узкими групповыми интересами. Разве не то же самое было в Англии времен Дизраэли, Пальмерстона и Сэлсбери? Какую позицию занимает Америка, видно хотя бы из того, что большинство американских капиталов за границей вложено в такие отрасли хозяйства, как нефть и нефтепродукты, полезные ископаемые, фрукты, мясо и сахар, а не в какие-либо другие отрасли, менее прибыльные для государства, как, например, строительство или обрабатывающая промышленность, хотя и то и другое привлекает немало капиталовложений из других стран. Но для США важно захватить в свои руки основные ресурсы страны, тогда они зачастую получают возможность полностью контролировать ее финансы. Разве этот Факт не говорит с достаточной убедительностью об империалистическом характере политики США?

Для того чтобы получить в этом смысле ясное представление об Америке, полезно сопоставить ее с другими странами. Только это даст нам необходимую перспективу. В Европе есть свои финансовые короли, из которых с американскими могут сравниться разве только Кортланды (европейские Дюпоны) и Ротшильды (евро-

пейские Морганы). Вместе с другими заокеанскими финансистами, эти люди, по примеру своих американских коллег, не раз толкали Европу на путь недвусмысленных империалистических авантюр. Представители финансовой аристократии и здесь создают крайне запутанные и сложные объединения, которые с точки зрения американских законов против трестов надо было бы признать недопустимыми. Однако мне думается, что всем этим трестам далеко до переплетенных между собой держательских компаний Уолл-стрита.

Из всех иностранных компаний самая наглая, самая агрессивная, самая империалистическая по своим устремлениям — это, несомненно, «Роял Датч шелл». В противоположность тресту «Стандард ойл», который долгие годы довольствовался американским сырьем, объединенная англо-голландская компания «Роял Датч шелл» всегда вела разведку в других странах, стремясь прибрать к рукам их нефтяные месторождения и никого другого к этим месторождениям не подпускать. В Азии, Европе, Мексике, Южной Америке, на различных островах и, мало того, даже в Соединенных Штатах «Роял Датч шелл» опережала своих конкурентов, иногда выхватывая лакомый кусок из-под самого носа у «Стандард ойл». Одним словом, «Шелл» ухитрялась побивать «Стандард» на его же территории, и ныне все важнейшие стратегические позиции находятся в руках у мага и волшебника — Детердинга. Оба выхода из Суэцкого канала, острова Зеленого Мыса на полпути между Африкой и Америкой, одна станция у Панамского канала, другая у входа в Мексиканский залив! «Шелл» объединяет 80 компаний, а ее нефтеналивной флот не имеет равного в мире. И тем не менее все это едва уравнивает влияние «Стандард ойл» на европейском рынке.

Но удовлетворяют ли успехи объединенной англо-голландской компании самих англичан, и можно ли считать этот союз устойчивым во всех отношениях? Ни в коем случае! Наперекор империалистическим устремлениям Англии, добывающей мирового господства, «Роял Датч шелл» не только объединилась с французскими нефтяниками, но вывозит свои капиталы также и в другие страны. Заигрывая с американцами, она распространяет свои акции даже на уолл-стритской бирже. Такое

независимое поведение «Шелл», разумеется, не нравится англичанам: она ускользает из-под их контроля. И Англия, осторожный серый паук севера, создает для нужд своего военного флота особые нефтяные запасы с помощью «Англо-Персидской компании», находящейся под контролем правительства Великобритании. Англия не доверяет своих интересов ни «Шелл», ни какой-либо другой международной компании. А США это делает. Правительства, маскируя свои империалистические проiski, обычно прячутся за спину трестов; лишь в немногих случаях — как это было с Турцией, Польшей, Румынией — они решались на неприкрытую политику захвата.

Но что же сказать о тех странах, которые попадают в кабальную зависимость к таким империалистическим державам, как США, или же к их международным трестам? Что этому виной — недомыслие или же подкупность правительств, творящих волю корпораций? Ведь там, повидимому, и до сих пор не понимают, что стоит лишь пустить такой трест на свою территорию, хотя бы заранее ограничив сферу его контроля, как он немедленно начнет хозяйничать во всей стране, постепенно приводя ее к полному подчинению. Так, в Боливии трест «Стандард ойл» не только распоряжается всей нефтью, он захватил в свои руки железнодорожное и трамвайное хозяйство, управление портами, электростанции, газовые заводы, телеграф, телефон и предприятия общественных услуг. Некоторые южноамериканские государства, которые, по неразумию своему, предоставили американским или английским фирмам преимущественное право концессий, очень скоро почувствовали всю прелесть господства монополий: их фактически вынудили закрыть доступ для капитала других стран. И все же финансовые гиганты США и Англии продолжают получать в этих странах все новые и новые концессии при поддержке местных «государственных деятелей» и «народных представителей», скрывающих под маской «патриотизма» самое гнусное вероломство. Так, недавно в Чили была организована монополия «Косач», объединяющая всю селитренную промышленность страны под контролем американских и европейских банков и их вкладчиков. И вот чилийское правительство, которое пе-

редало компаний «Косач» 150 000 000 тонн селитры и освободило вышеуказанную компанию с капиталом в 750 000 000 долларов от экспортной пошлины в 12 долларов 32 цента с тонны, получает теперь всего-навсего 50% общей прибыли, — если не считать того, что в ближайшие три года ему будет выплачено еще 21 000 000 долларов наличными и 36 000 000 долларов обязательствами треста.

Но вот наша компания «Телефон энд телеграф интернейшнл» филиал крупнейшей американской монополии, получила в Чили концессию на пятьдесят лет по эксплуатации телефона и радио. Если к концу этого срока чилийское правительство не выкупит концессии у нынешних владельцев, она так и останется за ними. А если, что легко может случиться, американцы не пожелают продавать? Что тут может сделать правительство? Во всяком случае, диктовать условия будет, конечно, корпорация. А каковы будут эти условия, легко поймет всякий, кто является абонентом почтенной фирмы в Америке.

Разумеется, всякая сделка такого рода начинается с обмена любезностями. На то и дипломатия! На то и юристы! Когда 300 000 абонентов Аргентины, Чили и Уругвая оказались соединенными телефоном с 20 000 000 абонентов Соединенных Штатов и Канады, американский президент Гувер и чилийский президент Ибаньес выражали друг другу по этому поводу самые трогательные чувства. Интересно, однако, как себя будут чувствовать жители этих малых стран, когда увидят лет через десять — двадцать, что платить за всё им приходится по американским ценам, а жалованье получать обычное для Кубы или Аргентины, то есть нищенское, да еще постоянно слышать угрозы: вот, мол, сейчас американские войска высадятся на берег, чтобы защищать права своих соотечественников и их имущество? Не кажется ли вам, что чересчур наивным правительствам этих стран рано или поздно придется отвечать за свои ошибки? Ибо любезные корпорации, с которыми они сейчас так хорошо ладили, будут, разумеется, драть семь шкур с населения! В этом можно не сомневаться, — достаточно вспомнить, как поступают наши сверхмощные корпорации у себя на родине. Станут ли они менять свой нрав

при переезде через границу? И ради кого? Подумаешь, какие-то комариные государства! Туда же, имеют дерзость ссориться с американской корпорацией, тогда как американской корпорации стоит только приказать покорному ее велениям американскому правительству — и оно занесет свой тяжелый кулак над любой маленькой страной!

Но обратимся на минуту к Китаю. Что мы видим здесь? Американские корпорации не только захватывают здесь монопольные права, но и заключают контракты, из которых вытекает целый ряд выгод и привилегий. Недавно нью-йоркская газета «Герольд трибюн» сообщала, что если в 1914 году в Китае было зарегистрировано 136 американских фирм, то в 1920 году число их достигло 400. А в 1924—1929 годы, в самую бурную пору процветания и экономической экспансии, число этих фирм еще возросло. Сейчас торговля с Китаем представляет для предприимчивого американца самую лакомую приманку¹. И если в 1914 году стоимость нашего экспорта в Китай выразилась в 24 000 000 долларов, то в 1924 году она уже достигла 124 000 000 долларов, то есть выросла более чем на 400%.

А какие только международные осложнения не возникали в связи с капиталовложениями за границей! И еще могут возникнуть! В 1911 году компания «Бетлехем стил» подписала с китайским правительством договор на постройку военной верфи и угольной станции и поставку судостроительных материалов. Но могла ли Япония допустить, чтобы Соединенные Штаты обзавелись на Востоке мощной базой? Конечно, нет! И договор, хотя и вошедший уже в силу, лопнул. Соединенные Штаты ничего по этому поводу не предприняли. Положение в самом деле получилось трудное: одно правительство со своими трестами — против другого правительства с его трестами! Правительство США решило, наконец, замять эту историю; велено было держать все это в тайне. Но тут на сцену выступила другая империалистическая держава — Англия, тоже с предложением построить Китаю военный флот, — и это невзирая на то, что уже имелся налицо американский контракт. У Англии оказалась ка-

¹ Речь идет о 1931 году.

кая-то договоренность с Японией—во всяком случае особых разногласий не было, — так что все как будто благоприятствовало английскому проекту. Но тут, видимо, в Китае спохватились, что военный флот им собственно ни к чему и что скорее он может пригодиться тем самым империалистическим державам, которые о нем хлопочут. Во всяком случае «спрос» со стороны Китая внезапно прекратился, и, таким образом, инцидент был исчерпан.

Но еще до этого Китай оказался ареной битвы между двумя гигантскими концернами — английским и американским, — битвы, которая заставила «Стандард ойл» впервые отдать должное своему заморскому конкуренту «Роял Датч шелл». Дело было так. «Стандард ойл», проникший в Китай задолго до «Роял Датч шелл», уже и раньше не раз прибегал к следующему методу борьбы со своими конкурентами на мировых рынках: он продавал свои нефтепродукты за границу по заниженным ценам, не покрывающим даже себестоимости, компенсируя себя за это грабительскими ценами на отечественном рынке, где эти цены поддерживались высокими таможенными тарифами, установленными (заметьте!) специально для того, чтобы защищать интересы нефтяной корпорации.

Пользуясь этим преимуществом, «Стандард ойл» в течение многих месяцев после появления «Роял Датч шелл» на китайском рынке, все больше и больше снижал цены, чем доставил сэру Генри Детердингу (который во время этой кампании на одном только керосине потерял около 4 000 000 долларов) немало неприятных минут. Однако противник не сдавался, и в конце концов «Стандард ойл», также несший огромные потери, вынужден был пойти на мировую: недавние противники согласились поровну поделить между собой китайский рынок.

Но не успели эти две фирмы помириться в Китае, как между ними разгорелась борьба в Мексике. Могущественный «Стандард ойл» и здесь обосновался первым, но затем подвергся нападению со стороны компании «Роял Датч шелл», которая на сей раз заручилась поддержкой нескольких независимых американских компаний, жаждавших свести счеты с Рокфеллером и его

«Стандард ойл» и потому пользовавшихся финансовой поддержкой Моргана. Вот вам опять международный конфликт: американские тресты против английских трестов, а также, в этом же самом конфликте, американские деньги против американских интересов. И, наконец, американский капитал, вовлеченный в фарватер английской политики, — против американского же капитала. Причем вся эта свара заварилась на территории ни в чем неповинной Мексики.

Наши гигантские тресты и держательские компании, нажив в Америке огромные капиталы (и, кстати, украв у труда его законную долю прибыли), вторгаются в чужие страны, захватывают здесь промышленность и естественные богатства, а потом требуют, чтобы американское правительство, не жалея сил и средств, защищало их интересы. Соблюдают ли они законы тех стран, куда являются непрошенными гостями? Помогают ли они населению приобщиться к завоеваниям культуры и вступить на путь прогресса? Если вы питаете на этот счет какие-то иллюзии, вспомните положение на Кубе, где на ролях «чрезвычайного и полномочного посла Соединенных Штатов выступает один из Гугенхеймов (Гарри П.), доверенный советчик и покровитель Мачадо, ненавистного народу диктатора! (Передают, что на банкете в Санта-Клара Мачадо сказал своим слушателям, указывая на американского посла: «Я представляю собой честное и справедливое правительство; вот со мной рядом сидит американский посол, он вам это подтвердит».) Вспомните Чили, где хозяйничание Гугенхеймов в селитренной промышленности привело к народному восстанию и вынужденному бегству из страны диктатора Ибаньеса. Или республику Никарагуа, диктаторы которой то и дело призывают на помощь американские штыки и военные корабли. Или же Гаити, Венецуэлу, Сан-Доминго и даже отдаленный Китай, где имущество и интересы наших сограждан то и дело требуют экстренных мероприятий, вроде крейсирования у берегов этих стран американских военных судов с морской пехотой на борту...

Дело в том, что в Соединенных Штатах не только государственный департамент в целом, но и любой из чинов его многочисленных дипломатических миссий

действует на основе «священного» принципа, который гласит, что главная обязанность и право Америки заключается в том, чтобы защищать имущество и особу каждого американца, проживающего за границей, — даже в тех случаях, повидимому, когда требования американцев идут вразрез с местными законами. А посему, хотя новая мексиканская конституция и не предусматривает возмещения за имущество, конфискованное революционным народом, американский посол в Мексике, мистер Фолл, выступая от имени президента Гардинга, требовал такого возмещения во всех случаях, когда имущество принадлежало американским гражданам. Что же касается самих этих граждан, то они не только добиваются для себя привилегий вразрез с местными законами, но и вообще знать не желают этих законов. Что означает, например, пресловутый принцип «экстерриториальности»? Америка, так же как и другие империалистические государства, на основании несправедливых империалистических договоров, завела для себя свои собственные суды в Китае, — и эти суды ничуть не считаются с местными законами. Вспомните: когда китайское правительство, наивно поверив широковещательной декларации Лиги наций, призывавшей народы к миру, в 1919 году обратилось в Совет Лиги с просьбой о расторжении навязанного ему в 1915 году китайско-японского договора, японский представитель цинично возразил, что он не знает ни одного китайского договора последних лет, который не был бы навязан Китаю силой. И действительно, империализм рассматривает Китай как свою законную добычу.

В своей интервенционистской политике США исходят из того неписанного положения, что на собственность, приобретаемую американцем в чужой стране, законы этой страны не распространяются. Соединенные Штаты не только нарушают суверенитет латино-американских стран, но в вопросах имущественных прав и отношений просто игнорируют существующие в этих странах законы. В Мексике, например, американские землевладельцы даже и сейчас не подчиняются местным аграрным законам. (Мы, видите ли, слишком сильны для того, чтобы позволить мексиканцам управлять своим государством по собственному усмотрению, — слишком сильны

и слишком печемся о самих себе.) Другой руководящий принцип США, напоминающий о нравах доброй старой Англии, состоит в том, чтобы заключать договора с другими государствами, не иначе как держа их под прицелом своих орудий. Именно этим способом наши империалисты добились повсюду нефтяных концессий (да и не только нефтяных!) и подчинили своему влиянию целый ряд стран, ныне независимых только по названию, некоторые же страны, как, например, Филиппины, они привели к полному порабощению. Вспомним, как США соблазняли филиппинцев принять участие под предводительством Агинальдо в войне против Испании, обещая им за это независимость, и как затем, после окончания войны, США постарались утопить в крови это самое движение филиппинцев за независимость, возглавляемое Агинальдо. Можно ли назвать честной такую политику? Или возьмем такой случай: в 1898 году конгресс провозгласил «свободу и независимость» Кубы, но в 1919 году Соединенные Штаты разъяснили, что под словом «независимость» следует понимать не что иное, как американскую опеку, а свобода тоже отнюдь не означает полную свободу действий, нет, — это всего лишь некий теоретический, формальный суверенитет, сводящийся к праву выступать в международных отношениях как отдельное юридическое лицо. Эта фикция не имеет ничего общего с подлинной свободой, которую давно уже отнял у Кубы американский капитал в лице своих трестов и банков. Если не верите, поезжайте на Кубу, и вы увидите, что там 95% населения не желает мириться с финансируемым Америкой правительством Ма-чачадо, но избавиться от него не может. Для этого нужна была бы революция. И сейчас на Кубе действительно опять идет революционное брожение, но американский капитал, цепляясь за свои богатые концессии и прочие выгоды, среди которых не последнюю роль играет дешевый труд, всячески старается сломить сопротивление кубинского народа. Недаром ведь в 1900 году тогдашнее американское правительство заставило конвент Кубы принять пресловутую поправку к конституции, дающую США право в любую минуту ввести в страну войска для защиты «существующего порядка».

Итак, что будет с Мачадо — ставленником Гугенхей-

мов, Морганов и Хэвмайера с сыновьями? Удержится он у власти или нет? Не все ли равно! Допустим, что не удержится, — разве не постараются американские хозяева подыскать ему достойного преемника? Будьте покойны!..

А займы и кредиты, которые Америка предоставляет за немногими исключениями чуть ли не всем странам Европы, вроде, например, восьмимиллиардного займа Англии и Франции? Разве эти займы не являются средством оказывать политическое давление, и разве США когда-нибудь гнушались этим средством?

США предоставляли кредиты еще и другим странам, и всегда это было связано с принуждением. Особенно ревниво следили они (и сейчас следят) за Центральной Америкой и Вест-Индией, не позволяя им получать займы в какой-либо другой стране. Или занимай у нас, или мы не дадим тебе нигде занять! Так же ревниво следят Соединенные Штаты за малейшей попыткой чужого иностранного капитала обосноваться в этой запретной зоне. На каждую концессию, отданную не американцам, США немедленно накладывают вето. А если этот запрет как-нибудь ухитрятся обойти, США тотчас же предъявляют ультиматум, подкрепленный американскими штыками и пулеметами. В июле 1924 года США осуществляли финансовое руководство — ни много ни мало — одиннадцатью латино-американскими странами! Но чего только не натерпелись народы этих стран! Как они протестовали против американских интервенций! За последние годы США тридцать раз посылали войска и корабли к берегам этих «суверенных» государств, чтобы навязать им свою волю. Это ли не империализм! Над Кубой, Панамой, Гаити и Никарагуа США фактически установили протекторат. А сколько лет они поддерживали в Никарагуа правительство, ненавистное 80% населения! Двадцать два года американский флот блокировал порты Никарагуа. К чему же привела эта политика? Население Никарагуа поражает своей отсталостью и забитостью. В Гавайе после «замирения», стоившего жизни трем тысячам местных жителей, США взяли в свои руки таможи этой страны и переделали по своему вкусу ее конституцию. Подобная же судьба постигла Колумбию. Воспользовавшись спровоцированным

здесь восстанием, США установили над ней свой протекторат.

Для того чтобы показать, какую неустойчивость вносят в жизнь этих стран происки американских корпораций, достаточно отметить, что за один год, с февраля 1930 по март 1931 года, в семи из двадцати латиноамериканских республик произошла смена власти. В Аргентине, Бразилии и Перу новые правительства не получили санкции народных выборов, а выборы в Доминиканской республике были признаны судом фальсифицированными. А ныне «его величество» Гувер объезжает свои королевские владения (Пуэрто-Рико), чтобы утвердить верноподданнические чувства в сердцах своих вассалов. Гувер не упускает случая им напомнить, что, «став под американское знамя, они получают свободу, независимость, самоуправление и все права личности», — то есть именно право выбиваться из сил на работе для какой-нибудь американской корпорации и получать за это заработную плату, на которую невозможно прожить. Государственный же секретарь Стимсон проводит в отношении латиноамериканских стран следующую тактику: он поддерживает их правителей даже в том случае, когда народ лишает их своего доверия. Допустим, что такого правителя свергли, — США его все равно признают: им не важно, чтобы он получил народное одобрение, достаточно если народ открыто не протестует, хотя это означает только, что у народа не было возможности высказать свое мнение: голосовать не дали, а восстать не удалось. А между тем признание США обеспечивает свергнутому правителю иностранные займы и средства для борьбы за власть. С тех пор как США избрали эту тактику, перевороты стали так часты, как никогда не бывали раньше. Разве все это вместе не является достаточно ясным ответом на вопрос: «Угнетает ли Америка другие народы?»

Мало того: в «Протоколах конгресса» записано черным по белому, что финансовые короли Уолл-стрита имеют право возражать против любых разоблачений из области американской иностранной политики. Приняв такое постановление, американское правительство само расписалось в том, что оно есть не что иное, как мальчик на побегушках у американских корпораций, что оно

служит интересам ничтожного меньшинства, горсточка привилегированных. У нас ведь в Америке одни лишь тресты имеют привилегию не только желать, но и добиваться желаемого. Вот, например, когда мексиканское правительство Диаса, стремясь сломить монополию «Стандард ойл», предоставило концессию англичанину Пирсону, в стране немедленно «восстал народ». (Несколько странная причина для народного восстания, не правда ли?) И, разумеется, Соединенные Штаты оказались на стороне инсургента Мадеро, который в свою очередь оказался на стороне интересов «Стандард ойл». (Согласитесь, что это необычная позиция для США, особенно если вспомнить, как наше правительство ныне ополчилось на революционное движение Кубы!) Как раз в это время некий мексиканский министр сообщил сенату США, что между «Стандард ойл» и Мадеро (о роли правительства США он, как видите, деликатно умолчал) было заключено соглашение, по которому Мадеро обязывался, если его сделают президентом, отнять все концессии у Пирсона и передать их «Стандард ойл». Кроме того, по свидетельству бывшего американского посла в Мексике, государственный департамент в Вашингтоне располагал данными, подтверждавшими, что восстание Мадеро было организовано на средства «Стандард ойл». Несколько позже в события вмешалась еще какая-то группа предприимчивых американцев, жаждавших урвать что-нибудь и для себя; они финансировали еще пяток мексиканских инсургентов — разумеется, с исключительной целью восстановить в стране мир и порядок. С другой стороны, «Стандард ойл», увлеченный борьбой с Пирсоном и с происками английского правительства, сделал новый ход: он предложил мексиканскому правительству заем на миллиард долларов, обещая сразу же положить конец беспорядкам, при условии, что ему, тресту «Стандард ойл», будут предоставлены новые нефтяные концессии. Кто-кто, а мексиканские бандиты на всем этом недурно заработали. Пирсона, однако, из Мексики выжить не удалось (за ним, видно, стоял кто-то с не менее тугим, чем у «Стандард ойл», кошельком), и в конце концов основанную им компанию «Мексикен игл» купил у него злейший конкурент американской фирмы — «Роял Датч шелл». Суть этого

мексиканского конфликта в том, что здесь столкнулись интересы соперничающих государств: они, понятно, не могут допустить, чтобы какая-нибудь одна страна или одна фирма заняла на мировом рынке господствующее положение. Английское правительство так горячо вступилось за «Роял Датч шелл», что это дало почву для предположений, будто само правительство негласно контролирует англо-голландскую нефтяную компанию. Эти предположения, вероятно, не совсем лишены оснований, хотя запасы нефти для своего военного флота Англия черпает из ресурсов «Персидской нефтяной компании».

Нетрудно заметить, что во всех этих аферах правительство США играет роль пешки. Не само оно, конечно, затевает все эти интриги и провокации. Это делают корпорации и тресты. Но в критическую минуту они пускают в ход правительство США в качестве тяжелой артиллерии — на предмет морального устрашения противника и физической с ним расправы. Ну, а как же американский народ, интересы которого это правительство будто бы представляет и о котором (и только о нем!) оно призвано заботиться, — он-то во всем этом хоть сколько-нибудь заинтересован? Вы сами понимаете, что нисколько! Вот интересы «Стандард ойл» наше дорогое правительство действительно принимало близко к сердцу и старалось всячески его поддерживать в этом мексиканском конфликте. Оно даже решилось оспаривать один из пунктов мексиканской конституции, запрещающий иностранцам владеть в Мексике минеральными богатствами, утверждая, что этот пункт не может распространяться на американцев. И, конечно, какая-то часть американцев в этом деле заинтересована, но ведь этих людей можно перечесть по пальцам! Это, в первую очередь, руководители нескольких сот наших торговых палат, рассеянных по всем штатам, — люди, которые кричат о добрых побуждениях американских бизнесменов; это акционеры 40 филиалов «Стандард ойл» и владельцы американских вложений в Мексике, т. е. 70% инвестированного там капитала. Эти-то господа и принялись по прошествии времени с жаром разоблачать тайну мексиканских событий, а наш государственный департамент, которому при этом тоже крепко досталось, попытался за-

мать весь этот инцидент и скрыть связанные с ним материалы не только от американской, но и от европейской прессы; нечего и говорить, что считался он при этом опять-таки не с интересами широкой публики — отнюдь нет! — а только с интересами империализма, с интересами акционеров и вкладчиков.

После всего вышесказанного, мне кажется, мы уже можем ответить на вопрос: «Агрессивна ли Америка?» — и ответить утвердительно. Не будем повторять вздорных басен о том, будто все великие державы боятся Соединенных Штатов. Все мы знаем, что войны обычно начинаются именно с таких конфликтов, как здесь описанные. Ясно также, что только такие империалистические страны, как Англия, Соединенные Штаты да еще, пожалуй, Япония, способны взять на себя инициативу в развязывании войны. Что их толкает на это? Всегда одно и то же: нестерпимое чванство, стремление главенствовать во что бы то ни стало, быть царями лягушечьего болота. Но история последних четырехсот лет показывает, что народы не раз объединялись против держав, проявлявших подобные стремления, — против Испании, Франции, Германии, Англии. Возможно, народы также объединятся и против Соединенных Штатов или против группы государств, возглавляемых Соединенными Штатами. Очагов войны сейчас стало даже больше, чем когда бы то ни было. В Центральной Америке, Китае да и повсюду в мире возникли коммунистические партии, и сопротивление, которое они оказывают захватническим стремлениям наших корпораций, не может не беспокоить американских капиталистов, так как является серьезнейшей угрозой для их заграничных миллиардов. Разве это не достаточная причина для войны?

Не забывайте также, что наши американские тресты встречают все больше препятствий в своих попытках присоединиться к эксплуатации нефтяных месторождений в таких странах, как Палестина, Месопотамия, Бирма, Индия, "Персия и некоторые владения Великобритании. Система преференций, существующая в ряде стран, не может не раздражать наших финансовых королей, протягивающих руку к богатствам всего мира. Долго ли они будут мириться с тем, что предпочтение оказывается не им, тем более что к их услугам имеется такой

многочисленный и такой послушный народ, как американцы, всегда готовый выполнять их приказания. Вдумайтесь в значение такого, например, факта, как присутствие наших войск в данный момент в Китае или интервенция в России в 1919, 1920 и 1921 годах, о которой наш народ даже не поставили своевременно в известность (не говоря уже о том, чтобы испросить его согласия), хотя делалось все это на народные деньги, деньги американского налогоплательщика!

Однако где же та Марна, на которой разыграются кровопролитные сражения ближайшей войны? Кто на сей раз ее начнет? Где воздвигнет себе трон будущий владыка мира и какой характер будет носить его власть? Войны всегда были той почвой, на которой рос и укреплялся капитализм и империализм; война сулит крупному бизнесу неограниченные возможности для наживы. Самых вялых и инертных захлестывает спекулятивная горячка, прибыли растут! И уж если Америка решила воевать, то, конечно, самое выгодное для нее — это напасть первой и, согласно немецкой военной теории, расправиться с врагом прежде, чем он успеет расправиться с ней. Но вот вопрос: если не считать представителей большого бизнеса, всюду преследующего свои захватнические цели и всегда готового попирать ногами народные массы ради возвышения немногих, то много ли найдется людей, которые хотели бы войны, и много ли у нас настоящих врагов? Думаю, что ни тех, ни других нет вовсе. Их сейчас, как и всегда, приходится искусственно создавать, — и для этого есть средства: политика насилий и самоуправства за рубежом и военная пропаганда у себя дома. Это теперь уже должно быть ясно всякому школьнику.

Но вот что еще важнее: ведется ли уже сейчас подготовка к новой мировой войне? А если ведется, то что об этом известно американскому народу? Ибо я ни за что не поверю, что народ Соединенных Штатов хочет теперь войны. Народ, как мне думается, не отравлен ядом империализма и, если никто не посягнет на его права и свободу, готов жить в дружбе со всеми. Зачем же он позволяет нашим корпорациям вечно соваться в чужие дела, почему не укротит их стремление господствовать во всем мире? Пора обуздать их и призвать их

к порядку. Ведь как бы они ни заносились, все они в руке народа и существуют лишь его милостью и соизволением. Пора показать им, кто их настоящий хозяин. Это — сам народ! А если не хотят честно трудиться на общее благо, пусть убираются вон! Народу не нужны правители, которые могут в любую минуту втравить американскую нацию в войну, несущую гибель и разорение. И пусть бразды правления примут те, кто понимает, что организованное общество не может существовать, если все его члены не будут трудиться и если оно само не будет в свою очередь всех кормить и обо всех заботиться.

Но пока суд да дело, финансовые заправилы Америки стараются во всем уподобиться своим коллегам, английским империалистам довоенного времени (впрочем, те, кажется, и после войны не изменились): они рвутся к завоеваниям, а стало быть — и к войне. Но в Англии правительство может объявлять войну, не спрашиваясь у народа. Вот к этому и стремятся наши американские финансисты — им тоже хочется быть правящим классом. Они хотели бы сами выбирать за нас наших президентов и губернаторов, наших законодателей, судей и т. д. Собственно говоря, они уже этого добились. И не только этого: при помощи своих миллионов они пытаются уже править всем миром. Но разве для нас так уже соблазнителен пример Англии, Японии и царской России? Хотя Англия и стала мощной державой благодаря тому, что ее банкиры занимались ограблением, таи называемых «отсталых народов», я все же не считаю ее образцом для подражания. Эта система уже устарела. Оказалось, что пользы от нее мало. Миллионы англичан, граждан могущественной империи, прозябают в нищете, в то время как члены королевской семьи и титулованные аристократы забрали себе все народное достояние. А сколько в них чванства, какое чувство превосходства! Всем этим сверхчеловекам дела нет до простых людей. Они даже говорят с ними на разных языках. Первой своей обязанностью они почитают заботу о том, чтобы всяк оставался на положенном ему месте, простой люд внизу, а они сами наверху. Но согласятся ли ? этой точкой зрения народные массы, которые теперь с каждым днем все больше прозревают? Наверяд

ли! Разве сейчас не ощущается повсюду перемена — и перемена к лучшему, не к худшему? Для меня это несомненно.

Как бы то ни было, существует, на мой взгляд, два способа покончить с американским империализмом. Первый связан с вопросом о войне. Война всегда ведется ради какой-то цели. И всегда господствующее меньшинство решает, ради чего будет вестись война. Американский народ в данном случае, участвуя в войне, только выполняет волю своих хозяев, и сам он как нельзя лучше отдает себе в этом отчет. С другой стороны, он еще склонен тешить себя иллюзиями, будто Америка свободная страна и будто американский избиратель, голосуя, в самом деле изъявляет свою волю. Но разве решение вопроса, быть или не быть войне, не является высшим волеизъявлением нации? Так кто же должен решать: ничтожное меньшинство (то есть корпорации, охотящиеся за военными прибылями) или же весь народ? Вот вопрос, который ныне заставляет задуматься даже и тех, кто не отличается широким политическим кругозором.

Когда я размышляю в этой связи о судьбах Америки, мне хочется сказать американцам: «Вы утверждаете, что живете в демократической стране. Но заметили ли вы, что ни один вопрос нашей иностранной политики никогда еще не ставился на ваше голосование? Поэтому я предлагаю поправку к конституции; пусть в этой поправке будет сказано, что вопрос о войне может решаться только всенародным голосованием, причем решение должно быть принято двумя третями голосов!»

Но есть и другой способ, куда более действительный, ибо он позволит покончить со всеми мерзостями американского империализма, о которых я здесь рассказывал, а не только с одной его стороной. Этот способ состоит в коренном изменении всей нашей экономической системы, — изменении, которое приведет к более справедливому распределению богатства. Но для того чтобы достичь этого, подавляющее большинство нации, — а не ничтожное ее меньшинство, — должно объявить войну прежним порядкам. Затем опять-таки большинство, а не меньшинство, должно установить новую систему справедливого распределения доходов — пропорцио-

нально затраченному труду, — что сейчас было бы невозможно, поскольку распределение доходов в настоящее время целиком находится в руках меньшинства. Когда же это будет достигнуто, большинство создаст свободное от всякого империализма государство, в котором будет жить великий и счастливый народ, обладающий необходимыми экономическими предпосылками для того, чтобы каждый из его сынов мог беспрепятственно развивать свои дарования и отдаваться тому делу, которое его интересует. Вот был бы поистине прекрасный и вдохновляющий пример! Не эта ли греза носилась перед внутренним оком наших демократически настроенных отцов-основателей, когда они представляли себе будущее тринадцати американских колоний!

СОДЕРЖАНИЕ

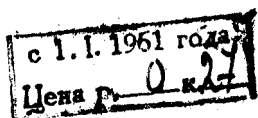
Обличитель американского империализма. <i>И. Анисимов</i>	3
Американская действительность13
Современные условия жизни масс.23
Банки и корпорации — наше фактическое правительство .	36
Верховный суд США на службе корпораций	57
Конституция — клочок бумаги.71
Рост полицейской власти.	87
Ущемление личности.103
Преступность и ее корни.118
Стоит ли голосовать?.127
Кто владеет Америкой?.144
Агрессивна ли Америка?.154

Редактор *А. Миронова*
Технический редактор *Л. Сутина*
Корректор *А. Иванова*

Сдано в набор 29/1 1952 г.
Подписано к печати 16/IV—1952 г.
А00869. Бумага 84х108¹/32=2,75 бум. л.
9,02 печ. л. Уч.-издат. л. 8,78. Зак. 99.
Тираж 30000. Цена 2 р. 65 к.
(номинал по прейскуранту 1952 г.)

20-я типография „Союзполиграфпрома“
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Ново-Алексеевская, 52

2 р. 65 к.

ГОСЛИТИЗДАТ
1952